This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

96710

М. М. ТЕБЕНЬКОВЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУСИ

Опытъ введенія къ исторіи Русскаго народа.

Часть первая.—Древніе Россы.

ТИФЛИСЪ
Типографія «Кавказъ» А. И. Петрова, Голов. пр. № 12.
1894 г.

Slav 3229.6

TEBEN'KOV
"PROISKHOZHDENIE RUSI"

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 1-го Ноября 1893 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 14 1972

59*2

Часть первая.

I.

Главнымъ вопросомъ лежащимъ въ основаніи нашей отечественной исторіи является конечно прежде всего вопросъ о происхожденіи *Руси* въ обширномъ значеніи этого слова, какъ названія страны, народа и государства. Безъ предварительнаго разрѣшенія этого вопроса не мыслимо и самое начало исторіи, какъ науки положительной, долженствующей основывать свои выводы на фактахъ, а не на вымыслахъ. Всѣ факты не провѣренные достаточно строгой критикой и вслѣдствіе этого не пріобрѣтшіе характера полной, убѣдительно-доказанной истинны —только умаляютъ достоинство исторической науки, придавая ея выводамъ извѣстную неустойчивость, подрывая къ ней довѣріе, лишая ее самаго существеннаго и необходимаго ея свойства—вполнѣ серьезнаго, научнаго интереса.

Дѣлать выводы, основываясь на данныхъ фактахъ —доступно всякому обладающему способностью логическаго мышленія субъекту, но разобраться въ самихъ приводимыхъ фактахъ, провѣрить ихъ правдоподобность, отличить ложь отъ дѣйствительности — есть дѣло достаточно трудное и доступное лишь лицу занимающемуся даннымъ предметомъ спеціально. На этихъ-то спеціалистахъ и должна лежать главная нравственная отвѣт-

ственность за предлагаемую ими оцѣнку того или другаго историческаго свѣдѣнія, за признаніе его достовѣрности или недостовѣрности. Чѣмъ болѣе является сомнѣнія въ существованіи самаго факта, тѣмъ менѣе, конечно, довѣрія оказывается и всѣмъ проистекающимъ изъ него выводамъ и заключеніямъ, а отсюда, очевидно, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является охлажденіе и къ самому вопросу, и къ наукѣ его разрабатывающей, и къ ея представителямъ.

Такое именно охлажденіе, къ сожалѣнію, замѣчается въ настоящее время въ большинствѣ нашего интеллегентнаго общества и по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу о происхожденіи Руси. Охлажденіе это выражается не только въ томъ, что вопросъ этотъ еще далеко точно не выясненный, считается большинствомъ публики какъ-бы рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, но и въ томъ, что подъчасъ высказывается даже мнѣніе, будто-бы и самая суть вопроса не заслуживаетъ по своей сравнительной маловажности тѣхъ усилій и того усердія, которыя на выясненіе ея употребляли. Не сводятся-ли—раздаются голоса—попытки разрѣшенія этого вопроса только къ исканію удовлетворенія празднаго любопытства? Не все-ли равно кто были таинственные Руссы передавшіе свое прозвище всему нашему народу и объединившіе его отдѣльныя племена въ одно цѣлое? Кто-бы они не были: Нѣмцы или Славяне, или представители иной какой либо народности—объединеніе это произошло не менѣе какъ за 1000 лѣтъ до насъ и, конечно, нынѣ всякіе слѣды ихъ вліянія, постепенно затѣмняясь ходомъ ряда событій послѣдующихъ, давно уже успѣли совершенно изгладиться и пропасть безъ остатка въ проявленіяхъ нашей народной жизни, а потому и вопросъ о націо-

нальности ихъ является совершенно празднымъ и для современности не интереснымъ.

Объ ошибочности такого взгляда врядъ-ли стоитъ распространяться. Добросовѣстное изученіе исторіи своего народа, его прошлаго, всегда было и будетъ важнѣйшимъ признакомъ политическаго самосознанія общества и является поэтому обязательнымъ для каждаго достаточно развитаго гражданина родной страны. Только черезъ посредство такого изученія и можно дойти до болѣе или менѣе яснаго представленія себѣ народныхъ силъ, способностей, качествъ и недостатковъ, уразумѣть всю сущность стремленій народа на поприщѣ его политической и общественной жизни, опредѣлить степень его устойчивости въ выполненіи этихъ стремленій и, наконецъ, дать себѣ отчетъ, созерцая его настоящее и опираясь на ясно изученное прошедшее—въ томъ, чего можно ожидать отъ даннаго народа въ будущемъ. Завѣса грядущаго разверзается тѣмъ шире, чѣмъ болѣе разсѣевается туманъ прошлаго. Какъ ни маловаженъ можетъ казаться съ перваго взгляда какой либо фактъ изъ прошлой жизни народа, какъ ни значительно число лѣтъ отдѣляющее его отъ современности—онъ всетаки, являясь наравнѣ съ другими фактами однимъ изъ звѣньевъ въ цѣпи историческихъ событій, несомнѣнно долженъ былъ оказать, хотя-бы самое микроскопическое вліяніе на общій ходъ народной жизни, а потому и наличность его неминуемо оттѣнитъ намъ ту или другую сторону картины послѣдовательнаго развитія народной культуры. Если таковой взглядъ правиленъ по отношенію къ самымъ мелкимъ фактамъ, то ясно, что освѣщеніе, приведеніе въ извѣстность событій несравненно крупнѣйшихъ—является уже дѣломъ важности первостепенной, а именно къ такого рода событіямъ и при-

надлежитъ разсматриваемый нами вопросъ о происхожденіи Руси. Правильное его разрѣшеніе, проливая свѣтъ на прошлое народа, должно неминуемо освѣтить намъ ту или другую характеристичную особенность нашихъ предковъ, для насъ далеко не безразличную, такъ какъ мы сами безсознательно носимъ въ себѣ ту же черту національнаго характера, съ которой надо считаться и по сіе время.

Напрасно пытаются также нѣкоторые сторонники ученія о Нѣмецкомъ происхожденіи Руси объяснить живой интересъ возбуждаемый даннымъ вопросомъ—мотивомъ узкаго національнаго самолюбія: не пріятно-де намъ Русскимъ признаться въ томъ, что устроителями нашей земли, первыми цивилизаторами народа, главными виновниками его объединенія и могущества—являются представители народности чуждой, племени Германскаго, а потому-де наши ученые—патріоты и не хотятъ ни за что согласиться съ истинной ясно доказанной. Такой взглядъ на вопросъ только затемняетъ дѣло. Суть разногласія не въ патріотизмѣ, а именно въ желаніи отыскать истинну, доказанную по сіе время далеко не ясно. Мы знаемъ изъ послѣдующей нашей исторіи подтвержденной уже доказательствами вполнѣ неоспоримыми, что Русскій народъ былъ и подъ игомъ Татаръ, а въ лицѣ отдѣльныхъ племенъ и подъ властью единоплеменныхъ Поляковъ, и Литвы, и даже тѣхъ-же Нѣмцевъ. Мы знаемъ также, что всѣмъ этимъ невзгодамъ народъ нашъ подчинялся недобровольно, никогда со своимъ вынужденнымъ положеніемъ вполнѣ не мирился, не только никогда не принималъ на себя чуждаго имени или прозвища, но напротивъ всегда твердо отстаивалъ свое собственное, свою самобытность и самостоятельность. Совершенно иное видимъ мы въ пред-

лагаемыхъ нами упомянутыми послѣдователями Нѣмецкой школы разъясненіяхъ о происхожденіи Руси. Тутъ народъ, по одному варіанту самъ добровольно приглашаетъ къ себѣ иноземныхъ и иноплеменныхъ властителей,—по другому—подчиняется ихъ игу легко, принимаетъ на себя ихъ имя и сродняется съ нимъ вполнѣ въ очень короткое время. Уже одно это обстоятельство совершенно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ позднѣйшей исторіи того-же народа и невольно заставляетъ усомниться въ правдоподобности проповѣдуемыхъ намъ положеній,—а разъ существуетъ сомнѣніе—стремленіе отыскать истинну должно оставаться въ полной своей силѣ. Вотъ главный мотивъ долженствующій служить побудительной причиной, для появленія всякихъ новыхъ попытокъ на поприщѣ выясненія даннаго вопроса—онъ легъ въ основаніе и настоящаго изслѣдованія.

Вопросъ о происхожденіи Руси по существу своему—вопросъ сложный и распадается на слѣдующіе четыре отдѣльныхъ вопроса:

1) Откуда появилось самое названіе „Русь“ и что оно означало?

2) Что послужило первоначальной причиной объединенія отдѣльныхъ племенъ въ одинъ народъ „Русскій“?

3) Изъ какого племеннаго состава образовался народъ Русскій?

4) При какихъ обстоятельствахъ и когда возникло Русское государство какъ самостоятельное политическое цѣлое?

Изъ этихъ четырехъ отдѣльныхъ вопросовъ попытаемся отвѣтить на первые три, что и должно служить задачей настоящаго труда—введенія къ исторіи

Русскаго народа. Разрѣшеніе вопроса четвертаго—есть уже начало самой исторіи, а потому вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, не долженъ быть смѣшиваемъ съ тремя предъидущими и по самостоятельной своей важности заслуживаетъ быть предметомъ отдѣльнаго историческаго изслѣдованія.

Прежде чѣмъ перейдемъ, однако, къ разрѣшенію данныхъ вопросовъ, разсмотримъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ пришли по выясненію главнаго, общаго вопроса „о происхожденіи Руси“ ученые представители нашей исторической литературы.

Близкое знакомство съ этими выводами является для насъ существенно необходимымъ, такъ какъ во 1-хъ: они рисуютъ намъ картину современнаго положенія вопроса въ нашей наукѣ, и во 2-хъ: только путемъ сопоставленія этихъ выводовъ со своими собственными и можно дойти до какого-бы то ни было логически понятнаго и правдоподобнаго разрѣшенія вопроса.

II.

Вопросъ о происхожденіи Руси интересовалъ нашихъ историковъ современъ самыхъ древнихъ. Первый русскій лѣтописецъ—авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ еще въ XI-мъ столѣтіи поставилъ его въ основаніе своего труда и пришелъ къ извѣстному его разрѣшенію. Выводы этого древнѣйшаго русскаго историка, хотя и были восприняты большинствомъ его ближайшихъ послѣдователей и подражателей, но однако не исключительно. Рядомъ съ полнымъ довѣріемъ къ автору въ обществѣ, какъ замѣтно, гнѣздилось съ самыхъ древнихъ временъ и нѣкоторое направленіе скептическое. Уже въ источникахъ XV-го вѣка и начала XVI-го направленіе это выражается достаточно реально. Появляются попытки выяснить вопросъ самостоятельно, отыскать его разрѣшеніе, слѣдуя путями иными, отличными отъ путей проложенныхъ первымъ лѣтописцемъ. Попытки эти сводятся главнымъ образомъ къ пріисканію инаго объясненія происхожденія народнаго имени. Очевидно теорія автора въ этомъ своемъ положеніи оказалась наиболѣе не удовлетворяющей сознанію тогдашняго мыслящаго класса. Фактъ этотъ самъ по себѣ весьма знаменателенъ и, какъ мы увидимъ ниже, невольно наводитъ на нѣкоторыя серьезныя размышленія.

Къ тому же времени приблизительно должны быть отнесены и первыя попытки пошатнуть довѣріе къ извѣстію лѣтописца о первоначальномъ образованіи государства. Попытки эти, вначалѣ весьма слабыя, съ теченіемъ времени значительно крѣпнутъ и уже въ концѣ XVI-го и въ XVII-омъ столѣтіяхъ, какъ результатъ ихъ, появляются цѣлыя фантастическія повѣсти разрѣшающія вопросъ о происхожденіи Руси совершенно инымъ путемъ, начинающія исторію со временъ гораздо болѣе стародавнихъ, чѣмъ времена описываемыя лѣтописцемъ въ началѣ его „Повѣсти", производящія народное имя отъ имени миѳическаго народнаго вождя, княжескій родъ предковъ Московскихъ царей—отъ Римскаго Императора Августа и т. п. Всѣ эти попытки, какъ видно, однако, колебали авторитетъ древнѣйшаго памятника весьма мало. Большинство книжниковъ всетаки признавало его извѣстія за непреложную истинну, имъ руководствовалось при своихъ историческихъ трудахъ, его ученіе приводило въ сознаніе народныхъ массъ грамотныхъ и не грамотныхъ. Таковое положеніе дѣла при полномъ отсутствіи науки исторической критики, было вполнѣ понятно и естественно. „Повѣсть временныхъ лѣтъ" являлась все таки памятникомъ древнѣйшимъ и произведеніемъ человѣка по времени выдающагося. Она передавала древнѣйшія историческія извѣстія и истолковывала ихъ, повидимому, ясно, понятно и правдоподобно. Авторъ ея кромѣ того принадлежалъ къ сословію въ древности составлявшему въ Россіи главное и почти исключительное ядро образованности, и при томъ образованности, такъ сказать, офиціальной, поддерживаемой и самой государственной властью. Почти всѣ его послѣдователи и продолжатели являлись лицами того-же сословія и, конечно, поддержаніе его авто-

ритета должно было служить предметомъ ихъ заботъ,— стимуломъ, къ которому они не могли относиться вполнѣ безразлично. Дополнять, исправлять, истолковывать первоначальныя извѣстія автора они хотя иногда и рѣшались, но только въ мелочахъ, въ деталяхъ, въ несущественныхъ, по ихъ мнѣнію, подробностяхъ; главныя же, основныя положенія его теоріи всегда сохранялись ими въ полной неприкосновенности и въ такомъ видѣ дошли и до временъ позднѣйшихъ. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ бороться съ теоріей древняго лѣтописца противупоставленіемъ лишь однихъ фантастическихъ и ничѣмъ не доказываемыхъ измышленій—скептикамъ было не подъ силу, а потому и вся борьба ихъ, не смотря на ихъ добрыя патріотическія намѣренія, являлась почти безплодной.

Такъ продолжалось до начала XVIII-го столѣтія, когда въ Россіи стараніями Великаго Петра явились первыя насажденія наукъ европейскихъ а въ числѣ ихъ и науки исторической критики. Ученые Русской Академіи Наукъ основанной Петромъ первые примѣнили эту науку къ русскимъ историческимъ источникамъ, подвергли ихъ строго научной провѣркѣ и обработкѣ и сопоставили ихъ съ историческими источниками другихъ народовъ. Результаты ихъ работъ, хотя могутъ казаться намъ теперь и не вполнѣ удовлетворительными, но тѣмъ не менѣе по времени были весьма важны и драгоцѣнны, такъ какъ работы велись на почвѣ строго научной, по методу, которымъ мы пользуемся и по настоящее время.

Вопросъ о происхожденіи Руси при критической разработкѣ источниковъ явился конечно первымъ и самымъ главнымъ и разрѣшенъ былъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ, повидимому, ясно и окончательно.

Древній отечественный источникъ его выясняющій— первыя страницы лѣтописи—признанъ былъ за документъ несомнѣнно достовѣрный, носящій въ себѣ элементы непреложной истинны и такимъ образомъ заслужилъ на этотъ разъ санкцію и научную.

Несмотря однако на такое общепринятое въ главныхъ своихъ основаніяхъ мнѣніе, тотъ-же самый вопросъ въ подробностяхъ сразу породилъ между учеными существенное разногласіе. Споръ возгорѣлся прежде всего на вопросѣ: что были лѣтописные варяги т. е. какого племени или происхожденія? Будучи согласны въ томъ, что призваніе первыхъ князей и перенесеніе племеннаго прозвища этихъ пришельцевъ на весь нашъ народъ—суть извѣстія вполнѣ достовѣрныя, ученые, по вопросу о національности этихъ пришельцевъ, раздѣлились на два главныхъ лагеря: одни признавали ихъ за представителей племени Германскаго—Скандинавовъ, древнихъ Норманновъ, другіе—за представителей племени Славянскаго и преимущественно—за Славянъ Прибалтійскихъ. Первая, такъ называемая Норманнская, школа сразу пріобрѣла значеніе первенствующее. Основателемъ ея явился академикъ Байеръ, первый въ Россіи выпустившій въ свѣтъ въ 1735-мъ году ученое критико-историческое изслѣдованіе „De varagis“, въ которомъ доказывалъ, что Варяги лѣтописи не могутъ быть ни кѣмъ инымъ, какъ Норманнами западныхъ хроникеровъ и по времени, и по мѣстожительству, и по характеру дѣятельности, а такъ какъ эти Норманны, какъ извѣстно, были Скандинавы, племени Германскаго, то, слѣдовательно, и наши первые князья были Германцы.

Ближайшимъ послѣдователямъ Байера удалось настолько хорошо оформить эту теорію, придать ей ка-

жущуюся вѣроятность, сообщить своимъ доказательствамъ видимую научную вѣсскость и какъ бы непредложность, что она крѣпко и устойчиво выдерживала нападки противниковъ до самаго послѣдняго времени и даже въ наши дни не можетъ считаться вполнѣ утратившей значеніе, такъ какъ продолжаетъ имѣть своихъ ученыхъ послѣдователей, хотя уже весьма не многочисленныхъ *). Назовемъ главныхъ представителей ея въ нашей наукѣ. Послѣ Байера это были: Миллеръ, Тунманъ, Шлецеръ— своими критико-историческими трудами придавшій въ особенности ей силу и устойчивость,—Струбе, Кругъ, знаменитый нашъ историкъ Карамзинъ, по стопамъ котораго пошли и нѣкоторые послѣдующіе историки, напр. Устряловъ, Полевой и др., затѣмъ Крузе, Будковъ, Погодинъ, Куникъ, Дорнъ и др. Противниками Байера явились наши первые русскіе академики: знаменитый Ломоносовъ и Тредъяковскій признававшіе Варяговъ за Славянъ Прибалтійскихъ, но никакихъ вѣсскихъ доказательствъ въ пользу своего положенія не приведшіе. Послѣ нихъ оспариватели теоріи Норманнистовъ стали сами дѣлиться на различные лагери, группы и направленія. Такъ напр. Татищевъ искалъ пришельцевъ—„Русь“ между жителями древней Финляндіи. По слѣдамъ его пошелъ Болтинъ. Нейманъ и Надеждинъ искали туже Русь на югѣ Россіи. Эверсъ—у Чернаго моря и на

---

*) Между прочимъ однимъ изъ такихъ послѣдователей составлена даже историческая статья для изданія долженствующаго по своей цѣли служить справочною книгою по научнымъ вопросамъ для нашего образованнаго общества и при томъ на многіе годы. Мы говоримъ о новомъ издающемся энциклопедическомъ словарѣ изд. Брокгауза и Ефрона, см. томъ пятый 1892-го года, статья «Варяжскій Вопросъ» стр. 570.

Волгѣ у Хазаръ. Венелинъ, Максимовичъ, Морошкинъ, выводили эту Русь изъ различныхъ странъ и земель занятыхъ Прибалтійскими Славянами. Изъ позднѣйшихъ историковъ того же мнѣнія придерживались Гедеоновъ, Котляревскій и Забѣлинъ. Соловьевъ—отъ Норманновъ, признавая этотъ народъ не чисто Германскимъ, а смѣшаннымъ съ элементомъ Славянскимъ. Костомаровъ—изъ Литвы. Ламанскій—изъ Скандинавіи, гдѣ онъ допускаетъ возможность древнихъ Славянскихъ поселеній и др.

При такомъ положеніи спорящихъ сторонъ вначалѣ перевѣсъ оставался почти всегда за Норманнистами. Они имѣли свою опредѣленную, подготовленную предшественниками теорію, которую имъ приходилось лишь отстаивать отъ частныхъ нападковъ противниковъ,—что имъ болѣе или менѣе и удавалось въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Они дѣйствовали сообща, тогда какъ изъ ихъ противниковъ—почти каждый предлагалъ свою собственную теорію и по защитѣ ее каждому приходилось дѣйствовать порознь. Еще болѣе другихъ урона нанесла Норманнистамъ теорія происхожденія Руси отъ Славянъ Прибалтійскихъ. Тутъ также между ея представителями проявлялась нѣкоторая солидарность въ проведеніи ученія общаго, но и эти противники особаго вреда нанести Норманнистамъ не могли: они были гораздо сильнѣе положеніями отрицательными, чѣмъ положительными. Эти послѣднія въ большинствѣ также не выдерживали строгой критики и достаточно успѣшно опровергались ихъ противниками.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣло возникшее въ нашей исторической наукѣ въ началѣ настоящаго столѣтія и значительно въ позднѣйшее время окрѣпшее направленіе скептическое, выразившееся главнымъ обра

зомъ въ отрицаніи полной достовѣрности того древнѣйшаго источника, на основаніи котораго вопросъ разрѣшается—нашей первоначальной лѣтописи. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ это направленіе въ лицѣ своихъ представителей (Коченовскій, Строевъ и др.) заявляло о своемъ существованіи въ формѣ крайне рѣзкой: оно отрицало и самую лѣтопись, какъ памятникъ XII-го вѣка, признавая ее за компиляцію временъ гораздо позднѣйшихъ, отрицало и самую личность лѣтописца, и подлинность договоровъ Олега и Игоря съ Греками и т. п., но и въ этой своей формѣ оказало наукѣ несомнѣнную пользу тѣмъ, что заставило обратить на нашъ главный древнѣйшій источникъ гораздо болѣе научно-критическаго вниманія, чѣмъ это дѣлалось до того времени. Высказанныя по этому поводу, какъ результатъ новыхъ изысканій, мнѣнія пролили на этотъ источникъ новый свѣтъ и лишили его прежней опредѣленной и незыблемой почвы. Центръ тяжести ученыхъ изслѣдованій по вопросу мало по малу передвинулся съ болѣе или менѣе вѣроятныхъ выводовъ изъ приводимыхъ лѣтописью фактовъ—на критическую оцѣнку самихъ лѣтописныхъ извѣстій. Хотя, конечно, въ результатѣ такая перемѣна дала гораздо большій размахъ всякимъ могущимъ возникнуть измышленіямъ, но зато она представила и единственный возможный путь для отысканія истины. Опредѣленіе мѣры личнаго довѣрія автора къ источнику явилось необходимымъ введеніемъ для каждаго строго-научнаго по данному вопросу труда, логичность же и правдоподобность соображеній приводимыхъ авторомъ для опредѣленія этой мѣры—нынѣ составляютъ главный, существенный интересъ всѣхъ такого рода изслѣдованій. Не выдержалъ авторъ этой мѣры, не удалось ему убѣдить читателей принять ее впол-

нѣ сознательно, какъ необходимую, и—сочиненіе его теряетъ всякое серьезное значеніе.

Вліяніе направленія скептическаго сильно поколебало Норманнскую теорію въ самыхъ главныхъ ея основахъ. Не меньшее значеніе имѣло оно и для теорій старающихся отыскать призванную Русь среди племенъ западно-Славянскихъ. Многіе изъ выводовъ представителей этихъ теорій, при извѣстномъ недовѣріи къ главному источнику, являются также сильно пошатнутыми. Вообще направленію скептическому въ той формѣ, въ которой оно завоевало себѣ право гражданства въ современной исторической литературѣ, должно принадлежать будущее: только руководствуясь этимъ направленіемъ и можно дойти до открытія искомой истины по интересующему насъ вопросу о происхожденіи Руси.

Итакъ, подводя итогъ всему сказанному въ этомъ краткомъ очеркѣ развитія нашей исторической науки по отношенію къ занимающему насъ вопросу, мы видимъ, что въ ней существовали и существуютъ слѣдующія главныя школы и группы:

1) Школа Германистовъ *), которая, довѣряя извѣстію нашего древняго лѣтописца о призваніи первыхъ князей отъ Варяговъ-Руси и о перенесеніи

---

*) Мы предпочитаемъ присвоить это названіе школѣ взамѣнъ бывшихъ—«Норманнистовъ» или «Скандинавистовъ», такъ какъ оно болѣе точно выражаетъ стремленіе школы вывести Русь изъ племенъ Нѣмецкихъ. Прежнія названія заставили бы отнести къ этой школѣ и нѣкоторыя теоріи къ ней по существу не относящіяся, такъ напр. мнѣніе Соловьева—о смѣшанномъ составѣ Норманновъ, или—Ламанскаго—о поселеніяхъ Славянъ въ Скандинавіи.

этого племеннаго названія на весь нашъ народъ, признаетъ эту древнюю Русь—пришельцевъ—племенемъ по происхожденію Германскимъ.

2) Школа Анти-Германистовъ, которую можно подраздѣлить на 3 отдѣльныя группы:

а) Первая группа точно также вѣритъ извѣстію лѣтописца въ томъ же его объемѣ, но признаетъ, что Варяги-Русь были происхожденія Славянскаго, и ищетъ ихъ между древними Славянами Прибалтійскими.

б) Вторая группа также вѣритъ въ лѣтопись, но ищетъ Варяговъ-Русь между племенами не Германскими и не Славянскими.

в) Третья группа, пройдя періодъ полнаго отрицанія достовѣрности лѣтописи, остановилась на требованіи примѣненія къ лѣтописному свѣдѣнію правильной критической оцѣнки, а потому и не придаетъ первому лѣтописному извѣстію о призваніи князей и о заимствованіи народнаго имени—характера непреложной истины. Въ силу таковаго своего отношенія къ вопросу группа эта можетъ быть названа группой направленія скептическаго или—группой скептиковъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію главныхъ положеній и выводовъ представителей этихъ отдѣльныхъ школъ и группъ, на основаніи которыхъ они предлагаютъ свои теоріи вполнѣ разъясняющія, по ихъ мнѣнію, вопросъ о происхожденіи Руси. Начнемъ со школы Германистовъ бывшей еще недавно наиболѣе могущественной и распространенной. Мнѣнія другой школы и ея группъ выразятся отчасти въ тѣхъ опроверженіяхъ, которыя ученіе этой школы вызывало въ ученыхъ ея противникахъ.

III.

Теорія Германистовъ выражается прежде всего вкратцѣ въ слѣдующихъ общихъ историческихъ соображеніяхъ.

Первымъ лицомъ въ Россіи писавшимъ о происхожденіи Руси былъ авторъ нашей древнѣйшей лѣтописи озаглавленной „Повѣстью временныхъ лѣтъ". Авторъ этотъ, по мнѣнію большинства ученыхъ, былъ монахъ Кіево-Печерской лавры именемъ Несторъ жившій во второй половинѣ XI-го и началѣ XII-го столѣтій. По извѣстію изложенному въ „повѣсти"—нѣсколько сѣверныхъ Славянскихъ и Чудскихъ (Финскихъ) племенъ, а именно Славяне:—Новгородцы и Кривичи, и Чудь:—Меря и Весь въ началѣ второй половины IX-го вѣка (въ 862-мъ году), уставъ отъ внутреннихъ раздоровъ и междуусобій, рѣшили сообща поискать себѣ правителей изъ иноземцевъ, а потому и отправили пословъ за море къ Варягамъ-Руси съ порученіемъ предложить этимъ Гарягамъ—прибыть „княжить и володѣть" ими. На этотъ призывъ откликнулись три брата изъ Варяговъ-Руси: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, которые, „пояша по собѣ всю Русь", прибыли въ землю призвавшихъ ихъ племенъ и стали управлять ими.

Не довѣрять этому разсказу лѣтописца—нѣтъ ни-

какого основанія. Вся лѣтопись его дышетъ искренностью и правдивостью, а потому и это извѣстіе онъ, конечно, не сочинилъ, а узналъ изъ какого либо источника достовѣрнаго. Во время жизни лѣтописца не прошло еще и двухъ съ половиной вѣковъ послѣ призванія князей и, конечно, память о столь важномъ событіи была еще жива въ народѣ. Самое событіе не представляетъ изъ себя ничего невѣроятнаго. Призваніе чужестранныхъ правителей практиковалось довольно часто и раньше этого событія и позднѣе:—во всеобщей исторіи находимъ тому многіе примѣры. Далѣе лѣтописецъ сообщаетъ, что племенное названіе „Русь", которымъ прозывались пришельцы на своей родинѣ и которое принесли съ собою —было воспринято и нѣкоторыми подвластными имъ племенами, а современемъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ ихъ власти, захватило и всю Россію, и весь народъ Русскій. Гдѣ жили эти „Варяги-Русь" до своего прибытія, Несторъ, кромѣ неопредѣленнаго выраженія —„за моремъ" —ничего не сообщаетъ, точно также нѣтъ у него точныхъ свѣдѣній и о томъ—къ какой они народности принадлежали. По его словамъ, они были Варяги и назывались „Русь", какъ другіе (Варяги) называются Свеи (Шведы), Урмане (Норвежцы), Англяне (Англичане) и Готы (жители острова Готланда). Жительство ихъ также обозначено Несторомъ среди этихъ же отдѣльныхъ Варяжскихъ племенъ. Для разрѣшенія вопроса о народности, остается опредѣлить: кого именно подразумѣвалъ Несторъ подъ общимъ прозвищемъ Варяговъ? Сопоставляя ихъ мѣстожительство по берегамъ Балтійскаго моря, время призванія по Нестору князей, а также извѣстіе того же Нестора, что еще за три года до этого призванія Варяги принудили тѣ же сѣверныя племена платить имъ дань, т. е., слѣ-

довательно, были народъ воинственный и могущественный—со свѣдѣніями доставляемыми намъ средневѣковой исторіей западной Европы—должно вывести заключеніе, что эти Варяги лѣтописи были никто иные, какъ народъ извѣстный у Европейскихъ историковъ подъ именемъ Норманновъ. Отъ тѣхъ же Европейскихъ историковъ мы узнаемъ, что подъ названіемъ Норманновъ разумѣлись Скандинавы: Шведы, Норвежцы и Датчане, всѣ племени Германскаго—слѣдовательно, и Варяги Нестора точно также были Германцы и, вѣроятно, происходили отъ одного изъ трехъ упомянутыхъ народовъ. Оставалось еще рѣшить—отъ какого именно, и вопросъ казался вполнѣ выясненнымъ. Большинство ученыхъ Германистовъ склонялось къ тому мнѣнію, что—отъ Шведовъ, и подкрѣпляло это мнѣніе различными историческими соображеніями, но это была лишь одна изъ подробностей вопроса, и мы поговоримъ о ней ниже; главное же мнѣніе ихъ о Германствѣ Варяговъ-Руси подкрѣплялось слѣдующими доказательствами:

1) Перечисляя названія отдѣльныхъ Варяжскихъ племенъ, Несторъ упоминаетъ только о народахъ Германскаго происхожденія живущихъ по берегамъ Балтійскаго моря до земли Агнянской (Англіи) и Волошской (Франціи). Славянскія, Литовскія и Финскія племена онъ называетъ отдѣльно и говоритъ, что они „*присѣдятъ* къ Варяжскому морю, по тому же морю *сидятъ* Варяги“, т. е., слѣдовательно, съ Варягами ихъ не смѣшиваетъ и въ составъ Варяжскаго народа не включаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Варяги-Русь были племени не Славянскаго, не Финскаго и не Литовскаго, а именно Германскаго.

2) Въ 844-мъ году, какъ извѣстно изъ западно-Европейскихъ хроникъ, Норманны сдѣлали высадку въ Испа-

ніи занятой тогда Арабами и ограбили городъ Севилью. У одного изъ Арабскихъ писателей—Аль-Якуби, современника событія, въ его сочиненіи писанномъ въ 891-мъ году сказано слѣдующее:

„На западъ отъ города Аль-Джазира (нынѣ Algasiras, недалеко отъ Гибральтара) находится городъ именуемый Шибилія (Севилья), при большой рѣкѣ, которая есть рѣка Куртубы (рѣка Кордовы—Гвадалквивиръ). Въ этотъ городъ вошли Маджусъ (язычники), которыхъ называютъ *Русъ*, въ 229-мъ (844-мъ) году и плѣняли, и грабили, и жгли, и умерщвляли".

Изъ этого извѣстія усматривается, что названіе *Русъ* существовало, какъ племенное имя, между Норманнами еще до призванія нашихъ первыхъ князей.

3) Въ сочиненіи Итальянскаго писателя X-го вѣка Ліутпранда Епископа Кремонскаго сохранилось извѣстіе о неудачномъ походѣ Игоря на Царь-градъ. Въ извѣстіи этомъ записанномъ авторомъ со словъ его отчима бывшаго въ то время въ Константинополѣ и присутствовавшаго при казни Русскихъ плѣнныхъ—говорится, между прочимъ, что на городъ напали Россы, „которыхъ мы называемъ другимъ именемъ—Норманнами". Изъ этой цитаты можно заключить, что Россы и Норманны были одинъ и тотъ же народъ. Кромѣ того, Ліутпрандъ въ 938-мъ году самъ былъ въ Константинополѣ и оставилъ даже намъ краткое описаніе тогдашнихъ Русскихъ кораблей. Изъ этого можно заключить, что авторъ видѣвшій современныхъ ему Руссовъ воочію, конечно, допустилъ отожествленіе ихъ съ Норманнами не по одному гадательному предположенію, а основываясь на личномъ знакомствѣ какъ съ тѣми, такъ и съ другими.

4) Византійскій Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи. „Объ управле-

ніи Имперіей“ (писано въ 952-мъ году), сообщая дошедшія до него свѣдѣнія о жизни Руссовъ на ихъ родинѣ, приводитъ, между прочимъ, названія семи Днѣпровскихъ пороговъ, передавая ихъ Греческими буквами на двухъ языкахъ: Славянскомъ и Русскомъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что тогдашній Русскій языкъ не былъ Славянскій. Кромѣ того, всѣ приводимыя авторомъ имена Русскія истолковываются достаточно ясно корнями словъ сѣверо-Германскихъ, Скандинавскихъ.

5) Въ средневѣковыхъ Франкскихъ, такъ называемыхъ Бертинскихъ, лѣтописяхъ подъ годомъ 839 мъ сообщается слѣдующее извѣстіе:

„Греческій Императоръ Θеофилъ прислалъ пословъ къ Императору Франковъ Людовику Благочестивому и съ ними людей, которые называли себя Россами (Rhos) а короля своего Хаганомъ (Chaganus), и пріѣзжали въ Константинополь для заключенія дружественнаго союза съ Имперіей. Θеофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвратиться въ ихъ отечество, ибо они ѣхали въ Константинополь черезъ земли многихъ дикихъ, варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ, для чего Θеофилъ не хотѣлъ ихъ снова подвергнуть такимъ опасностямъ. Людовикъ. разспрашивая сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ народу Шведскому, и почелъ ихъ болѣе за соглядатаевъ (exploratores—шпіоновъ), чѣмъ за прибывшихъ искать дружбы“.

Все это извѣстіе служитъ доказательствомъ, что означенные Россы 839-го года были Шведы, т. е., слѣдовательно, Скандинавы, Норманны, Германцы. Chaganus —означаетъ, вѣроятно, имя собственное ихъ тогдашняго короля—сѣверное, очень распространенное въ средніе вѣка между Скандинавами—Гаконъ.

6) Венеціанскій лѣтописецъ Іоаннъ Діаконъ (жилъ въ концѣ X-го и въ началѣ XI-го вѣка) сообщаетъ въ своей хроникѣ между годами 860—867-мъ слѣдующее:

„Норманнскіе народы дерзнули приступить къ Константинополю съ 360 кораблями, но такъ какъ никакимъ способомъ не могли повредить непобѣдимому городу, то, мужественно нападая на предмѣстья города, перебили здѣсь весьма многихъ и такимъ образомъ съ торжествомъ возвратились во-свояси“.

Очевидно, что тутъ рѣчь идетъ о походѣ Аскольда и Дира, такъ какъ ни о какомъ другомъ походѣ въ это время на Константинополь исторія не знаетъ и вообще Норманны съ запада никогда на этотъ городъ не нападали. Слѣдовательно, и этотъ лѣтописецъ или кто либо изъ его предшественниковъ, отъ котораго онъ почерпнулъ помянутое свѣдѣніе —Русь Аскольда и Дира отожествляетъ съ Норманнами, изъ чего слѣдуетъ заключить, что эта Русь дѣйствительно были Норманны.

Кромѣ этихъ главныхъ, такъ сказать документальныхъ, доказательствъ ученые Германисты приводятъ и нѣсколько другихъ, основанныхъ на общихъ историческихъ соображеніяхъ и также весьма существенныхъ:

7) Имена первыхъ Русскихъ князей: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ очень сходны съ именами встрѣчаемыми въ исторіи сѣверныхъ, Скандинавскихъ народовъ, слѣдовательно,—корней Германскихъ. Точно такой же Германскій характеръ носятъ и собственныя имена нѣкоторыхъ дружинниковъ и другихъ высшихъ при князьяхъ сановниковъ, пословъ въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками и т. п. Отсюда также слѣдуетъ заключить, что первые Руссы были Германцы—Скандинавы.

8) Точно такой же характеръ происхожденія носятъ многія встрѣчаемыя въ Русскихъ письменныхъ памятникахъ древнія названія должностей, титуловъ, сословій, юридическихъ терминовъ, отдѣльныхъ прозвищъ и т. п. выраженій, которыя, конечно, вошли въ Славянскій языкъ съ нѣкоторой передѣлкой, но корень ихъ—ясно Германскій; таковы, напр.—гридь, вира, тіунъ, смердъ, князь, бояринъ, мыто, нети, гость, ябетникъ и пр. Это опять-таки доказываетъ, что первымъ насажденіемъ гражданственности и государственности мы обязаны Германцамъ, и совершенно подтверждаетъ то положеніе, что первые наши князья, правители и законодатели были Германцы, которые и перенесли въ намъ эти выраженія вмѣстѣ со своими законами и обычаями.

9) Черты характера нашихъ первыхъ князей, ихъ отвага, воинственность, самый способъ веденія войнъ, привычка къ морскимъ походамъ—все это совершенно напоминаетъ черты чисто Норманнскія.

Приведя всѣ эти доказательства, ученымъ Германистамъ оставалось еще попытаться указать: какой же именно изъ Скандинавскихъ народовъ выдѣлилъ изъ себя нашихъ лѣтописныхъ Варяговъ-Русь? Они, конечно, не преминули отвѣтить и на этотъ вопросъ, причемъ большинство признало, что этимъ народомъ были—Шведы. Изъ приведенныхъ уже нами доказательствъ документальныхъ мы видимъ, что одинъ изъ нихъ—Бертинскія лѣтописи—это предположеніе какъ бы подтверждаютъ, а потому этотъ источникъ и легъ какъ краеугольный камень ихъ теоріи. Но одного этого извѣстія, конечно, было еще не достаточно, и, дабы придать предположенію большую степень вѣроятности, надо было подкрѣпить

его еще какими нибудь соображеніями болѣе или менѣе вѣсскими. Главными изъ этихъ соображеній явились слѣдующія:

1) Шведы по своему географическому положенію находились ближе всѣхъ другихъ Скандинавовъ къ землямъ тѣхъ племенъ, которыя по извѣстію Нестора призвали князей. Къ нимъ именно, какъ къ сосѣдямъ ближайшимъ, племенамъ этимъ удобнѣе всего было обратиться.

2) Издавна одна приморская Шведская область называлась Rodslagen. Жители ея могли въ VIII-мъ и въ IX-мъ вѣкѣ называться Rods'ами и, будучи призваны на княженіе, перенести съ собою и это свое прозвище передѣланное Славянами въ „Россовъ".

3) Сосѣдніе со Шведами Финны и по сіе время называютъ ихъ—Руотцами, Ротцами (Ruotsi, Ruotsalainen), каковое названіе также напоминаетъ по звуку „Россовъ" и можетъ быть также заимствовано и передѣлано изъ первоначальныхъ Rods'овъ.

4) У самихъ Русскихъ издавна сохранялось древнее преданіе о пришествіи первыхъ князей именно отъ Шведовъ и о тожествѣ Варяговъ-Руси со Шведами. На это есть намекъ въ нѣкоторыхъ историческихъ источникахъ; такъ, напр:

а) По извѣстію Шведскаго историка Видукинда описавшаго войну Россіи со Швеціей въ смутное время междуцарствія предшествующее избранію на царство Михаила Ѳедоровича— Новгородскій Архимандритъ Кипріанъ, убѣждая Московскихъ бояръ избрать въ цари Шведскаго принца Карла, сказалъ имъ: „первый нашъ князь былъ изъ Швеціи".

б) Въ числѣ Русскихъ памятниковъ XVII-го вѣка сохранился рукописный разсказъ объ осадѣ Тихвинска-

го монастыря, въ которомъ неизвѣстный авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Варяги, иже Свѣяны нарѣчутся“.

Все это, въ связи съ извѣстіемъ Бертинскихъ лѣтописей, доказываетъ достаточно ясно, что лѣтописные Варяги-Русь были именно Шведы.

Вотъ главныя доказательства приводимыя учеными школы Германистовъ. Мы не упоминаемъ еще о нѣкоторыхъ второстепенныхъ—они довольно многочисленны, но гораздо менѣе важны и убѣдительны и разрушаются сами собою, когда поколеблены эти главныя.

IV.

Сообщимъ теперь возраженія на эти доказательства приводимыя противниками этой школы. Мы помѣщаемъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ и самыя доказательства:

1) Несторъ, дѣйствительно, при перечисленіи отдѣльныхъ племенъ Варяговъ начинаетъ съ племенъ Германскихъ и ставитъ Русь между ними, но слѣдуетъ думать, что онъ перечисляетъ не всѣхъ Варяговъ, а только нѣкоторыхъ, какъ-бы для примѣра, такъ какъ въ концѣ перечисленія у него стоятъ слова „и прочіи". Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что Русь была племенемъ изъ Варягъ и называлась Русью, какъ другія называются Свеи, Урмане, Англяне, Готы. Изъ этого мѣста уже прямо видно, что Русь была племенемъ отдѣльнымъ во всякомъ случаѣ отъ этихъ перечисленныхъ племенъ, т. е. уже никоимъ образомъ происхожденія ни Шведскаго, ни Норвежскаго, ни Англійскаго и ни Готскаго. Вслѣдствіе этого, предположеніе о Шведскомъ происхожденіи Руси совершенно противорѣчитъ правильному толкованію смысла нашей лѣтописи, и во всякомъ случаѣ Русь надо искать между другими, а отнюдь не между этими племенами.

2) Свидѣтельство Арабскаго писателя Аль-Якуби

о томъ, что ограбившіе въ 844-мъ году Севилью Норманны назывались Россами, еще не доказываетъ, чтобы эти Норманны были происхожденія Германскаго. Норманны западныхъ лѣтописцевъ состояли изъ разноплеменныхъ сбродныхъ шаекъ, въ составъ которыхъ входили и Славяне, въ особенности изъ племенъ сосѣднихъ со Скандинавами—Славянъ Прибалтійскихъ.

Изъ сличенія между собою нѣкоторыхъ мѣстъ изъ западно-Европейскихъ хроникъ касающихся того же похода въ Испанію можно скорѣе вывести заключеніе. что Норманны напавшіе въ 844-мъ году на Севилью были именно не Шведы, а вѣрнѣе, какъ можно думать, Датчане *), т. е., слѣдовательно, народъ съ южнаго берега Балтики, имѣвшій постоянныя, тѣсныя сношенія со своими ближайшими сосѣдями—Славянами Прибалтійскими. Можно также предположить, что Славяне въ этомъ походѣ дѣйствовали и одни безъ Датчанъ, или, наконецъ, что ихъ было въ составѣ войска большинство.

Кромѣ этого предположенія, опровергающаго правильность толкованія этого извѣстія Германистами, существуетъ еще и другое клонящееся къ той же цѣли.

Другой Арабскій писатель Аль-Массуди (писалъ въ первой половинѣ X-го вѣка), упоминая о томъ же событіи—ограбленіи Севильи, говоритъ слѣдующее:

„Пристали къ Испаніи корабли съ тысячами человѣкъ, которые грабили по берегу. Мусульмане Испанскіе *думали*, что то былъ народъ Маджусъ (нечестивый, язычники). Они пришли изъ залива Океана (Балтійскаго моря), а не изъ пролива Мѣдные Столбы (Гибральтаръ). *Полагаю*, что этотъ заливъ соединенъ съ

---

*) См. О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи. Вл. Ламанскаго, Спб. 1859 г. Замѣчанія въ концѣ тома стр. 48 и 49.

моремъ Меотическимъ (Азовскимъ) и Понтомъ (Чернымъ) черезъ Сѣверный каналъ и что напавшій на Испанію народъ были Руссы.“

Изъ этого отрывка Аль-Массуди можно вывести заключеніе, что между Испанскими Арабами не было опредѣленно установившагося мнѣнія о народѣ напавшемъ на Севилью, хотя многіе изъ нихъ, а вмѣстѣ съ ними и Аль-Якуби, могли дѣлать то же предположеніе, которое впослѣдствіи сдѣлалъ и Аль-Массуди, основываясь на невѣрномъ географическомъ предположеніи о соединеніи Чернаго моря съ Балтійскимъ посредствомъ какого то Сѣвернаго канала. Можетъ быть Аль-Якуби писавшій въ 891-мъ году и уже, вѣроятно, слыхавшій о незадолго до того случившемся нападеніи Руссовъ (при нашихъ лѣтописныхъ Аскольдѣ и Дирѣ) на Византію—по собственному предположенію допустилъ, что тотъ же народъ прибывшій съ сѣвера напалъ и на Севилью, а потому и назвалъ этотъ народъ Руссами.

Кромѣ того можно сдѣлать и еще одно предположеніе: Рукопись, изъ которой заимствовано извѣстіе Аль-Якуби, дошла до насъ лишь въ перепискѣ 1262-го года. Можетъ быть, переписчикъ-Арабъ знакомый съ позднѣйшимъ предположеніемъ извѣстнаго отечественнаго ученаго Аль-Массуди принялъ его мнѣніе какъ вполнѣ авторитетное и неопровержимое, и втиснулъ въ свою рукопись этотъ позднѣйшій выводъ вовсе Аль-Якуби и не принадлежавшій.

Во всякомъ случаѣ это извѣстіе о Руссахъ напавшихъ въ 844-мъ году на Севилью, если даже и допустить ихъ прикосновенность къ Норманнамъ, отнюдь ихъ Германскаго происхожденія не доказываетъ, а Шведское даже совершенно опровергаетъ.

3) Свидѣтельство Епископа Кремонскаго Ліут-

пранда доказываетъ только, что по наружнымъ признакамъ, по внѣшнему виду, воины Игоря совершенно подходили къ понятію составившемуся въ западной Европѣ о народѣ Норманнскомъ. Если допустить, что въ Норманнахъ западныхъ былъ значительный элементъ Славянскій, то, конечно, иначе не могло и быть, слѣдовательно, это свидѣтельство Ліутпранда, какъ доказательство Германскаго происхожденія Руси, принято быть не можетъ. Напротивъ того, оно скорѣе подтверждаетъ теорію происхожденія Славянскаго. Игорь, по извѣстію Нестора, подступилъ къ Царь-граду съ флотомъ въ 10.000 ладій. Допуская въ цифрѣ ошибку или преувеличеніе даже въ десять разъ, т. е. принимая цифру 1.000 вмѣсто 10.000, и предполагая, что на каждой ладьѣ помѣщалось 40—50 человѣкъ, выходитъ всетаки, что войска съ нимъ было не менѣе какъ 40.000 человѣкъ. Допустимъ, что въ числѣ его воиновъ были и Скандинавы, отъ которыхъ онъ самъ, по мнѣнію Германистовъ, происходилъ,—наемники ли, или потомки тѣхъ дружинниковъ, которыхъ отецъ его Рюрикъ привелъ съ собою,—всетаки, очевидно, большинство его войска должно было состоять, какъ это было и въ походѣ предшественника его Олега, *) изъ племенъ Славянскихъ. Отъ отчима Ліутпранда, очевидца событія, слѣдовательно видѣвшаго Руссовъ воочію, всякое наружное отличіе въ составѣ этого войска ускользнуло; онъ ихъ всѣхъ принаравливаетъ къ типу Норманнскому и передаетъ это свое впечатлѣніе пасынку своему Ліутпран-

*) Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ годомъ 907-мъ сказано: Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы. Поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци.

ду. Этотъ послѣдній видитъ въ 938-мъ году Руссовъ уже лично, и также по наружному виду ихъ не подраздѣляетъ, а называетъ всѣхъ Норманнами. Отсюда ясно, что и въ походѣ Игоря и въ бытность Ліутпранда въ Константинополѣ Руссы, предполагаемые Скандинавы, отъ Славянъ не отличались и, что общій типъ Норманновъ западныхъ одинаково легко подходилъ и къ тѣмъ и къ другимъ. Это еще болѣе подтверждаетъ мысль о Славянскомъ элементѣ въ составѣ западныхъ народовъ Норманнскихъ и съ еще большею вѣроятностью доставляетъ возможность предположить о пришествіи первыхъ Руссовъ изъ странъ Прибалтійскихъ-Славянскихъ или вообще объ ихъ происхожденіи Славянскомъ.

4) Названія Днѣпровскихъ пороговъ приводимыя Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ на языкѣ Русскомъ (предполагаемомъ Скандинавскомъ или сѣверо-Нѣмецкомъ) толкуются по корнямъ Германскимъ съ большою натяжкой.

Съ такою же точно натяжкою ихъ можно произвести и отъ корней Славянскихъ (какъ это дѣлалъ Эверсъ) и отъ Литовскихъ (Костомаровъ). Вообще къ собственнымъ именамъ иностраннымъ приводимымъ Константиномъ въ транскрипціи Греческими буквами надо относиться съ большимъ недовѣріемъ. У него, напр., извѣстный въ его время Русскій городъ Смоленскъ является передѣланнымъ въ „Мелениска“, Новгородъ—въ „Немогарда“ и т. п. Кромѣ того, въ этихъ-же собственныхъ именахъ, съ большей вѣроятностью чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, можно предположить и ошибки переписчиковъ.

Наконецъ, какъ доказываютъ нѣкоторые, если даже предположить, что названія „Русскія“ (по Константину) пороговъ дѣйствительно корней Германскихъ, всетаки это обстоятельство можетъ служить для признанія

Германства древней Руси доказательствомъ весьма слабымъ. Если допустить, что Норманны состояли изъ двухъ элементовъ: Германскаго и Славянскаго, то, можетъ быть, Норманны-Германцы X-го вѣка, при Константинѣ, дѣйствительно называли Днѣпровскіе пороги по-Нѣмецки, а Константинъ могъ смѣшивать этотъ языкъ съ Русскимъ, такъ какъ всѣ они приходили къ нему на службу черезъ Россію.

5) Свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей о препровожденіи Императоромъ Ѳеофиломъ къ Людовику Благочестивому какихъ то таинственныхъ Россовъ признанныхъ этимъ послѣднимъ за Шведовъ болѣе другихъ доказательствъ стойко выдерживало нападки враждебнаго лагеря.

При разборѣ этого извѣстія споръ прежде всего возникъ по поводу толкованія значенія слова Chaganus: признать ли его за собственное имя короля этихъ Россовъ или же за названіе титула? Вначалѣ Германисты признавали его за собственное имя и по созвучію приравнивали его къ весьма распространенному между древними Скандинавами имени—Гаконъ, но впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей этой школы, ученый лингвистъ академикъ Куникъ отказался настаивать на такомъ толкованіи и предпочелъ оставить вопросъ открытымъ *).

Противники Германистовъ, наоборотъ, признавали въ этомъ словѣ названіе титула существовавшаго у нѣкоторыхъ древнихъ восточныхъ народовъ, напр. у Аваръ и у Хазаръ, и перешедшаго къ намъ, вѣроятно, отъ этихъ послѣднихъ. Каганами назывались правители этихъ на-

*) Приложеніе къ VI тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ № 2 —1864 года. Замѣчанія А. Куника. стр. 84.

родовъ, а у Хазаръ существовалъ кромѣ того и титулъ Великаго Кагана, главнаго верховнаго правителя всѣхъ странъ и народовъ подчиненныхъ Хазарской власти.

Кіевскіе Поляне, по Нестору, издавна платили Хазарамъ дань, и конечно, это подчиненіе должно было оказать вліяніе и па родную жизнь и на языкъ, а потому весьма вѣроятно, что Кіевскій правитель назывался въ тѣ времена не княземъ, а Каганомъ. Изъ нѣкоторыхъ памятниковъ древности, мы видимъ дѣйствительно, что этотъ титулъ придавался иногда и Кіевскимъ князьямъ. Такъ, напр., въ памятникѣ XI-го вѣка, въ похвальномъ словѣ Кіевскаго Митрополита Илларіона Св. Владимиру, этотъ послѣдній названъ Каганомъ *). Очевидно, въ этомъ наименованіи въ данномъ случаѣ слышится лишь отголосокъ древности, но оно служитъ доказательствомъ, что титулъ этотъ дѣйствительно между Русскими князьями нѣкогда существовалъ. Если мы допустимъ въ силу этихъ соображеній, что въ 839-мъ году былъ въ Кіевѣ правитель съ титуломъ „Каганъ" то слѣдуетъ предположить, что послы-Россы, вѣроятно были посланы къ Императору Ѳеофилу отъ него. По національности они могли быть и Шведы состоявшіе на службѣ у Кіевскаго правителя, но назваться они должны были именно Россами, такъ какъ въ силу посольскихъ полномочій являлись представителями правительства Кіевскихъ, Славянскихъ Россовъ **).

---

*) «Похвалимъ же и мы по силѣ нашей малыми похвалами великая и дивная створшаго нашего учителя и наставника великаго *Кагана* нашея земля—Владимера.» (Чтен. Общ. Ист. 1848 г. № 7.).

**) С. Гедеоновъ. «Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ.» Приложенія къ I, II и III томамъ Записокъ Имп. Академіи Наукъ Спб. 1862—63 стр. 111.

Германисты сильно возстали противу такого объясненія, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что трудно предположить, чтобы послы пришедшіе изъ Кіева въ Константинополь пожелали бы вернуться домой столь далекимъ и кружнымъ путемъ, какъ путь черезъ владѣнія Людовика Благочестиваго. Возраженіе это противниками ихъ не почитается однако существеннымъ. Кіевскіе послы пришли въ Константинополь черезъ наши южныя степи занятыя въ то время хищническими кочевыми народами, для заключенія съ Императоромъ союза, вѣроятно, именно противу этихъ народовъ, и понятно, что снова возвращаться черезъ тѣ же степи имъ могло показаться и чрезмѣрно опаснымъ и рискованнымъ въ виду важности отвѣта, который они везли Кагану и который даже могъ въ случаѣ ихъ гибели до него и не дойти. Путь черезъ Германію вовсе небылъ такимъ кружнымъ, какъ онъ представляется Германистамъ. Онъ велъ на сѣверъ, къ морю извѣстному Кіевлянамъ, къ жилищамъ тѣхъ народовъ, съ которыми Кіевскіе Руссы были въ постоянныхъ сношеніяхъ, въ страны, изъ которыхъ они могли всегда вернуться домой и легко, и удобно, и безопасно. Если, кромѣ того, предположить, что Кіевскіе послы по національности дѣйствительно были Шведы, то Сѣверное и Балтійское моря, къ которымъ они стремились, конечно, имъ были еще лучше извѣстны, чѣмъ даже Кіевлянамъ, и желаніе ихъ избрать путь на сѣверъ черезъ Германію является еще болѣе понятнымъ и естественнымъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, эти таинственные Россы Бертинскихъ лѣтописей вопроса о происхожденіи Руси опредѣленно не разъясняютъ. Приведенное нами мнѣніе о Шведскомъ происхожденіи пословъ Кіевскихъ Славянъ страдаетъ, правда, нѣкоторой натянутостью, но и помимо его изъ всего извѣстія мож-

но вывести заключеніе совершенно обратное тому, къ которому приходятъ Германисты.

Самъ Людовикъ, какъ видно изъ извѣстія, сомнѣвается въ томъ, кто такіе эти Россы и, принимая ихъ за шпіоновъ, дѣлаетъ предположеніе, что это шпіоны Шведскіе. Хотя это предположеніе и записано лѣтописцемъ какъ нѣчто опредѣленное, но изъ редакціи его замѣтно, что это именно ничто иное, какъ только предположеніе подозрительнаго Императора постоянно опасавшагося Норманнскихъ хитростей и коварства. Если мы допустимъ, что Россы были дѣйствительно шпіоны, то ясно, что они ни въ какомъ случаѣ своимъ собственнымъ именемъ не назвались бы; слѣдовательно,—„Россъ" не ихъ имя, а, вѣроятно, названіе какого нибудь племени или народа сосѣдняго, который они знали и по направленію земель котораго они могли бы выѣхать изъ владѣнія Людовика, не возбуждая подозрѣнія. Если мы, наоборотъ, допустимъ, что они были не шпіоны, а дѣйствительно послы, то, будь они отъ народа Шведскаго, врядъ-ли они, имѣя мирное порученіе къ Императору Византійскому и проѣхавъ къ нему черезъ Россію, пожелали бы вернуться домой, да еще подъ однимъ изъ своихъ именъ, черезъ земли враждебнаго имъ Государя гдѣ ихъ дѣйствительно и встрѣтила существенная непріятность Если-же предположить, что они были послы народа не Шведскаго, а какого либо иного, называемаго Россами, то ясно, что ихъ Шведское происхожденіе есть ничто иное, какъ фантазія подозрительнаго Императора Франковъ записанная лѣтописцемъ безъ надлежащей провѣрки. И при томъ и при другомъ толкованіи даннаго извѣстія, какъ мы видимъ, правильнѣе придти къ заключенію, что эти Россы были не Шведы, а люди какого нибудь другого племени.

6) Про извѣстіе Венеціанца Іоанна Діакона—отожествляющаго Русь Аскольда и Дира съ Норманнами можно сказать въ общихъ чертахъ то же, что и про извѣстіе Ліутпранда. Аскольдова Русь точно также, вѣроятно, подходила по внѣшнему виду къ типу Норманнскому, какъ и Русь Игоря; отсюда и причина смѣшенія. Кромѣ того, Іоаннъ Діаконъ жилъ спустя 100—150 лѣтъ послѣ описываемаго событія и откуда онъ заимствовалъ свое свѣдѣніе—не извѣстно. Можетъ быть, онъ былъ знакомъ съ мнѣніемъ Ліутпранда о Руси и принялъ его какъ авторитетное.

Можно также предположить, что съ Іоанномъ Діакономъ случилось тоже, что и съ Ліутпрандомъ. Изъ его біографіи видно, что онъ былъ въ Константинополѣ въ началѣ XI-го вѣка лично и, вѣроятно, имѣлъ случай видѣть Руссовъ служившихъ въ императорскомъ войскѣ или же торговыхъ людей изъ Россіи. Признавая ихъ по внѣшнему виду, одеждѣ, вооруженію за Норманновъ, онъ при упоминаніи о походѣ Аскольда пропустилъ ихъ имя „Россы", а прямо подвелъ ихъ къ тому общему наименованію сѣверныхъ воителей—Норманновъ, которое хорошо было извѣстно всей западной Европѣ и, конечно, гораздо болѣе должно было удовлетворить его читателей, чѣмъ мѣстное и мало извѣстное прозвище „Россы".

Возражая такимъ образомъ на главныя, документальныя доказательства приводимыя Германистами и толкуя даже нѣкоторыя изъ нихъ въ свою пользу, противники не упустили также изъ виду и слѣдующихъ, основанныхъ на соображеніяхъ общихъ.

7) Собственныя имена первыхъ нашихъ князей

нельзя признать за безусловно Нѣмецкія. *Рарогъ* на древне-Славянскомъ языкѣ было названіе птицы — сокола. Старшій изъ братьевъ могъ принять это имя какъ прозвище, что совершенно подтверждается обычаемъ древнихъ Славянъ принимать весьма часто прозвища птицъ. Въ исторіи Прибалтійскихъ Славянъ мы встрѣчаемъ цѣлое племя Рароговъ, Рориковъ, или Рериковъ, а также названіе города - Рерикъ—въ землѣ древнихъ Бодричей. Имя Синеусъ звучитъ точно такъ же, какъ Славянское прозвище—Сине-усъ. Труворъ можно объяснить испорченнымъ древне-Славянскимъ собственнымъ именемъ—Триборъ.

Точно также множество личныхъ именъ близкихъ къ первымъ князьямъ дружинниковъ, именитыхъ людей, пословъ и т. п. объясняются отъ корней Славянскихъ съ тою же вѣроятностью, какъ и отъ Нѣмецкихъ *).

Наконецъ, если даже и признать, что нѣкоторыя имена князей и именитыхъ людей—Нѣмецкія, это еще не доказываетъ Германскаго происхожденія самихъ личностей. При предполагаемой тѣсной связи племенъ Славянскихъ и Германскихъ въ составѣ народа Норманнскаго, собственныя имена могли легко переходить отъ одного племени къ другому путемъ заимствованія. Многія имена извѣстныхъ личностей, завѣдомыхъ Германцевъ, носятъ слѣды яснаго заимствованія отъ Славянскихъ; такъ, напр., мы встрѣчаемъ Германское имя Waldemar, очевидно заимствованное и передѣланное изъ Славянскаго—Владимиръ, и многія другія.

---

*) Костомаровъ съ нѣкоторыми поправками въ правописаніи объясняетъ ихъ также и отъ собственныхъ именъ и прозвищъ Литовскихъ.

8) Точно такое же возраженіе вызываетъ и Нѣмецкое толкованіе происхожденія названій различныхъ древнихъ должностей, титуловъ, сословій, юридическихъ терминовъ, прозвищъ и т. п.

Трудами нашихъ филологовъ безусловно установлено, что они почти всѣ происхожденія или чисто Славянскаго или же отъ древнихъ корней Арійскихъ, общихъ для всѣхъ Европейскихъ языковъ. Такъ, напр., объясняются слова: бояринъ, вира, гость, гридь, князь, людь, мыто, нети, смердъ, якорь *), на Нѣмецкомъ происхожденіи которыхъ особенно сильно настаивали Германисты. Если даже признать, что въ древне-Русскомъ языкѣ и было съ десятокъ словъ заимствованныхъ отъ Скандинавовъ, напр. тіунъ, **) шильникъ, ябетникъ и т. п. то это малое число ихъ доказываетъ, напротивъ, что вліяніе чуждаго языка на Русскій-Славянскій было весьма незначительно. Если бы даже оно было въ нѣсколь-

*) Срезневскій «Мысли объ исторіи Русскаго языка» Спб. 1887 г. стр. 103—123.

**) Хотя и относительно этого названія древней Русской должности есть много основаній предполагать, что оно заимствовано нашими предками не отъ Нѣмцевъ а скорѣе изъ нарѣчій восточныхъ, черезъ Хазаръ—вѣроятно вмѣстѣ съ ихъ титуломъ «Каганъ.» Въ «Исторіи Агванъ» писателя X-го вѣка Моисея Кагантакваци описывается, между прочимъ, нашествіе (въ VII-мъ вѣкѣ) Хазарскаго Царевича Шата на Агванію, причемъ вся страна предана была врагами опустошенію и грабежу. Католикосъ Агванскій Виро явился въ лагерь Царевича и просьбами убѣждалъ его прекратить грабежъ и отпустить всѣхъ плѣнныхъ. Умилостивленный Шатъ, по словамъ историка: «отправилъ знатныхъ мужей называемыхъ *Тиціунами*», которые, входя въ помѣщенія воиновъ, разыскивали и выводили плѣнныхъ, причемъ никто не смѣлъ имъ противиться. Какъ самое названіе вельможъ, такъ и роль ихъ въ данномъ случаѣ безспорно весьма схожи съ нашими «княжескими тіунами» древности.

ко разъ больше, то и тогда всетаки не могло бы служить даже косвеннымъ подтвержденіемъ для вывода о происхожденіи Руси отъ племенъ Германскихъ и о занесеніи къ намъ первыхъ зачатковъ цивилизаціи, общественнаго устройства, юридическихъ формъ и т. п.— иноплеменными пришельцами. Будь это такъ въ дѣйствительности—нашъ древній языкъ неминуемо сохранилъ-бы слѣды заимствованій гораздо болѣе многочисленныхъ и рельефныхъ.

9) Еще менѣе заслуживаетъ цѣны приводимый Германистами въ защиту своей теоріи доводъ о сходствѣ характера дѣятельности нашихъ первыхъ князей, ихъ воинственность, привычка къ морскимъ походамъ и т. п. съ типичными чертами вождей Норманнскихъ. Подтверждаемое исторіей предположеніе о значительномъ Славянскомъ элементѣ въ Норманнахъ превращаетъ этотъ доводъ въ нуль, такъ какъ ясно доказываетъ, что и приморскіе Славяне прошли такую же военную школу, какъ и Германцы. Изъ исторіи Славянъ вообще мы видимъ, что среди ихъ въ людяхъ храбрыхъ, рѣшительныхъ, сильныхъ, выносливыхъ—недостатка никогда не было. Стоило имъ попасть въ сферу благопріятную для развитія духа предпріимчивости, воинской отваги и смѣлости, къ берегу моря и, конечно, они могли вполнѣ выработать такую же прочную воинскую организацію, пріобрѣсти такую же привычку къ морскимъ походамъ и битвамъ, какъ и племена происхожденія Германскаго.

Возражая такимъ образомъ на главные общіе доводы Германистовъ, противники ихъ не оставили безъ вниманія и тѣ основанія, которыя приводили большинство

ученыхъ этой школы въ защиту своего частнаго положенія о происхожденіи Руси именно отъ Шведовъ.

Мы уже выше привели тѣ основанія, по которымъ свидѣтельство главнаго, основнаго источника этого мнѣнія—Бертинскихъ лѣтописей - слѣдуетъ толковать въ смыслѣ совершенно обратномъ, т. е. что Россы этихъ лѣтописей были именно не Шведы, а какой либо другой народъ. Кромѣ того къ такому же мнѣнію, какъ мы видѣли, приводитъ сопоставленіе свѣдѣній о Россахъ напавшихъ на Севилью западныхъ лѣтописцевъ и писателей Арабскихъ, а также и разсмотрѣніе лѣтописи Нестора, гдѣ прямо сказано, что одно изъ племенъ Варяжскихъ называлось Русью, какъ другія назывались Шведами, Норвежцами и пр.—изъ чего слѣдуетъ заключить, что самъ Несторъ считалъ Русь народомъ ни въ какомъ случаѣ не Шведскимъ.

Названіе Шведской Области Rodslagen никакъ не можетъ служить доказательствомъ производства имени Руси отъ предполагаемыхъ Rods'овъ. Это названіе происходитъ отъ Шведскаго глагола *ro*—„грести весломъ". Rodslagen въ переводѣ значитъ—„область гребцовъ". Названіе этой области попадается лишь въ памятникахъ не старѣе XIII-го вѣка и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это названіе существовало за 4—5 вѣковъ ранѣе.

Финское названіе Шведовъ Ruotsalainen—происхожденія неизвѣстнаго. Если оно и происходитъ отъ Rods'овъ—гребцовъ—то это еще не доказываетъ, что и слово *Русь*—того же происхожденія. Самая буква s въ названіи Rod-s-lagen—вставная, присущая Нѣмецкой формѣ окончанія родительнаго падежа.

Кромѣ того трудно предположить, чтобы какой бы то ни было народъ принялъ прозвище отъ такого слу-

чайнаго дѣйствія, какъ „грести весломъ“, а еще труднѣе, допустить, чтобы это прозвище могло быть присвоено себѣ сосѣднимъ, иноплеменнымъ народомъ Славянскимъ. Гораздо вѣроятнѣе, что Славяне скорѣе бы перевели названіе на свой языкъ, чѣмъ ограничились бы воспринятіемъ однихъ непонятныхъ для нихъ звуковъ.

Всѣ эти соображенія уже каждое въ отдѣльности достаточно колеблятъ вѣру въ правдоподобность предположенія Германистовъ, а совокупность ихъ совершенно ее разрушаетъ

Свидѣтельство позднѣйшихъ памятниковъ о томъ, что сами Русскіе признавали своихъ первыхъ князей и вообще Варяговъ лѣтописи за Шведовъ, точно также служить доказательствомъ не можетъ. Во первыхъ: оба приводимыя Германистами свидѣтельства не старѣе XVII-го вѣка; во вторыхъ: Шведскій историкъ Видукиндъ, упоминая о рѣчи Кипріана, не указываетъ откуда онъ это извѣстіе заимствовалъ, слѣдовательно можно предположить, что оно есть плодъ его Шведской, патріотической фантазіи; въ третьихъ: если и дѣйствительно въ XVII-мъ вѣкѣ нѣкоторые изъ Русскихъ книжниковъ признавали лѣтописныхъ Варяговъ-Русь за племя родственное предкамъ современныхъ имъ Шведовъ, то, конечно, это ничто иное какъ результатъ одного изъ тѣхъ близорукихъ объясненій лѣтописи Нестора, слѣды которыхъ мы неоднократно встрѣчаемъ въ нашей исторіи вплоть до XVIII-го вѣка. Объясненія невѣжественныхъ книжниковъ эпохи смутнаго времени, конечно, ни коимъ образомъ авторитетомъ почесться не могутъ.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, тѣ возраженія, которыя представлены совокупными усиліями нашихъ уче-

ныхъ противниковъ Германистовъ противу отдѣльныхъ положеній измышленной этими послѣдними теоріи происхожденія Руси;—возраженія, какъ мы видимъ, во многомъ весьма существенныя, вѣсскія и убѣдительныя. Оставалось только противупоставить этой теоріи свою собственную солидную и правдоподобную, и побѣда была бы полная, но, къ сожалѣнію, эта задача оказалась довольно трудною и какой бы то ни было полной, достаточно правдоподобной и убѣдительной для всѣхъ теоріи мы и по сіе время не имѣемъ.

V.

Разберемъ теперь попытки созданія теоріи происхожденія Руси представителей школы анти-Германской и начнемъ съ положеній предлагаемыхъ представителями первой группы считающими пришельцевъ-Руссовъ за Славянъ Прибалтійскихъ.

Въ основаніи этихъ положеній, какъ мы уже сказали, лежитъ, какъ и у Германистовъ, довѣріе къ первоначальному извѣстію нашего древняго лѣтописца — о призваніи первыхъ князей изъ заморскихъ странъ, отъ Варяговъ-Руси. Довѣріе это, правда, у многихъ представителей этой группы является нѣсколько пошатнутымъ вліяніемъ направленія скепитическаго, но только въ деталяхъ вопроса, въ главныхъ же чертахъ канвой всѣхъ теорій Славянистовъ служитъ всетаки именно это самое событіе—пришествіе первыхъ князей съ запада, переданное намъ Несторомъ.

По взглядамъ ученыхъ этой группы, Варяги лѣтописи были дѣйствительно — Норманны западныхъ историковъ и обитали по берегамъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Подробное изученіе средневѣковой исторіи сѣверной Европы даетъ намъ основаніе утверждать, что въ составъ этихъ Норманновъ-Варяговъ входили многія племена Славянскія, въ особенности же изъ Славянъ Прибалтійскихъ. Славяне восточные

обитавшіе въ Россіи, призывая къ себѣ князей—правителей и военачальниковъ, конечно, прежде всего должны были обратиться къ своимъ сородичамъ предпочтительнѣе, чѣмъ къ какимъ либо иноплеменникамъ, тѣмъ болѣе, что первые обладали тѣми же свойствами воинственности и предпріимчивости и той же, если не большей степенью цивилизаціи, какъ и Германцы, но за то были сродны съ главными изъ ищущихъ правителей племенъ и по языку, и по племени, а во многомъ и по обычаямъ, и по религіи. Выраженіемъ Нестора, что посланцы отправились искать князя „за море“ и, что, слѣдовательно Русь пришла „изъ за моря“ т. е. такъ-бы съ другаго берега—стѣсняться не слѣдуетъ, такъ какъ изъ позднѣйшихъ актовъ видно, что выраженіе это употреблялось въ древности не всегда точно. Купцы изъ Любека считались напр. въ Новгородѣ также прибывшими „изъ за моря“, не смотря на то, что городъ ихъ стоялъ на томъ же южномъ берегу моря, а не на противоположномъ. Отправиться за море—означало вообще поплыть по морскому пути, а не только переплыть море.

Несторъ перечисляя Варяговъ, помѣщаетъ въ числѣ ихъ и Русь, но мѣстожительства этого племени точно не опредѣляетъ, а потому оно является и по сіе время гадательнымъ, тогда какъ земли другихъ Варяговъ выясняются изъ самыхъ ихъ названій. Въ своемъ перечисленіи отдѣльныхъ Варяжскихъ народовъ онъ между прочимъ совершенно пропускаетъ нѣсколько Славянскихъ племенъ жившихъ на южномъ берегу Балтійскаго моря и въ IX-мъ вѣкѣ весьма многочисленныхъ, славныхъ и могущественныхъ. Между такими племенами пропущены напр.: Бодричи, жившіе между Одеромъ и Эльбой (по славянски Лабой) и отрасль ихъ—Руяне, жители острова Руяны (нынѣ Рюгенъ). Не слѣдуетъ-ли искать таин-

ственную Русь между этими племенами? Это гораздо логичнѣе, чѣмъ выводить ее отъ Шведовъ, которыхъ самъ Несторъ отъ Руси совершенно отдѣляетъ. Если мы допустимъ эту мысль, то самый пропускъ Несторомъ этихъ племенъ совершенно становится понятнымъ: онъ именно эти племена и называетъ Варягами - Русью. Кромѣ того изъ исторіи Славянъ Балтійскихъ намъ извѣстно, что одинъ изъ народовъ Славянскихъ, въ древности весьма могущественный, а впослѣдствіи вошедшій въ составъ союза Бодричей—носилъ названіе *Вагровъ;* не послужило-ли это племенное имя—Вагры (съ допускаемой перестановкой букъ—Варги) источникомъ происхожденія лѣтописнаго названія—Варяги? У тѣхъ же Бодричей былъ главный богъ *Прове*—имя считающееся учеными за искаженное *Проне* т. е.—Перунъ лѣтописныхъ Руссовъ.—Жители острова Рюгена въ западныхъ Европейскихъ хроникахъ называются часто въ латинской транскрипціи Rugi, Rugii; не произошло-ли это названіе племени отъ Славянскаго названія самаго острова который имѣетъ по очертанію своихъ береговъ дѣйствительно форму рога и не было-ли это слово *Рогъ* древнимъ названіемъ острова? Отсюда жители его по Славянски могли называться Рогцы, Рогсы, Россы.—У тѣхъ же Балтійскихъ Славянъ былъ городъ *Рерикъ* или Рорикъ, цѣлое племя Рароговъ или *Рориковъ;* не послужило-ли одно изъ этихъ названій тэмой для созданія собственнаго имени нашего перваго князя Рюрика?.—Очевидно Балтійскіе прибрежные Славяне издревле имѣли сношенія по морю со своими восточными единоплеменными сосѣдями и должны были и селиться между ними. Между прочимъ въ землѣ Балтійскихъ Славянъ было два прибрежныхъ города носившихъ названіе *Стар-града:* одинъ у Бодричей, другой

у Поморянъ; не былъ-ли одинъ изъ нихъ метрополіей нашего *Нов-града?*

За Славянское происхожденіе Руси говорятъ еще и слѣдующія логическія соображенія: Если-бы призванные Руссы были Германцы, какъ допустить, что они сразу приняли все существенное въ своей жизни Славянское и не перенесли съ собою ничего Германскаго? Такъ напр. они приняли—1) *религію:* — уже сынъ Рюрика Игорь клянется со своей дружиной Перуномъ и Волосомъ, богами Славянскими и нигдѣ ни въ одномъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ, ни въ народной жизни, не сохранилось ни малѣйшаго намека на заимствованіе религіозныхъ вѣрованій отъ Скандинавовъ; 2) *языкъ:*—у насъ совершенно не замѣтно, какъ мы уже видѣли, въ древности вліянія языка Германскаго, а оно безусловно должно бы было сказаться, какъ мы видимъ изъ историческихъ примѣровъ, въ Галліи послѣ нашествія Франковъ, или въ Британіи послѣ прибытія Англо-Саксовъ; 3) *письменность:*—договоры Олега и Игоря съ Греками писаны по Славянски, точно также и наши первыя книги —всѣ или по Славянски или по Гречески и ни одной—по Нѣмецки.

Мы видѣли, что всѣ доводы историческіе, хотя и основанные каждый въ отдѣльности на предположеніяхъ гадательныхъ, въ связи съ соображеніями логическими, въ суммѣ, составляютъ нѣчто весьма существенное, колеблющее еще болѣе главныя основанія теоріи Германистовъ; но, не смотря на это, всетаки полной, убѣдительной теоріи о пришествіи Руси изъ странъ западныхъ Славянъ на нихъ построить нельзя. Если мы допустимъ это предположеніе, то все-таки остаются открытыми вопросы: отчего же пропало это названіе совершенно безслѣдно на своей родинѣ, и сохранилось

только у насъ? и что намъ доказываетъ, что оно въ западной Европѣ когда бы то ни было существовало? Ни одна изъ Европейскихъ хроникъ упоминающихъ о многочисленныхъ племенахъ Балтійскихъ Славянъ – племени „Русь“ въ числѣ ихъ не называетъ. Отожествленіе Руси съ Rugii и объясненіе происхожденія названія „Россы“ отъ предполагаемаго названія острова—Рога не удовлетворило и самихъ Славянистовъ. Трудно предположить, чтобы очертаніе береговъ такого большаго острова, какъ Рюгенъ, могло послужить поводомъ для его названія. Форма его напоминающая рогъ замѣтна лишь на картахъ, въ природѣ же это сходство вслѣдствіи обширности территоріи острова, конечно, должно было ускользнуть отъ наблюдательности его древнихъ обитателей и послужить поводомъ для названія не могло. Кромѣ того по правиламъ фонетики основное *г* въ производныхъ словахъ должно переходить въ *ж* и жители острова Рога назывались-бы по Славянски—Рожане, а никакъ не—Россы. Переходъ племеннаго названія Варгозъ въ „Варяговъ“ кромѣ сходства обѣихъ названій по звуку никакими другими убѣдительными доказательствами не подтверждается. Понимать извѣстіе лѣтописца--„пояша по собѣ всю Русь“ – буквально, т. е. допустить, что всѣ Россы перешли со своей родины по приглашенію племенъ ихъ призвавшихъ, весьма трудно, но даже и въ этомъ случаѣ слѣды ихъ прежняго пребыванія всетаки должны бы были сохраниться. Много труда было потрачено учеными на отысканіе этихъ слѣдовъ, но всѣ старанія ни къ какому опредѣленному, убѣдительному результату не привели. Въ изысканіяхъ на почвѣ исторической констатированъ лишь тотъ фактъ, что западно-Европейскія средневѣковые лѣтописцы весьма часто путали

сходныя между собою по звукамъ племенныя имена своихъ восточныхъ сосѣдей, но вывести изъ этой путаницы сколько нибудь правдоподобное заключеніе о существованіи древней Руси въ странахъ Славянъ Прибалтійскихъ—положительно нельзя. Изысканія на почвѣ географической также къ никакимъ существеннымъ результатамъ не привели. Географическихъ названій съ корнями *рос*, *рус* или просто *рс* существовало множество и притомъ не только въ странахъ Прибалтійскихъ Славянъ, но повсемѣстно, даже и не въ одной только Европѣ, но и въ Азіи, а потому основывать на этихъ названіяхъ какіе бы то ни было серьезные выводы—весьма рискованно и въ защиту теоріи наличность этихъ сходныхъ по корню названій служить не можетъ вслѣдствіи даже самой ихъ распространенности.

Главнымъ же и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ противъ всѣхъ теорій представляемыхъ учеными данной группы—служитъ наличность у нихъ того же довѣрія къ первоначальному извѣстію лѣтописца, которое мы замѣчаемъ и у Германистовъ, довѣрія, какъ мы увидимъ ниже, ни на чемъ не основаннаго и положительно противорѣчащаго и научнымъ даннымъ, и исторической логикѣ. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ ученіе представителей этой группы никакой сколько нибудь сносной, выдерживающей критику, убѣдительной и ясной теоріи выработать не могло. Вся заслуга этой группы заключается главнымъ образомъ въ усиленной борьбѣ съ теоріей измышленной Германистами, въ чемъ она и имѣла успѣхъ весьма значительный.

VI.

Вторая группа школы анти-Германистовъ также довѣряющая лѣтописному разсказу о призваніи князей, но старающаяся отыскать древнюю Русь между племенами не Германскаго и не Славянскаго происхожденія—по сравнительной малочисленности своихъ представителей и по маловажности представленныхъ ими научныхъ доводовъ—играетъ въ литературѣ разсматриваемаго нами вопроса роль совершенно второстепенную.

Большинство теорій этой группы, измышленныхъ разновременно отдѣльными лицами, какъ напр.: предположенія о выходѣ древней Руси изъ Финляндіи, отъ Хазаръ, отъ Угровъ и пр., основывавшіяся главнымъ образомъ на созвучіи нѣкоторыхъ названій въ той или другой странѣ находимыхъ съ нашимъ народнымъ именемъ,—давно уже забракованы научной критикой и никакого серьезнаго значенія и интереса не представляютъ. Правда, между учеными этой группы Германисты находили себѣ весьма талантливыхъ и опасныхъ противниковъ, которые, (какъ напр. Эверсъ) сильно повліяли на ослабленіе авторитета этой школы, но собственныя ученія этихъ антогонистовъ не заслуживали бы нынѣ, при современномъ положеніи исторической науки, даже разбора, если бы въ числѣ ихъ

не было теоріи нашего извѣстнаго историка Костомарова—производящаго древнюю Русь отъ племенъ Литовскихъ.

Эта теорія, несмотря на то, что въ послѣдствіи подъ вліяніемъ направленія скептическаго отъ нея отказался, или покрайней мѣрѣ значительно охладѣлъ къ ней, самъ авторъ, тѣмъ не менѣе по силѣ своихъ историческихъ и общихъ логическихъ доказательствъ представляетъ и по сіе время существенный интересъ, такъ какъ отдѣльныя ея положенія неминуемо должны, по нашему мнѣнію, пролить нѣкоторый свѣтъ на искомое вѣрное рѣшеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ интересующаго насъ вопроса.

Главные и наиболѣе существенные тезисы этой теоріи вкратцѣ слѣдующіе:

1) Русь, изъ которой призваны были первые князья помѣщалась по свидѣтельству лѣтописца на берегу Балтійскаго моря, а потому ее надо искать именно тамъ.

2) Низовье рѣки Нѣмана называется по Литовски *Русь*—на множествѣ картъ XVI-го, XVII-го и XVIII-го столѣтій можно найти это названіе. Вообще Нѣманъ по раздѣленіи своемъ на два рукава перестаетъ называться Нѣманомъ; лѣвый рукавъ называется Гильге, а правый—Русь. Въ древности существовалъ при устьи Руси—городъ съ тѣмъ же именемъ и вообще вся страна у праваго рукава, и въ особенности на правомъ его берегу, называлась *Русью* а народъ—*Руссами*, *Руссіенами*, *Руссинами*. На нѣкоторыхъ древнихъ картахъ истокъ Нѣмана также названъ *Русь*, а изъ тридцати его устьевъ третье носитъ названіе Alt—Russe, а шестое —Russe sive Holm.

3) У многихъ средневѣковыхъ писателей упоминается о странѣ *Руссіи* граничащей съ Пруссіей и изъ

разсмотрѣнія этихъ источниковъ видно, что страна эта лежала по правую сторону рѣки Нѣмана.

4) Множество мѣстныхъ названій въ Литовскомъ краѣ однокоренныхъ и однозвучныхъ со словомъ „Русь“ показываетъ древность этого слова въ Литовской странѣ и служитъ подтвержденіемъ извѣстіямъ, что эта страна называлась Русью.

5) Нѣкоторые наши хронографы, напр. Степенная книга XVI-го вѣка, а также нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи сообщаютъ, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ Пруссіи т. е. слѣдовательно изъ окрестностей того-же рукава Нѣмана;—это доказываетъ о существованіи у насъ въ древности твердаго убѣжденія о призваніи первыхъ князей изъ Прусско-Литовскаго міра.

6) Нашъ древній лѣтописецъ говоритъ, что послѣ пришествія Варяговъ въ Новгородѣ „были люди отъ рода Варяжскаго“ а мы знаемъ, что тамъ существовала улица именемъ „Прусская“ и поселенцы ея—Пруссы въ продолженіи многихъ вѣковъ стояли какъ-бы особнякомъ и не рѣдко во враждебномъ отношеніи къ остальному населенію города. Это обстоятельство при названіи улицы „Прусская“ и жителей ея „Пруссы“—указываетъ на ихъ нѣкогда чуждое происхожденіе и побуждаетъ предполагать, что они то и были потомки тѣхъ Варяговъ, о заселеніи которыми Новгорода говоритъ лѣтописецъ.

Далѣе авторъ указываетъ на сходство древнихъ религіозныхъ вѣрованій Литовцевъ и Славянъ, на тожество у тѣхъ и другихъ именъ нѣкоторыхъ языческихъ божествъ, а также пытается объяснить имена первыхъ князей и именитыхъ людей, равно какъ и названія Днѣпровскихъ пороговъ Константина Багрянороднаго, производя ихъ отъ корней Литовскихъ. Кромѣ

того приводитъ еще нѣсколько соображеній менѣе существенныхъ, клонящихся болѣе къ опороченію теоріи Германистовъ, чѣмъ подтверждающихъ его собственную. Разбирая вѣроятность происхожденія Руси въ частности отъ какого либо отдѣльнаго племени Литвы, авторъ допускаетъ предположеніе о происхожденіи ея отъ—Жмуди, основываясь на томъ, что нашъ лѣтописецъ, перечисляя Литовскія племена, совершенно пропускаетъ Жмудь, отчего можно предположить, что именно это племя онъ и называетъ Русью.

Теорія эта въ свое время, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, надѣлала много шума и вызвала самые серьезные на себя нападки, въ особенности со стороны Германистовъ. Въ результатѣ всѣхъ порожденныхъ ею споровъ, диспутовъ и пререканій явилось то, что школѣ Германистовъ нанесенъ былъ талантливымъ ея авторомъ еще одинъ ударъ, но тѣмъ не менѣе и сама она также полнаго довѣрія не заслужила.

Предположеніе о тожествѣ Руси со Жмудью никакими историческими фактами не подтверждается и даже совершенно противорѣчитъ самому Нестору строго отдѣляющему, какъ мы видѣли, Варяговъ отъ Литвы. Толкованіе собственныхъ древне-Русскихъ именъ и названій отъ корней Литовскихъ также отличается натянутостью, какъ и всѣ предъидущія—изъ другихъ языковъ. Свидѣтельства Степенной книги и позднѣйшихъ лѣтописей дѣйствительно устанавливаютъ фактъ, что въ XVI-мъ вѣкѣ и позднѣе между Русскими существовало мнѣніе о пришествіи первыхъ князей изъ Пруссіи или ея окрестностей, но на чемъ основывалось это мнѣніе—точно не извѣстно; рядомъ съ этимъ мнѣніемъ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, существовали и другія: такъ напр.—о приходѣ князей отъ Нѣмцевъ, о древ-

немъ жительствѣ Руссовъ на Черномъ морѣ. и пр. Названіе улицы въ Новгородѣ — „Прусская“ — указываетъ лишь на древность сношеній Новгорода съ Пруссами, но вывести изъ этого названія заключеніе, что подъ Варягами лѣтописи разумѣлись Пруссы, и что именно отъ нихъ и были призваны князья—положительно не возможно.

Всѣ остальные доводы автора въ историческомъ отношеніи явились весьма важными и существенными, а удачный подборъ доказательствъ о существованіи въ древности близь устья Нѣмана поселеній народа весьма близкаго или даже тожественнаго по названію съ древней Русью заслужилъ полное вниманіе даже въ глазахъ противниковъ. Въ этомъ то выводѣ и заключается главная заслуга теоріи опредѣлившей съ большею чѣмъ всѣ прежнія теоріи вѣроятностью древнее мѣстопребываніе Руси не противорѣчащее по своему географическому положенію и извѣстію нашего лѣтописца.

Тѣмъ не менѣе самую теорію Литовскаго происхожденія Руси этотъ важный выводъ спасти не могъ. Какого именно происхожденія былъ этотъ древній народъ—всетаки остается вопросомъ спорнымъ. Германисты, напр., стали дѣлать предположенія, что весь край при устьѣ Нѣмана въ IX-мъ вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе, былъ подъ властью Скандинавовъ, вѣроятно тѣхъ-же Шведовъ, слѣдовательно, и самое имя, и господствующее племя были происхожденія Германскаго. Можно также предположить, что эти пришельцы-побѣдители были и Славяне, хотя бы тѣже Прибалтійскіе Вагры, что отчасти подтверждается и заимствованіемъ Славянами и Литовцами другъ отъ друга религіозныхъ вѣрованій; тогда, значитъ, эту Нѣманскую Русь можно считать какъ-бы связью, промежуточной станціей между

ними и Новгородомъ. Въ послѣдствіи и самъ авторъ Литовской теоріи повидимому не былъ ею вполнѣ удовлетворенъ, такъ какъ въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ ее не проводитъ и на ней не настаиваетъ — очевидно, благодаря пріобрѣтаемаго имъ все болѣе и болѣе недовѣрчиваго, скептическаго взгляда на все первоначальное сказаніе нашего древняго лѣтописца.

VII.

Всѣмъ противникамъ школы Германистовъ вообще было важно, разбивая ихъ доводы о происхожденіи названія „Русь“ отъ Шведскихъ Rods'овъ, отыскать гдѣ бы то нибыло и какое бы то нибыло другое древнее названіе или вообще слово, выраженіе, которое могло бы послужить объясненіемъ для нашего народнаго имени, тэмой для его производства. Главныя попытки въ этомъ направленіи принадлежатъ, въ большинствѣ, представителямъ первыхъ двухъ группъ школы анти-Германистовъ. Представители группы скептической, въ особенности же позднѣйшіе, относятся къ этому вопросу гораздо болѣе индеферентно, что, какъ мы увидимъ ниже, объясняется отчасти самой задачей ихъ изслѣдованій—доказать, что наше народное имя существовало и присвоялось народомъ обитавшимъ въ нынѣшней Россіи со временъ самыхъ древнихъ, незапамятныхъ, причемъ происхожденіе имени можно почесть за теряющееся во мракѣ временъ. Въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ упомянуть вкратцѣ объ этихъ попыткахъ именно теперь при переходѣ отъ разбора ученій первыхъ двухъ группъ - къ ученію группы скеп-

тической тѣмъ болѣе, что провести точную границу между всѣми этими группами весьма трудно въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ: во I-хъ) самыя задачи ихъ во многомъ сходятся между собою—всѣ онѣ заняты единодушнымъ стремленіемъ опровергнуть ложное, по ихъ мнѣнію, предположеніе о Германскомъ происхожденіи Руси; во II-хъ) при восходящемъ успѣхѣ въ наукѣ направленія скептическаго нѣкоторые изъ ученыхъ первыхъ двухъ группъ въ теченіи своей жизни во многомъ присоединились къ скептикамъ (какъ мы уже видѣли въ примѣрѣ Костомарова) а потому и трудно подвести ихъ подъ ту или другую группу. Вообще дѣленіе на школы и группы приведено нами лишь для удобства читателей, для болѣе нагляднаго выясненія сущности тѣхъ или другихъ мнѣній, на практикѣ-же опредѣленныхъ, строго ограниченныхъ лагерей между нашими учеными, къ чести ихъ, не существуетъ и примѣры соглашеній съ отдѣльными положеніями противниковъ, подкрѣпленными здравыми и убѣдительными доводами и доказательствами—весьма часты. Еще болѣе другихъ упорно и ревниво оберегаютъ свое ученье Германисты, но и тѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе растериваютъ чистыхъ своихъ послѣдователей, колеблемыхъ во многомъ критикой и мнѣніями другой школы, ея отдѣльныхъ группъ и направленій.

Всѣ попытки отысканія происхожденія нашего народнаго имени появившіяся въ разные времена и противорѣчащія предлагаемому Германистами предположенію о происхождеіи этого имени отъ Rods'овъ—гребцовъ могутъ быть подведены подъ три отдѣльныя группы.

1) Нѣкоторыми изслѣдователями допускалось предположеніе:—не происходитъ-ли имя Руси отъ какого нибудь слова нарицательнаго, опредѣляющаго извѣстное

свойство народа, приданнаго ему сперва, какъ прозвище, а затѣмъ уже перешедшаго въ собственное народное имя? Слѣды этого взгляда мы встрѣчаемъ у насъ со временъ весьма давнихъ. Извѣстный Герберштейнъ *) констатируетъ намъ существованіе этого взгляда въ Россіи—въ началѣ XVI-го столѣтія, но зародился подобный взглядъ несомнѣнно еще гораздо раньше. Самъ Несторъ даетъ нѣкоторое право на допущеніе такого предположенія, производя названія отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ отъ прозвищъ; такъ напр. унего встрѣчаются: *Поляне*—жители полей, *Древляне*—жители лѣсовъ и т. п. Очевидно съиздавна у насъ были люди, которыхъ объясненіе перваго лѣтописца о происхожденіи нашего народнаго имени отъ имени пришельцевъ не удовлетворяло. Въ числѣ попытокъ отыскать истинну попадаются и предположенія о древнемъ нарицательномъ значеніи этого имени; такъ напр. какъ пишетъ Герберштейнъ: „(Московиты утверждаютъ) что ихъ народъ издревле названъ Россея т. е. народомъ разсѣяннымъ или разбросаннымъ". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Герберштейнъ приводитъ еще другое толкованіе происхожденія имени Русь, также отъ слова нарицательнаго, „отъ смуглаго цвѣта этого народа" – но самъ-же прибавляетъ что это мнѣніе Московитами не раздѣля-

---

*) Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ дважды посѣтилъ Россію: первый разъ въ качествѣ посла Императора Максимиліана въ 1517-мъ году и второй разъ въ качествѣ посла Императора Карла V-го въ—1526-мъ. Результатомъ этихъ двухъ поѣздокъ явилось его подробное описаніе Московскаго государства во время царствованія Василія III Іоанновича, подъ заглавіемъ „Rerum Moscovitarum Commentarii", изданное въ первый разъ на Латинскомъ языкѣ въ Вѣнѣ въ 1549-мъ году.

лось, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно было происхожденія не туземнаго а иностраннаго.

О послѣднемъ мнѣніи нѣсколько темномъ съ перваго взгляда, мы находимъ намекъ отчасти его разъясняющій въ произведеніи автора еще болѣе древняго, а именно—у цитированнаго нами уже выше писателя X-го вѣка Ліутпранда Епископа Кремонскаго. Этотъ послѣдній, упоминая о походѣ Руссовъ при Игорѣ на Грековъ, говоритъ, что Греки называли этотъ народъ Руссами „по качеству тѣла"; ῥούσιος по Гречески значитъ *красный* (русый). Вѣроятно это названіе придавалось нашимъ предкамъ Греками, если только вообще вѣрить этому источнику, какъ нарицательное обозначающее типичный *русый* цвѣтъ волосъ.

Подобнаго же рода попытки—отыскать древнее нарицательное значеніе нашего имени попадаются и въ новѣйшія времена у ученыхъ позднѣйшихъ. Такъ напр. одинъ изъ нашихъ историковъ предлагалъ искать корень этого имени въ словѣ *рости* (*рас*теніе, за*рос*ль, *роща* и т. п.) выводя отсюда, что наша страна называется Roscia, Rozzia, такъ какъ она—страна лѣсовъ, рощъ)—„Россы" же—обитатели этой страны.—Другой признавалъ корень имени за однородный съ корнемъ *русла* (рѣки), а потому названіе „Русь" должно означать—страну рѣкъ, а—„Руссы"—прирѣчные жители. Всѣ эти попытки однако успѣхомъ не увѣнчались и нашей ученой критикой были забракованы, какъ безусловно не правдоподобныя. Такимъ образомъ и самая мысль о происхожденіи нашего народнаго имени отъ какого либо слова имѣвшаго въ древности значеніе нарицательное,—мысль по нашему мнѣнію совершенно вѣрная, о чемъ мы и поговоримъ подробно ниже—потеряла своихъ поклонниковъ и пропагандистовъ и уступила

мѣсто попыткамъ исканій другаго рода и на другой почвѣ.

2) Другаго рода попытки рельефно замѣтныя въ исторіи вопроса выразились въ предположеніи о происхожденіи названія Руссовъ—отъ собственнаго имени какого либо одного лица: знаменитаго вождя, князя или родоначальника—по имени Русса или Росса. Намекъ на такое производство мы находимъ въ памятникахъ весьма древнихъ. Такъ напр. одинъ изъ Византійскіхъ писателей X-го вѣка пишетъ, что Россы были такъ прозваны отъ вождя своего *Росса* послѣ того, какъ имъ удалось покорить, сосѣдніе народы. Тоже мнѣніе мы видимъ записаннымъ въ числѣ другихъ и у Герберштейна въ XVI-мъ столѣтіи,—„отъ *Русса*, родственника Леха“ легендарнаго князя Польскаго. Въ позднѣйшихъ нашихъ отечественныхъ источникахъ XVII го и XVIII-го вѣковъ это мнѣніе опять таки повторяется. Такъ мы встрѣчаемъ древняго миѳическаго князя *Русса* передавшаго будто бы свое имя всему народу Русскому. Въ Польскихъ легендарныхъ источникахъ послужившихъ матеріаломъ для Кіевскаго Синопсиса точно также находимъ преданіе о трехъ братьяхъ: Лехѣ, Чехѣ и *Русѣ*—имена коихъ перешли будто бы къ тремъ главнымъ Славянскимъ народностямъ, и др.

Всѣ эти измышленія важны только какъ слѣды попытокъ средневѣковыхъ книжниковъ уяснить себѣ происхожденіе нашего народнаго имени, но никакого серьезнаго научнаго значенія не имѣютъ. Теорія происхожденія именъ народныхъ отъ предполагаемыхъ собственныхъ именъ ихъ вождей или родоначальниковъ въ настоящее время отвергается почти всѣми учеными, какъ не правдоподобная, и если и имѣла право гражданства въ древніе и средніе вѣка, то только благодаря от-

сутствію въ эти времена всякихъ серьезныхъ научныхъ историческихъ и географическихъ знаній. Первымъ и главнымъ доказательствомъ ее не правдоподобности служитъ между прочимъ и ея легкость. Стоитъ лишь по непонятному народному прозвищу сочинить собственное, хотя бы нигдѣ и не встрѣчаемое, имя лица и выдать это миѳическое лицо за древняго вождя или родоначальника народа и - все объясненіе готово. Такой методъ объясненія народныхъ названій давно уже возбуждалъ сомнѣніе и, дѣйствительно, при научно-критической провѣркѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ почти всегда удавалось обнаружить, что въ основаніи всякаго такого рода объясненія лежитъ выдумка, басня и притомъ сочиненная не самымъ народомъ, а книжниками. Народъ обыкновенно этихъ именъ своихъ предполагаемыхъ родоначальниковъ не знаетъ и памяти о нихъ не сохраняетъ ни въ своихъ преданіяхъ, ни въ пѣсняхъ, ни въ былинахъ, не смотря на то, что въ тѣхъ же народныхъ памятникахъ сохраняются слѣды древности самой глубокой. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно народа Русскаго.

Въ особенности способствовало распространенію этой неправдоподобной теоріи проникновеніе въ Европу съ востока ученія Библейскаго. Признавая въ Библіи авторитетъ историческій, и руководствуясь національнымъ самолюбіемъ, средневѣковые книжники старались отыскать родоначальниковъ всѣхъ извѣстныхъ имъ народовъ (а главнымъ образомъ своего собственнаго) между прямыми потомками трехъ сыновей Ноя. Многіе изъ народовъ, въ особенности ближайшіе сосѣди Евреевъ, были снабжены книжниками на основаніи гадательнаго и фантастическаго толкованія древнѣйшихъ извѣстій Библіи, цѣлыми генеологическими таблицами.

Между прочимъ, мнѣніе о вѣроятности такого происхожденія, имѣвшее у насъ многихъ сторонниковъ даже до настоящаго столѣтія, подкрѣплялось основаніями по видимому весьма убѣдительными, покоящимися, однако какъ нынѣ ясно доказано, на совершенно не правильномъ пониманіи главнаго своего источника. Эпизодъ этотъ самъ по себѣ весьма интересенъ, такъ какъ онъ доказываетъ на сколько осторожно надо относиться къ толкованію подобнаго рода источниковъ и къ выводу изъ нихъ различнаго рода заключеній и предположеній. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ книгѣ Бытія (глава X ст. 2) между сыновьями Іафета значатся имена: Іаванъ, Тубалъ и Мосохъ. У Пророка Езекіила эти три имени удержаны въ томъ же порядкѣ (гл. XXVII ст. 13, гл. XXXII ст. 26). Въ главѣ о Гогѣ и Магогѣ тотъ же пророкъ говоритъ: „обратись къ Гогу, который есть князь и владѣтель Мосоха и Тубала". Слово „владѣтель" по Еврейски „росъ", въ переводахъ библіи—Греческомъ, Армянскомъ и Славянскомъ—очевидно принятое за имя собственное—не переведено, а лишь передано соотвѣтствующими звукамъ письменами. Такимъ образомъ появился какой то „Росъ" упоминаемый наряду съ сыновьями Іафета и по имени весьма подходящій для предположенія, что онъ то именно и былъ родоначальникомъ нашего народа. У нѣкоторыхъ древнихъ восточныхъ историковъ, благодаря этому не правильному переводу, слово „Росъ" оказалось даже слитымъ съ послѣдующимъ—„Мосоха" т. е. вся фраза читалась такъ: „князь Росмосоха и Тубала" и такимъ образомъ получился цѣлый народъ *Росмосоховъ*, который обиталъ, по ихъ мнѣнію, на сѣверъ отъ Кавказа и фигурировалъ въ исторіи Кавказскихъ племенъ со временъ самыхъ древнихъ. Этотъ народъ по созвучію именъ и по мѣстожительству также

давалъ нѣкоторымъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ поводъ къ предположеніямъ и догадкамъ о тожествѣ или сродствѣ его съ древними Руссами—догадкамъ очевидно совершенно фантастичнымъ *).

Патріархъ „Русъ“ встрѣчается также и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей восточныхъ. Такъ напр. у историка Абулъ-Гази, Хивинца, написавшаго „Книгу родословія Татаръ“, въ которой онъ старается вывести родословную Чингизъ-хана со временъ Ноя—въ числѣ 8-ми сыновей этого патріарха помѣщенъ и „Русъ“ тотчасъ послѣ Саклаба (Славяна) Очевидно тутъ уже замѣтны явные слѣды желанія писателя вывести происхожденіе извѣстныхъ ему могущественныхъ народовъ отъ Ноя.

3) Третьяго рода мнѣнія о происхожденіи нашего народнаго имени выразились въ попыткахъ производства его отъ какого нибудь древняго названія географическаго. Примѣры возможности такого происхожденія даетъ намъ и сама наша древняя лѣтопись въ которой сказано напр., что Полочане получили свое названіе отъ р. Полоты, Бужане—отъ р. Буга и т. п. Въ одномъ изъ списковъ лѣтописи—правда изъ новѣйшихъ—есть даже прямое указаніе, что Русси получили

*) Французскій оріенталистъ Eugène Boré въ своемъ извлеченіи изъ исторіи Моисея Кагантакваци говоритъ напр. по поводу названія Росмосоховъ слѣдующее: «On peut remarquer ici le radical ros, nom qui se rapproche de Rousse ou Russe que les Orientaux appellent aussi Moscow» (Histoire des Aghovans, par Moïse Calcantouni; extraite et traduite du manuscrit arménien par M. Eugène Boré, dans les Nouvelles annales des voyages. 1848. p. 76). Очевидно остроумное соображеніе г. Евг. Боре лишено всякаго историческаго основанія.

ное имя отъ названія рѣки *). Можетъ быть, именно, въ этомъ спискѣ и заключается истинна, тѣмъ болѣе, что рѣкъ съ корнемъ названія *рос* или *рус* находилось въ древней Россіи довольно много? Напр. какъ мы уже упоминали, одинъ изъ рукавовъ Нѣмана назывался *Русью*; кромѣ того одинъ изъ истоковъ той же рѣки, около котораго былъ перевалъ къ Припети и къ Западному Бугу назывался—*Рось*. *Росью* или *Россою* называлась также одна изъ рѣкъ Кіевской области съ притоками *Ростовица*, *Россова* и *Роска*. Подобное же названіе носила рѣчка впадающая въ Ильмень. На сѣверномъ берегу Ладожскаго озера есть рѣчка *Рускала* и пр. и пр. Но и кромѣ рѣкъ съ подходящимъ названіемъ есть и другіи урочища. Въ Финляндіи близь города Або есть гора называемая съ древнѣйшихъ временъ *Русскою*. У устья Нѣмана, какъ видно изъ источниковъ, существовалъ древній городъ *Русь*; близь Новгорода существуетъ и понынѣ гор. *Старая Русса*, основаніе котораго теряется во мракѣ временъ. Кромѣ того находятся еще много разныхъ мелкихъ урочищъ: рѣчекъ, селеній и т. п. имѣющихъ въ корняхъ названій также звуки *рос* или *рус*. По свидѣтельству Арабскихъ писателей въ древности Черное море называлось „Русскимъ моремъ", а въ одномъ изъ списковъ нашей лѣтописи (также изъ новѣйшихъ) попадается такое мѣсто: „Роди же нарицаемые Русью иже живяху на Ексинопонтѣ" (Понтѣ Евскинскомъ—Черномъ морѣ). Древнее названіе Волги—*Ра* или *Расъ* также можетъ быть одного корня, а въ та-

*) Въ спискѣ Воскресенскомъ читаемъ: «И пришедше Словене съ Дуная и сѣдоша у озера Ладогскаго, оттоль пришедше сѣдоша около озера Ильменя и нарѣкошася Русь, рѣки ради Русы еже впадаетъ въ Ильмень.»

комъ случаѣ *Рас*-ами или *Рос*-ами могли называться поволжскіе жители тѣмъ болѣе, что тѣ же Арабы называютъ часто Волгу рѣкою „Русскою“.

Всѣ эти соображенія и другія имъ подобныя приводились различными изслѣдователями въ разное время какъ доводы, для доказательства вѣроятности заимствованія народнаго имени отъ названія географическаго—но, конечно, никакой убѣдительности изъ себя не представили. Названія урочищъ могутъ скорѣе служить признакомъ того, что Руссы придали имъ свое имя, а никакъ не наоборотъ, что они его отъ нихъ заимствовали. Самая распространенность этихъ географическихъ названій служитъ яснымъ тому подтвержденіемъ. Кромѣ того и самое толкованіе сходства корней породило не мало споровъ. Такъ напр. корень *Ра* въ древнемъ названіи Волги и корень *рос* въ народномъ имени – по мнѣнію многихъ—даже совершенно не тожественны. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ теорія производящая народное имя отъ названія географическаго явилась совершенно слабой, не правдоподобной и не убѣдительной.

Неудача всѣхъ трехъ попытокъ объясненія происхожденія народнаго имени повлекла за собою, къ сожалѣнію, мало по малу, нѣкоторое охлажденіе и къ самому вопросу Наши новѣйшіе ученые историки, а въ особенности направленія скептическаго, въ послѣднее время стали относиться къ нему все болѣе и болѣе индеферентно. Правда, что подобное отношеніе къ вопросу отчасти понятно и вслѣдствіи трудности его разрѣшенія, но не рѣдко оно объясняется и неправильностью оцѣнки важности самаго его значенія.

Ниже мы будемъ имѣть случай вновь вернуться къ настоящему вопросу, теперь же перейдемъ къ раз-

смотрѣнію тѣхъ обстоятельствъ, которыя вытекаютъ изъ тщательнаго анализа различныхъ историческихъ источниковъ и какъ нельзя болѣе подтверждаютъ основныя положенія ученія скептиковъ: во I-хъ) что Русью, Руссами или Россами назывался искони народъ на территоріи нынѣшней Россіи обитавшій, и во II-хъ) что сказаніе нашей лѣтописи о заимствованіи народнаго имени отъ западныхъ пришельцевъ есть, ничто иное, какъ басня.

VIII.

Разсмотримъ сначала тѣ источники иностранные, которые, будучи совершенно самостоятельными отъ нашихъ источниковъ отечественныхъ, удостовѣряютъ съ большей или меньшей убѣдительностью о древнемъ существованіи имени Руссовъ на томъ-же мѣстѣ гдѣ оно распространено и теперь, т. е. приблизительно въ предѣлахъ современной Россіи. Для полноты картины приведемъ по возможности большее ихъ количество, причемъ между ними попадутся и вполнѣ достовѣрные, и сомнительные, и, наконецъ, совершенно опровергнутые ученой критикой.

1) Въ сочиненіяхъ Византійскаго писателя Никифора Григора (первой половины XIV-го вѣка) упоминается *о Русскомъ* князѣ занимавшемъ придворную должность при Императорѣ Константинѣ Великомъ (умеръ въ 337-мъ году).

2) Византійскій поэтъ Манассесъ (XII-го вѣка) говоритъ въ одной изъ своихъ поэмъ, что въ 626-мъ году *Руссы* въ качествѣ моряковъ участвовали подъ предводительствомъ Аварскаго Кагана въ нападеніи на Константинополь. Другіе Византійскіе источники болѣе древніе при описаніи того-же событія упоминаютъ о находившихся въ войскѣ Кагана морякахъ-Славянахъ. Оче-

видно этихъ то Славянъ и называетъ Манассесъ—Руссами.

3) Персидскій поэтъ Низами (конца XII-го вѣка) въ своей извѣстной поэмѣ „Искандеръ-Наме“ выставляетъ *Руссовъ* сражающихся съ Александромъ Македонскимъ.

Эти три источника забракованы научной критикой вполнѣ и почти единогласно по слѣдующимъ соображеніямъ: всѣ три автора жили сравнительно съ описываемыми ими событіями во времена гораздо позднѣйшія и допустили въ своихъ сочиненіяхъ отчасти по невѣжеству, отчасти вслѣдствіи извѣстной предвзятой цѣли грубые анахронизмы. Руссы выставлены ими только потому, что во времена жизни авторовъ были уже народомъ извѣстнымъ, заставляющимъ о себѣ говорить, вслѣдстіи чего они и прикрыли, какъ это часто бываетъ, своимъ именемъ другіе народы древности.

4) Средневѣковыя лѣтописи Прусскія говорятъ о войнахъ *Россіянъ* съ Пруссами въ VI-мъ вѣкѣ причемъ Россіяне тутъ являются сосѣдями Пруссовъ, живущими близь Нѣмана.

5) Въ „Исторіи Мазендерана и Табаристана“ персидскаго писателя Загиръ-Эддина-Мараши (XV-го вѣка) говорится между прочимъ, что одинъ изъ Кавказскихъ владѣтелей—жившій въ VI-мъ вѣкѣ—наслѣдовалъ своему отцу во всѣхъ владѣніяхъ *Руссовъ*, Хазаръ и Славянъ .

6) Саксонъ Грамматикъ—жившій въ XIII-мъ вѣкѣ—авторъ „Исторіи Скандинавіи“ упоминаетъ въ этой исторіи о войнахъ Скандинавовъ съ *Руссами,* начиная съ I-го вѣка по Р. Хр.

Эти источники также оставляются ученой критикой подъ великимъ сомнѣніемъ, хотя уже не такъ без-

условно, какъ первые. Авторы и составители ихъ жили также спустя много лѣтъ послѣ описываемыхъ ими событій и также могли воспользоваться именемъ извѣстныхъ въ ихъ времена Руссовъ, для прикрытія народныхъ именъ болѣе древнихъ. Можно даже предположить, что имя Руссовъ является просто продуктомъ ихъ вымысла, какъ напр. у Саксона Грамматика, исторія котораго вообще вся носитъ характеръ совершенно баснословный.

7) У Арабскаго писателя Ат-Табари (жилъ отъ 839-го до 923-го года, писалъ около 914-го года) въ его книгѣ „Исторія царей" написано:

„(Абдурахманъ) сказалъ (въ 644-мъ году) слѣдующее: Я нахожусь между двумя врагами: одинъ Хазары, а другой—*Руссы*, которые суть враги всему міру въ особенности же – Арабамъ".

Этотъ источникъ большинствомъ ученыхъ, кромѣ Германистовъ, признается за вполнѣ достовѣрный и выставляется, какъ одно изъ главныхъ доказательствъ существованія Руссовъ близъ Чернаго моря въ VII-мъ столѣтіи. Германисты опять таки видятъ тутъ вліяніе на воображеніе автора имени народа ему современнаго, грознаго своимъ противникамъ со временъ Аскольда и Дира, и предполагаютъ, что онъ также допустилъ анахронизмъ. Нѣкоторые оспариваютъ этотъ источникъ и съ другой точки зрѣнія: исторія Табари дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ сокращеніи сдѣланномъ персидскимъ писателемъ Белами жившемъ въ X-мъ столѣтіи. Можно допустить, что анахронизмъ допущенъ этимъ послѣднимъ компиляторомъ или же, наконецъ,—кѣмъ нибудь изъ позднѣйшихъ переписчиковъ. Таковыя предположенія однако, какъ совершенно голословныя, мало расшатываютъ довѣріе къ данному источнику и все-та-

ки въ ряду другихъ—противныхъ теорій Германистовъ, онъ является однимъ изъ самыхъ главныхъ.

8) У Византійскаго лѣтописца Θеофана (умеръ въ 817-мъ году) въ его хроникѣ подъ годомъ 773-мъ сообщается свѣдѣніе о томъ, что Императоръ Константинъ Копронимъ, отправляясь походомъ на Болгаръ, велѣлъ конницѣ идти по берегу сухимъ путемъ, а по морю послалъ флотъ изъ 2000 хеландій и самъ сѣлъ на *Русскія* хеландіи (τὰ ῥούσια χελάνδια) и поплылъ къ устью Дуная.

Извѣстіе это послужило поводомъ для самыхъ ожесточенныхъ ученыхъ споровъ. Германисты утверждаютъ, что тутъ слово τὰ ῥούσια надо читать не *Русскія*, а *красныя* хеландіи. Названіе *хеландіи* употреблялось всегда для обозначенія кораблей крупнаго Греческаго типа и никогда для опредѣленія сравнительно мелкихъ Русскихъ однодеревокъ не служило. Въ Императорскомъ Византійскомъ флотѣ существовали дѣйствительно хеландіи окрашенныя въ красный цвѣтъ; онѣ представляли изъ себя какъ-бы Императорскую собственность, на этихъ именно хеландіяхъ и плавалъ всегда Императоръ и про нихъ то, очевидно, и упоминаетъ Θеофанъ.

Противники возражали, что врядъ-ли флотъ изъ 2000 хеландій былъ весь составленъ изъ кораблей крупнаго типа – слѣдовательно и мелкія суда также назывались хеландіями. Кромѣ того какъ-то странно предположить, чтобы Θеофанъ въ своемъ сжатомъ разсказѣ сталъ упоминать объ окраскѣ судовъ. Да и наличность члена τα передъ словомъ ῥούσιὰ заставляетъ предполагать, что рѣчь идетъ о судахъ извѣстной націй, а не объ ихъ окраскѣ.

Какъ бы то ни было извѣстіе это считается не вполнѣ яснымъ и убѣдительнымъ и въ суммѣ доказа-

тельствъ выставляемыхъ противу теоріи Германистовъ играетъ роль второстепенную.

Этими восмью главными источниками и ограничиваются свѣдѣнія объ употребленіи имени Руссовъ во времена предшествовавшія IX-му вѣку. Затѣмъ мы остановимся на источникахъ упоминающихъ это имя уже въ IX-мъ вѣкѣ, хотя, по мнѣнію большинства,—во времена предшествовавшія лѣтописному хронологическому указанію о призваніи первыхъ князей.

9 и 10) Начнемъ съ источниковъ уже разсмотрѣнныхъ нами выше а именно съ Бертинскихъ лѣтописей, упоминающихъ о Россахъ при дворѣ Людовика Благочестиваго подъ годомъ 839-мъ, и съ извѣстія Араба Аль-Якуби—о Россахъ въ Севильѣ въ 844-мъ году. Мы видѣли уже, что Германисты, пользуясь тѣмъ, что страна изъ коей прибыли Россы и въ томъ и въ другомъ случаѣ неизвѣстна, стараются доказать, что эти Россы были Скандинавы. Противники Германистовъ напротивъ утверждаютъ, и притомъ съ достаточной убѣдительностью, что и тѣ и другіе были Русскіе Славяне, причемъ о Россахъ Бертинскихъ лѣтописей допускаютъ мысль, что они были изъ Кіева, гдѣ въ тѣ времена уже существовалъ Каганатъ, а Россы Аль-Якуби могли быть и съ устьевъ Нѣмана, гдѣ также древнее мѣстопребываніе Славянскихъ Россовъ можно считать доказаннымъ.

11) Въ „Окружномъ посланіи“ знаменитаго въ исторіи церкви Византійскаго Патріарха Фотія къ подвластнымъ ему епископамъ написанномъ въ 867-мъ году упоминается о случившемся при этомъ Патріархѣ первомъ нашествіи Руссовъ на Константинополь (по нашей лѣтописи—походъ Аскольда и Дира), причемъ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Народъ, столь часто многими превозносимый и

превосходящій всѣ другіе народы своей жестокостью и кровожадностью т. е. Россы, которые покоривъ окрестные народы, возгордились и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную Христіанскую вѣру и, принявъ Епископа и Пастыря, ведутъ себя какъ преданные сыны и друзья; хотя не задолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе".

Кромѣ того въ дошедшихъ до насъ 2-хъ проповѣдяхъ того же Патріарха, изъ которыхъ первую онъ говорилъ народу во время самой осады города, а вторую—вскорѣ послѣ отступленія Руссовъ, попадаются слѣдующія фразы и выраженія:

„О городъ царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою? Не обученное и набранное изъ рабовъ!..." —Далѣе:

„Почему ты (народъ Греческій) плачущій, теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ чемъ не снисходилъ, но величался?..... Почему ты острое копье твоихъ друзей презиралъ какъ бы мало крѣпкое?... По истиннѣ гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ... и вотъ *тѣ которыхъ усмирила самая молва о Ромеяхъ* (Грекахъ), тѣ подняли оружіе противу ихъ державы".

„Мы не смѣли посмотрѣть на нихъ прямо и не робко, напротивъ разслабли и упали духомъ отъ того самаго, отчего имъ повадно было воевать мужественно. Ибо эти варвары *справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ* и справедливо требовали кары".

„Народъ до нападенія на насъ ничѣмъ не давшій себя знать, народъ не почетный, народъ считаемый на-

равнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу современи похода къ намъ, не значительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій гражданскаго устройства, ни военнаго искусства"..... и пр.

Объ этихъ источникахъ—произведеніяхъ Патріарха Фотія—между Германистами и ихъ противниками возникъ одинъ изъ самыхъ горячихъ споровъ. Обѣ стороны согласны съ тѣмъ, что эти источники—документы достовѣрные и весьма важные, такъ какъ авторъ ихъ по уму и по образованію былъ человѣкъ едва-ли не самый выдающійся изъ своего вѣка—но споръ идетъ главнымъ образомъ о годѣ событія; у Фотія онъ не обозначенъ. Германисты стараются доказать, что нападеніе на Константинополь было произведено Руссами—Норманнами Аскольда и Дира какъ сказано въ нашей лѣтописи въ 866-мъ году или по крайней мѣрѣ не ранѣе 865-го года т. е., слѣдовательно, послѣ призванія князей; противники-же ихъ доказываютъ весьма убѣдительно, что по точному сличенію этого извѣстія съ другими Византійскими источниками событіе это произошло за нѣсколько лѣтъ ранѣе, а именно—въ 860-мъ году *) т. е., слѣдовательно, до лѣтописнаго призванія; такимъ образомъ надо допустить что на Византію папа-

*) Современникъ Фотія Никита Пафлагонскій въ своемъ «Жизнеописаніи Патріарха Игнатія» пишетъ, что нашествіе Руссовъ случилось не задолго до двухкратнаго Константинопольскаго Собора на Игнатія и до землетрясенія т. е. до мая 861-го года. Другой Византійскій писатель Симеонъ Логоѳетъ сообщаетъ, что нашествіе Руссовъ было въ десятый годъ правленія Императора Михаила III, а этотъ годъ соотвѣтствуетъ 860-му году.

ли Руссы—Славяне южно-Русскіе. Какъ бы то нибыло, но, по нашему мнѣнію, возстановленіе хронологической даты событія—есть вопросъ частный. Гораздо важнѣе обратить вниманіе на тѣ выраженія, которыя употребляетъ Фотій для характеристики Руссовъ. Изъ сличенія приведенныхъ нами отдѣльныхъ фразъ его положительно явствуетъ, что онъ говоритъ о народѣ еще и раньше извѣстномъ Грекамъ. Въ этихъ фразахъ замѣтны даже намеки на какое то предшествовавшее походу на Константинополь избіеніе Греками соплеменниковъ Руссовъ, за каковое они и явились грозными мстителями. Если мы предположимъ, что напавшіе были народъ совершенно новый, никогда Греками не виданный и только впервые подъ своимъ именемъ появившійся, то фразы и выраженія Фотія являются совершенно не понятными, изъ чего слѣдуетъ заключить, что народъ подъ именемъ Руссовъ былъ извѣстенъ Грекамъ по крайней мѣрѣ за нѣсколько лѣтъ до лѣтописнаго призванія князей и, что онъ обиталъ въ той же мѣстности, откуда появились и нападавшіе т. е. на территоріи современной Россіи.

12) Въ древнемъ Византійскомъ памятникѣ X-го вѣка—„Житіѣ Георгія Амастридскаго“ описывается нападеніе *Руссовъ* на Мало-Азійскій Греческій городъ Амастриду лежавшій на южномъ берегу Чернаго моря. Авторъ „Житія“—современникъ событія—вѣроятно, Греческій монахъ, помѣщаетъ между прочимъ и характеристику этихъ Руссовъ. По его словамъ, это былъ „народъ дикій и грубый, лишенный, *какъ это всѣмъ извѣстно*, всякаго чувства человѣколюбія“. Фраза: „какъ это всѣмъ извѣстно“ опять таки заставляетъ предполагать, что Греки знали Руссовъ еще раньше описываемаго нападенія. О годѣ событія среди нашихъ историковъ существуетъ

разногласіе. Германисты доказываютъ, что нападеніе на Амастриду произошло никакъ не ранѣе 867-го года, и что тэмой для описанія Руссовъ послужило окружное посланіе патріарха Фотія. Противники Германистовъ съ ними не согласны. По ихъ мнѣнію, совершенно убѣдительно доказанному, *) событіе произошло ранѣе 842-го года, такъ что посланіе Фотія никакого отношенія до „Житія“ имѣть не могло.

13) Совершенно однородный характеръ носитъ и другой древній Греческій памятникъ неизвѣстнаго автора а именно — „Житіе Св. Стефана Сурожскаго“ въ которомъ описывается нападеніе Руссовъ на Греческій городъ Сурожъ. Германисты опять таки полагаютъ, что событіе это должно быть отнесено къ концу IX-го или даже къ X-му вѣку, а противники ихъ, детально и обстоятельно разсматривая самый памятникъ, утверждаютъ, что нападеніе на Сурожъ произошло въ первой половины IX-го вѣка т. е. до лѣтописнаго призванія князей **)

Кромѣ упомянутыхъ источниковъ разсмотримъ еще нѣкоторые, которые хотя и относятся по предметамъ описанія къ эпохѣ позднѣйшей — послѣ лѣтописнаго призванія князей, но тѣмъ не менѣе достаточно убѣдительно подтверждаютъ ту мысль, что Руссы были народъ туземный, Славянскій, а отнюдь не пришельцы, и что ихъ имя было хорошо извѣстно ихъ сосѣдямъ еще до лѣтописныхъ 3-хъ братьевъ-князей и Аскольда и Дира.

14) Въ „Исторіи Табаристана“ Арабскаго писателя

---

*) «Русско-Византійскіе отрывки» В. Васильевскаго. Выпускъ II. Житія Св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго С.-Пб. 1893.

**) Тамъ же.

Мухамеда сына Хассана (автора XIII-го вѣка) сообщается:

„Въ этомъ (909-мъ) году шестнадцать штукъ *Русскихъ* кораблей появились на морѣ (Каспійскомъ) и прибыли въ Абесунгъ, какъ во времена Хассана сына Зеида“.

Упомянутый Хассанъ сынъ Зеида правилъ отъ 864-го до 884-го года, слѣдовательно и первый походъ Руссовъ по Каспію долженъ быть отнесенъ къ этому времени, т. е. вѣроятно до прибытія по лѣтописи Олега въ Кіевъ. Германисты, признавая правдивость этого источника, допускаютъ предположеніе, что этотъ походъ есть слѣдъ дѣятельности воинственныхъ Руссовъ-Германцевъ, сподвижниковъ Аскольда и Дира, но предположеніе это врядъ-ли выдерживаетъ критику. Отъ Кіева до Каспія путь не малый и Скандинавамъ нужно было бы совершать его по землямъ Славянскихъ племенъ имъ не подчиненныхъ. Гораздо болѣе вѣроятно, что въ походѣ этомъ участвовали Славяне племенъ болѣе близкихъ къ Каспію, слѣдовательно, названіе *Руссы* относится къ нимъ, а не къ Германцамъ. Это предположеніе еще болѣе пріобрѣтаетъ вѣроятности въ связи съ объясненіемъ источника слѣдующаго:

15) Арабскій писатель Абуль-Касумъ прозванный Ибнъ-Хордадбе въ своемъ сочиненіи „Книга путей и Государствъ“ написанномъ въ 60-хъ—70-хъ годахъ IX-го вѣка *) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

*) Изъ осторожности мы обозначаемъ время сочиненія «Книги путей» руководствуясь извѣстнымъ изслѣдованіемъ Гаркави— «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ» (С.-Пб. 1870 г. стр. 44) хотя на VIII-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, 1890-го года, профес. Хвольсонъ доложилъ о вновь открытой редакціи того-же сочиненія—847-го года. На сколько намъ извѣ-

„Купцы *Русскіе*—они же суть племени изъ Славянъ —вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концевъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю и царь Рума (Византійскій Императоръ) беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на карабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (южная часть Каспійскаго) и выходятъ на любой имъ берегъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ".

Изъ редакціи этого извѣстія уже вполнѣ ясно, что авторъ подъ названіемъ Руссовъ разумѣетъ опредѣленный, хорошо извѣстный его соотечественникамъ народъ. Спрашивается: какой же именно? Германисты и тутъ стараются доказать, что рѣчь идетъ о Скандинавахъ или же—объ освоившихся уже съ иноземнымъ именемъ Кіевлянахъ, но неправдоподобность такого предположенія въ данномъ случаѣ уже ясна сама собою. Самъ авторъ, очевидецъ и современникъ описываемаго имъ положенія торговыхъ путей на востокѣ, упоминаетъ о торговлѣ цѣлаго народа, описываетъ пути, по которымъ купцы этого народа иногда (т. е. слѣдовательно въ ряду многочисленныхъ торговыхъ путешествій) пріѣзжаютъ въ Багдадъ. Спрашивается: неужели можно допустить, что тутъ говорится о кучкѣ пришельцевъ только-что прибывшихъ на сѣверо-западную или западную окраину об-

---

стно, докладъ этотъ по сіе время серьезныхъ возраженій не вызвалъ, и если признать свѣдѣнія сообщаемыя имъ за безусловную истинну—то, очевидно, вѣра въ извѣстіе нашего лѣтописца о заимствованіи народнаго имени во второй половинѣ IX-го вѣка отъ пришельцевъ колеблется еще болѣе.

ширной страны? Или же,—что имя пришельцевъ такъ скоро могло разспространиться путемъ заимствованія по всему пространству Россіи отъ Новгорода и Кіева до береговъ Каспія и Багдада? Очевидно подъ именемъ Руссовъ въ данномъ извѣстіи подразумѣвается народъ искони живущій въ извѣстной странѣ, туземный,—а что этотъ туземный народъ былъ—Славянскій, есть прямое указаніе и въ самомъ источникѣ („они же суть племени изъ Славянъ").

16) У Арабскаго писателя Аль-Масуди (жилъ въ X-мъ вѣкѣ, писалъ въ первой половинѣ этого вѣка) помѣщено извѣстіе о походѣ Руссовъ по Волгѣ въ Каспійское море, при чемъ Руссы, по словамъ автора, „составляющіе многіе народы раздѣляющіеся на разрозненныя племена"—вошли въ Каспійское море на 500-хъ корабляхъ (по 100 человѣкъ на каждомъ) и произвели по берегамъ этого моря страшные грабежи и опустошенія. Возвращаясь затѣмъ домой обремененные добычей, они половину ея отдали по уговору Хазарскому Кагану въ благодарность за пропускъ черезъ его земли, но тѣмъ не менѣе подверглись нападенію Хазаръ-мусульманъ пожелавшихъ отмстить имъ за умерщвленіе своихъ единовѣрцевъ. Въ битвѣ съ Хазарами Руссы были разбиты, причемъ ихъ погибло 30.000 человѣкъ и осталось въ живыхъ только 5.000, которымъ удалось пробиться и выйти изъ Хазаріи на сѣверъ, но и тутъ они всѣ были истреблены Буртасами.

Въ этомъ извѣстіи относящемся къ событію 912-го года, если даже и допустить нѣкоторую преувеличенность въ цифрахъ, всетаки видно, что численность Руссовъ участвовавшихъ въ походѣ достигала до нѣсколькихъ десятковъ тысячь человѣкъ. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, называетъ Руссовъ народомъ многочисленнымъ

и состоящимъ изъ нѣсколькихъ племенъ. Признать этихъ Руссовъ за потомковъ пришельцевъ появившихся въ странѣ всего лишь не болѣе полу-вѣка — положительно невозможно. Точно также мало вѣроятно и предположеніе, чтобы въ столь короткій срокъ туземныя племена успѣли заимствовать отъ пришельцевъ и перенести на себя ихъ чуждое и не понятное этнографическое имя.

Точно такой же характеръ носятъ и послѣдующія извѣстія многочисленныхъ Арабскихъ писателей вѣковъ X-го и XI-го о походахъ Руссовъ, ихъ торговыхъ дѣлахъ, образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ и т. п. Вездѣ это названіе придается народу живущему въ предѣлахъ современной Россіи, народу многочисленному, воинственному, предпріимчивому и могущественному; но въ виду того, что эти извѣстія касаются событій временъ сравнительно съ предидущими позднѣйшихъ — ясно, что значеніе ихъ въ смыслѣ противовѣса теоріи Германистовъ умаляется все болѣе и болѣе, такъ какъ и предполагаемые ими Руссы-Германцы считаются, судя по нашей лѣтописи, водворившимися у насъ къ этимъ временамъ достаточно твердо.

17) Въ заключеніи упомянемъ еще объ одномъ типѣ источниковъ, которые хотя и косвенно, но также достаточно ясно констатируютъ древность нашего народнаго имени, а въ виду этого также являются въ противорѣчіи съ извѣстіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ Это,—источники Польскіе. Начиная съ XII-го вѣка въ Польшѣ появляются историческія хроники, по которымъ Славяне выставляются какъ прямые потомки Явина (Іована) сына Іафета. Въ числѣ этихъ Славянъ упоминаются и *Русскіе*, причемъ подразумѣвается, что это имя искони имъ придавалось и ни откуда не занесено и не

заимствовано. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ извѣстія этихъ хроникъ суть ни что иное какъ плодъ фантазіи ихъ авторовъ, по мнѣнію же другихъ, авторы ихъ могли пользоваться древнѣйшими народными источниками до насъ не дошедшими. Въ позднѣйшихъ (съ XIV-го вѣка) хроникахъ Польскихъ, построенныхъ преимущественно на канвѣ хроникъ предидущихъ, является, какъ мы уже имѣли случай упоминать, даже самостоятельный патріархъ Русъ. Все это доказываетъ, что и въ памяти нашихъ единоплеменныхъ сосѣдей—Поляковъ никакого намека на заимствованія нами откуда бы то ни было извнѣ нашего народнаго имени не сохранялось.

Вотъ важнѣйшія извѣстія болѣе или менѣе древнихъ авторовъ относящіяся до древняго употребленія названія Руссовъ. Мы видимъ, что между ними есть и вполнѣ достовѣрныя, и сомнительныя, и, наконецъ, едва правдоподобныя. Но и эти послѣднія въ своей совокупности представляютъ изъ себя элементъ немаловажный. Они, правда, хотя и заставляютъ предполагать о допущеніи ихъ авторами существенныхъ анахронизмовъ, но тѣмъ не менѣе служатъ яснымъ свидѣтельствомъ, что у всѣхъ этихъ авторовъ сравнительно древнихъ, разныхъ странъ, вѣковъ и народовъ существовало убѣжденіе, что народъ Русскій живущій въ предѣлахъ территоріи нашей страны назывался своимъ именемъ во времена глубокой древности и ни откуда извнѣ своего имени не заимствовалъ. Трудно предположить, какъ стараются объяснить Германисты, чтобы это убѣжденіе было основано исключительно на невѣжествѣ авторовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ по уму и по образованію были всетаки въ свое время люди выдающіеся и кромѣ того относящіеся къ своимъ задачамъ, повидимому, добросовѣстно. Гораздо вѣроят-

нѣе, что убѣжденіе это сложилось вслѣдствіи полнаго отсутствія въ древнѣйшихъ источникахъ какихъ бы то ни было о предполагаемомъ заимствованій имени свѣдѣній, иначе, конечно, свѣдѣнія эти гдѣ бы нибудь да проскользнули и не были бы для насъ потеряны совершенно безслѣдно

Интересно между прочимъ и слѣдующее обстоятельство: уже, казалось-бы, память о призваніи князей и о заимствованіи имени отъ Скандинавовъ должна была-бы сохраниться хотя въ преданіяхъ этихъ послѣднихъ, но и этого мы не видимъ. Древнѣйшіе источники исторіи Скандинавскихъ государствъ письменные и устные—преданія, историческія сказанія, даже произведенія народной поэзіи—историческія былины—*саги*—всѣ полны описаній самыхъ разнообразныхъ подвиговъ древнихъ вождей, королей, витязей и прочихъ Скандинавскихъ героевъ. Мы читаемъ напр. у Саксона Грамматика извѣстіе о томъ, что Скандинавы были знакомы съ Русскими—своими сосѣдями—съ самаго Рождества Христова. Кромѣ того саги сохранили намъ, и часто съ большими подробностями, слѣды сношеній между двумя народами также весьма древнихъ: есть напр. сага упоминающая о крещеніи Владимира (Сага объ Олафѣ Тригвесонѣ), другая—о разныхъ приключеніяхъ Скандинавскихъ витязей при дворѣ Ярослава Мудраго (Эймундова Сага) и между прочимъ ни одинъ изъ этихъ легендарныхъ источниковъ, по характеру весьма хвастливыхъ, ни однимъ словомъ не намекаетъ ни о призваніи князей, ни о заимствованіи нашего народнаго имени—обстоятельствахъ для Скандинавскаго національнаго самолюбія, конечно, весьма важныхъ. Мало того: въ одной изъ помянутыхъ сагъ—Олафовой говорится напр. о древнемъ владычествѣ Скандинавовъ надъ сѣ-

веро-западной частью Русскаго материка и о потерѣ этого владычества. Если гдѣ, то, казалось бы, именно въ этомъ мѣстѣ надлежало бы упомянуть о призваніи Скандинавовъ снова — а, между тѣмъ, объ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ни слова, ни намека.

Конечно, это видимое отсутствіе свѣдѣній о заимствованіи нашего имени въ древнѣйшихъ народныхъ источникахъ сосѣднихъ народовъ само по себѣ еще не можетъ служить твердымъ и непреложнымъ доказательствомъ, для отрицанія самаго событія, но, въ связи съ другими источниками, которые мы перечислили, болѣе положительно свидѣтельствующими о стародавности у насъ этого имени, оно также, очевидно, имѣетъ значеніе весьма не маловажное.

Уже однихъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ вполнѣ достаточно для того, чтобы предположить безошибочно, что наша первоначальная лѣтопись въ свѣдѣніяхъ своихъ о происхожденіи Руси допустила нѣкоторое извращеніе фактовъ, но для того, чтобы выяснить себѣ — что именно могло вызвать въ нашемъ древнѣйшемъ источникѣ такого рода неточности и тѣмъ еще болѣе подкрѣпить вѣроятность самаго предположенія о таковой неточности, намъ остается разсмотрѣть по возможности всесторонне самый источникъ сообщающій намъ невѣрныя свѣдѣнія, а именно — нашу лѣтопись. Къ таковому разсмотрѣнію мы и перейдемъ.

IX.

Старѣйшимъ отечественнымъ письменнымъ источникомъ сообщающимъ намъ свѣдѣнія о дрѣвнѣйшихъ судьбахъ нашего народа является наша начальная лѣтопись извѣстная подъ названіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Полное названіе этой „Повѣсти" слѣдующее: „*Се повѣсть временныхъ лѣтъ откуда есть пошла русская земля; кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть*". Начинается она съ самаго разселенія потомковъ Ноя по земной поверхности и кончается изложеніями событій исторіи Русской до года 1110-го. О составителѣ повѣсти существуетъ въ нашей исторической литературѣ два различныхъ мнѣнія:

1) Одни признаютъ таковымъ инока Кіево-Печерского монастыря Нестора жившаго въ концѣ XI-го и въ началѣ XII-го столѣтій (Шлецеръ, Карамзинъ, Будковъ, Погодинъ и др.).

2) Другіе—Игумена Выдубецкаго монастыря Сильвестра жившаго приблизительно въ то же время (Костомаровъ, Иловайскій и др.)

Разсмотрѣніе вопроса—кто правъ въ этомъ спорѣ—не входитъ въ предѣлы настоящаго изслѣдованія, какъ вопросъ частный. Намъ важно только имѣть въ виду

при критической оцѣнкѣ свѣдѣній доставляемыхъ лѣтописью, что составитель ея былъ Русскій, монастырскій книжникъ второй половины XI-го и начала XII-го вѣка *).

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“ легла въ основаніе большинства позднѣйшихъ лѣтописей составлявшихся съ начала XII го столѣтія въ различныхъ краяхъ нашего отечества и даже, по отношенію къ формѣ, послужила имъ прототипомъ изъ чего можно заключить, что она принималась позднѣйшими лѣтописцами при изложеніи древнѣйшихъ судебъ нашего отечества какъ источникъ несомнѣнно правдивый и какъ литературный образецъ. Таковое видимо первенствующее значеніе придаваемое „Повѣсти“ ея продолжателями все таки, однако, къ сожалѣнію, не сохранило ее для насъ въ первобытной чистотѣ. Переписчики и составители сводовъ позднѣйшихъ, первые—невольными описками и ошибками, вторые—нѣкоторымъ, хотя и осторожнымъ, но уже сознательнымъ искаженіемъ текста въ формѣ поправокъ или дополненій—сдѣлали то, что возстановленіе ее въ первобытномъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера автора, является дѣломъ недостижимымъ и намъ волей неволей приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что успѣли сдѣлать для возстановленія текста наши ученые, путемъ исправленія описокъ, сличенія разныхъ списковъ, критической разработкой ихъ и т. п., то есть—доволь-

*) Мы уже имѣли случай упоминать о существовавшемъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ нашей исторической литературѣ третьемъ мнѣніи о «Повѣсти», какъ о произведеніи вѣковъ позднѣйшихъ—XIII-го и даже XIV-го (Коченовскій, Строевъ и др.). Такъ какъ мнѣніе это нынѣ считается совершенно разбитымъ и опровергнутымъ, то и принимать его во вниманіе нѣтъ никакого основанія.

ствоваться полученнымъ въ результатѣ лишь приблизительнымъ ея текстомъ.

Намъ остается однако утѣшаться, что этотъ приблизительный текстъ долженъ быть весьма близокъ къ настоящему. Въ этомъ насъ убѣждаютъ, кромѣ довѣрія къ трудамъ нашихъ ученыхъ, еще и слѣдующія обстоятельства:

1) Ясно доказанное высоко-авторитетное значеніе „Повѣсти" въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ въ глазахъ позднѣйшихъ составителей сводовъ, служащее извѣстной гарантіей въ томъ, что всякія передѣлки и дополненія вносились ими крайне осторожно и съ большою осмотрительностью и

2) счастливая случайность сохранившая намъ одинъ изъ экземпляровъ „Повѣсти" въ спискѣ XIV-го (по мнѣнію нѣкоторыхъ, напр. Погодина, даже—XIII-го вѣка). Списокъ этотъ—Лаврентьевскій—написанъ такимъ образомъ, спустя только два вѣка послѣ самого составленія „Повѣсти", когда авторитетъ автора, очевидно, долженъ былъ имѣть значеніе для продолжателей еще большее, чѣмъ во времена позднѣйшія, а вслѣдствіи этого, надо полагать, что и поправки, и дополненія не могли быть допущены въ немъ особенно существенныя.

Какъ бы то ни было, однако, съ этимъ отсутствіемъ первоначальнаго текста приходится считаться и, при выводахъ изъ критическаго разсмотрѣнія свѣдѣній сообщаемыхъ „Повѣстью", имѣть его въ виду и принимать во вниманіе.

Для того чтобы отдать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о степени довѣрія, которое должны воз-

буждать въ себѣ свѣдѣнія доставляемыя составителемъ „Повѣсти“ — прежде всего, конечно, по самому существу вопроса, должно остановиться на выясненіи двухъ обстоятельствъ:

1) Возстановить по возможности точно характеръ личности составителя и

2) обнаружить тѣ первоначальные источники, коими составитель для своей „Повѣсти“ пользовался.

Начнемъ съ личной характеристики составителя*).

Какъ мы уже говорили, составитель „Повѣсти“ былъ лицо духовное, Русскій монастырскій книжникъ жившій и писавшій въ концѣ XI-го и въ началѣ XII-го вѣка.

Состояніе образованія тогдашняго духовенства намъ достаточно извѣстно изъ другихъ дошедшихъ до насъ современныхъ „Повѣсти“ памятниковъ нашей духовной ли-

*) Считаемъ при этомъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Въ литературѣ вопроса о значеніи личности составителя «Повѣсти» существуютъ два мнѣнія. Одни придаютъ его личности значеніе очень большое, первенствующее, приписывая собираніе для «Повѣсти» сыраго матеріала и обработку его—исключительно ему. Другіе же, исходя изъ той мысли, что матеріалъ для «Повѣсти» могъ быть подготовленъ, и даже до извѣстной степени обработанъ, трудами многихъ неизвѣстныхъ лицъ до него жившихъ—придаютъ личности составителя значеніе второстепенное. По предположенію представителей этого втораго мнѣнія работа составителя «Повѣсти» выражалась только въ извлеченіяхъ и выборкахъ извѣстій изъ письменныхъ источниковъ древнѣйшихъ, часто въ простой перепискѣ ихъ, а главнымъ образомъ—въ приведеніи ихъ въ извѣстный порядокъ, то есть въ работѣ, такъ сказать, редакціонной. По нашему мнѣнію и въ томъ и въ другомъ случаѣ личность автора все таки представляетъ изъ себя интересъ первостепенный. Даже и при второмъ предположеніи составитель-редакторъ «Повѣсти» долженъ былъ при пользованіи чужимъ мате-

тературы:—оно являлось точной копіей съ духовнаго образованія Византійскаго. Начитанность Богословская и поверхностно почерпнутыя изъ нее правила Христіанской морали, аскетическая отчужденность отъ мірской жизни, крайнее суевѣріе основанное на полномъ почти отсутствіи научныхъ свѣдѣній изъ міра естественнаго—вотъ его главные отличительные признаки и, конечно, они неминуемо должны были положить свой отпечатокъ и на нашу „Повѣсть". Самая внѣшняя форма сочиненія, лѣтосчисленіе, первыя историческія и географическія свѣдѣнія о народахъ и странахъ библейскихъ —все является въ повѣсти заимствованіемъ, и притомъ почти дословнымъ, изъ источниковъ Византійскихъ.

Итакъ, какъ лицо духовное и образованное, составитель является прежде всего полнымъ подражателемъ и послѣдователемъ духовныхъ писателей Византійскихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ лѣтописецъ по происхожденію Русскій Славянинъ, Кіевлянинъ, слуга своего князя, дитя своего народа. Эти обстоятельства, конечно, также должны были оказывать свое вліяніе и, дѣйствительно, при разсмотрѣніи „Повѣсти" ясно, что онѣ его оказывали, хотя уже не въ столь значительной степени какъ первое. Симпатіи къ своему народу, къ его прошлому, точно также какъ къ вождямъ и инымъ представителямъ власти, проходятъ, какъ замѣтно въ „Повѣсти", почти

ріаломъ руководствоваться извѣстными цѣлями, мотивами и побужденіями, освѣщать событія съ той или другой точки зрѣнія, группировать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, вообще, критически относиться къ нимъ, руководствуясь личнымъ своимъ муозрѣніемъ; слѣдовательно, все таки весь его трудъ является дѣломъ его ума, результатомъ его міровозрѣнія. При всякомъ иномъ предположеніи весь трудъ составителя—трудъ самъ по себѣ по времени весьма не легкій—потерялъ-бы всякую цѣлесообразность.

всегда сквозь призму возрѣнія религіознаго. Составитель прежде всего вѣрный и ревностный служитель Православной Греческой церкви. Единоплеменные ему Славяне и Руссы—язычники менѣе ему дороги чѣмъ иноплеменные Христіане—Греки *).

Кромѣ того изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ мы вправѣ заключить, что составитель „Повѣсти" былъ лицомъ близко стоящимъ къ правительственной власти—ко двору Кіевскихъ князей. Близость эта явствуетъ:

а) Изъ того что въ повѣсти приведены, и при томъ достословно, такіе важные государственные документы, какъ договоры Олега и Игоря съ Греками, которые, надо полагать, могли послужить матеріаломъ для лѣтописи только не иначе, какъ съ вѣдома и согласія Великихъ Кіевскихъ князей и даже можетъ быть вслѣдствіи ихъ на то иниціативы.

б) Близость князей къ духовенству подтверждается вполнѣ и исторически—въ той части повѣсти, къ которой относиться съ недовѣріемъ мы не имѣемъ ни-

---

*) Примѣровъ такого отношенія въ «Повѣсти» весьма много: при описаніи неудачнаго похода Аскольда и Дира на Константинополь, сочувствіе составителя, какъ видно изъ редакціи извѣстія, всецѣло на сторонѣ Грековъ поразившихъ *безбожныхъ* Руссовъ. Прозвище данное народомъ Олегу «вѣщій» очевидно лѣтописцу не нравится, какъ данное князю-язычнику: онъ объясняетъ его тѣмъ, что назвали такъ Олега «люди поганые и невѣжды». Правители-Христіане, напротивъ, превозносятся лѣтописцемъ всячески. Княгиня Ольга, какъ принявшая первая изъ нихъ Христіанство, заслуживаетъ отъ него панегириковъ самыхъ горячихъ. Симпатіи и сочувствіе лѣтописца не покидаютъ ее при всѣхъ описаніяхъ событій ея жизни—даже при описаніи жестокой и коварной мести Древлянамъ за смерть мужа—дѣянія казалось-бы долженствовавшаго заслуживать лишь порицаніе отъ представителя церкви проповѣдующей любовь къ ближнему и всепрощеніе.

какого основанія, такъ какъ сообщенія ея подтверждаются и логикой и другими древними историческими памятниками. Съ принятіемъ Христіанства при Владимирѣ, а въ особенности при Ярославѣ и его ближайшихъ преемникахъ, тѣсная связь между представителями власти и духовенствомъ замѣтна весьма ясно: Владимиръ напр. совѣщается съ духовенствомъ о примѣненіи смертной казни; Ярославъ—любитель просвѣщенія, заботится о распространеніи въ народѣ книжнаго образованія—дѣла находящагося при немъ въ полномъ вѣдѣніи духовенства; самъ онъ, его сыновья и внуки получаютъ свое образованіе при посредствѣ того-же духовенства. Самая программа этого образованія, особенно рельефно выступающая въ дошедшемъ до насъ завѣщаніи Владимира Мономаха,—чисто духовно-книжная.

в) Намеки на то, что лѣтописецъ былъ близокъ къ князьямъ и даже писалъ подъ ихъ наблюденіемъ вслѣдствіи чего и самая „Повѣсть“ являлась до нѣкоторой степени документомъ офиціальнымъ, находимъ мы и въ нѣкоторыхъ историческихъ памятникахъ позднѣйшихъ Такъ напр. въ 1409-мъ году Московскій лѣтописецъ, приводя посланіе Татарскаго князя Едигея къ Великому князю Василію Дмитріевичу—посланіе крайне не лестное для этого послѣдняго—какъ-бы извиняется въ этомъ, оговариваясь, что онъ поступаетъ такъ по старому примѣру лѣтописца Кіевскаго, которому „перзіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ; яко же при Володимерѣ Маномасѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго не украшая пишущаго“.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, фактъ близости древняго лѣтописца къ представителямъ власти, какъ

достаточно ясно доказанный, долженъ играть при критическомъ разборѣ достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій также роль не маловажную.

Итакъ, подводя итогъ всему сказанному по опредѣленію самой личности составителя „Повѣсти", мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Во 1-хъ—онъ былъ монастырскій книжникъ писавшій подъ вліяніемъ образцовъ Византійскихъ и воспринявшій отъ этихъ образцовъ всѣ качества и недостатки тогдашней духовной Византійской образованности.

Во 2-хъ—ревностный служитель Православной Греческой церкви, въ жертву интересамъ которой онъ приносилъ до извѣстной степени и свое патріотическое самолюбіе и любовь къ своимъ единоплеменникамъ и ко всему родному народу.

Въ 3-хъ—близкое, а можетъ быть и довѣренное, лицо у Кіевскихъ Великихъ князей

Приступая за тѣмъ къ разрѣшенію втораго вопроса—откуда составитель „Повѣсти" могъ почерпывать сообщаемыя имъ свѣдѣнія—мы приходимъ къ заключенію, что источники которыми онъ пользовался могли быть трехъ родовъ: 1) письменные. 2) устные и 3) личныя его наблюденія.

I) *Источники письменные* въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: а) *иностранные* и б) *отечественные*.

а) Заимствованія изъ источниковъ *письменныхъ иностранныхъ* замѣтны въ „Повѣсти" ясно и неоспоримо и слѣды ихъ видны на первыхъ-же ея страницахъ. Сюда относятся: все начальное повѣствованіе о разселеніи потомковъ 3-хъ сыновей Ноя, почти всѣ геогра-

фическія свѣдѣнія о странахъ лежащихъ внѣ предѣловъ Россіи и Сѣверной Европы, а также всѣ свѣдѣнія изъ исторіи древней и Византійской. Всѣ эти источники происхожденія исключительно письменности Византійской или же странъ непосредственно находящихся подъ вліяніемъ образованности Византійской напр. Болгаріи. Слѣдовъ вліянія письменныхъ источниковъ какихъ либо другихъ странъ во всей „Повѣсти" незамѣтно. Явленіе это вполнѣ понятно и объяснимо. Книжная письменность, какъ и новая религія, перешли къ намъ непосредственно изъ Византіи и вполнѣ естественно, что и вся первоначальная образованность должна была перейти оттуда-же. Нашимъ ученымъ удалось даже обнаружить тотъ главный источникъ, изъ котораго лѣтописецъ почерпнулъ большинство своихъ космографическихъ и историческихъ свѣдѣній—это Византійскій хронографъ X-го вѣка Григорія Амартола. Источникъ этотъ однако былъ хотя и главный, но не исключительный: попадаются слѣды заимствованій и изъ другихъ авторовъ, напр. Синкела, Малалы и др. Самый способъ заимствованія также замѣтенъ весьма ясно. Свѣдѣнія изъ исторій библейской, Византійской и древней, равно какъ и о странахъ отдаленныхъ, лично самому лѣтописцу неизвѣстныхъ—онъ заимствовалъ почти дословно, очевидно, полагаясь вполнѣ на достовѣрность своего Византійскаго образца, добавляя къ нимъ лишь тѣ свѣдѣнія о своей родинѣ и о странахъ сѣверныхъ, о которыхъ хронографъ молчалъ и которыя уже ему самому удалось собрать изъ источниковъ мѣстныхъ.

Для интересующаго насъ вопроса эти источники письменные Византійскіе значенія не имѣютъ О призваніи князей, ни одинъ изъ Греческихъ писателей ничего не говоритъ и очевидно, что лѣтопьсецъ для по-

лученія этого свѣдѣнія долженъ былъ пользоваться какимъ нибудь источникомъ инымъ. Точно также ни слова они не говорятъ и о заимствованіи нашими предками своего народнаго имени отъ пришельцевъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ являлось, правда, нѣкоторое поползновеніе объяснить наше имя путемъ заимствованія отъ собственнаго имени или прозвища отдѣльнаго лица, но попытки эти, очевидно, должны были показаться автору „Повѣсти"— Русскому—настолько не правдоподобными, что онъ не рѣшился даже о нихъ въ своемъ трудѣ и упоминать. Свѣдѣнія лѣтописца нашего о происхожденіи народнаго имени являются такимъ образомъ отъ Греческихъ письменныхъ источниковъ, повидимому, совершенно независимыми *).

б) Слѣды источниковъ *письменныхъ отечественныхъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Повѣсти" также очевидны, какъ и Византійскихъ. Къ этому разряду источниковъ, изъ касающихся событій древнихъ, должны быть отнесены напр. тѣ государственные акты которые вошли въ лѣтопись дословно—договоры Олега и Игоря съ Греками. Существованіе другаго рода источниковъ, менѣе офиціальныхъ, также считается весьма вѣроятнымъ. Этими источниками должны были явиться краткія монастырскія записи о выдающихся событіяхъ монастырской,

---

*) Весьма вѣроятно, однако, что писатели Византійскія, которыми руководствовался нашъ лѣтописецъ вообще, какъ образцами, нѣкоторое косвенное вліяніе на его трудъ и имѣли даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ это вліяніе совершенно незамѣтно, а именно—въ извѣстіи о заимствованіи имени отъ пришельцевъ-Варяговъ. Мы коснемся болѣе детально этого вопроса въ заключеніи, когда будемъ разбирать тѣ мотивы, которыми руководствовался авторъ «Повѣсти» при изложеніи своихъ первоначальный историческихъ извѣстій о судьбахъ нашего народа.

а можетъ быть и мірской окрестной мѣстной жизни. Хотя до насъ и не дошло сколько нибудь осязательно-доказанныхъ слѣдовъ ихъ древнѣйшаго существованія, но, руководствуясь тѣми соображеніями, что въ Византіи онѣ были въ большомъ ходу, вошли, такъ сказать, въ обычай монастырскаго обихода, трудно предположить, чтобы обычай этотъ не проникъ и къ намъ тотчасъ-же послѣ основанія по Греческому образцу нашихъ первыхъ церквей и обителей — при посредствѣ лицъ Греческаго духовенства — нашихъ первыхъ пастырей и учителей. Разъ мы допустимъ въ силу этого логическаго предположенія наличность таковыхъ древнѣйшихъ записей—роль ихъ въ суммѣ лѣтописнаго матеріала „Повѣсти“ является довольно значительною. Руководствуясь записями древнихъ лѣтъ, документами — плодами наблюденія и труда своихъ предшественниковъ, часто, можетъ быть очевидцевъ, описываемыхъ событій, составитель „Повѣсти“, конечно, для описанія данныхъ событій не имѣлъ повода прибѣгать къ собственнымъ догадкамъ и измышленіямъ, а также могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ провѣрять тѣ устныя преданія о тѣхъ-же событіяхъ, которыя сохранились въ народной памяти.

Насколько, однако, велико было количество подобнаго рода древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ и какого они были рода — нашею историческою наукою, вопросы эти и по сіе время достаточно не выяснены. Нѣкоторые ученые, исходя изъ той мысли, что Славянская азбука, изобрѣтенная философомъ Константиномъ (Св. Кирилломъ) около 863-го года и послужившая основаніемъ начала Русской письменности, не могла сразу стать достояніемъ многихъ лицъ, полагаютъ, что письменные документы до Св. Владимира были на Руси

весьма рѣдки и имѣли вначалѣ характеръ исключительно духовно-Христіанскій въ видѣ переводовъ различныхъ текстовъ священнаго писанія и то въ большинствѣ не отечественныхъ, а перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи. Другіе-же утверждаютъ, что письменность была у насъ распространена и раньше и притомъ, что она не была достояніемъ исключительно книжниковъ Христіанскихъ, но и Руси —язычниковъ. Мнѣніе это хотя и нуждается еще въ нѣкоторомъ подтвержденіи, но тѣмъ не менѣе по своимъ доказательствамъ весьма интересно. Оно основывается на слѣдующимъ источникахъ:

а) Въ Паннонскомъ житіѣ философа Константина описывается путешествіе его въ гор. Корсунь (въ Крыму) причемъ онъ будто-бы

„обрѣте тоу евангели и псалтырь Русскы (по другимъ спискамъ—роушьскыми) письмены писаны".

б) Въ сочиненіи монаха Храбра (дошедшемъ до насъ въ рукописи первой половины XIV-го столѣтія) сказано:

„прежде убо Словѣне не имѣху книгъ, но чрьтами и рѣзами чьтѣху и гатааху".

Тоже извѣстіе почти достословно вошло и въ одну изъ нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей.

в) Нѣкоторый намекъ на эти древнія черты и рѣзы находится въ сочиненіи Араба Ибнъ-анъ-Надима (писалъ въ 987-мъ году) въ его сочиненіи „Книга росписи наукамъ", гдѣ сказано:

„Мнѣ разсказывалъ одинъ, на правдивость котораго я полагаюсь, что одинъ изъ царей горы Кабка (Кавказа) послалъ его къ царю Русовъ; онъ утверждалъ, что они имѣютъ письмена вырѣзываемыя на деревѣ. Онъ-же показалъ мнѣ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были изображенія; не знаю были они слова или отдѣльныя буквы подобно этому".

Далѣе въ текстѣ слѣдуетъ шесть группъ какихъ то знаковъ не объясненныхъ и по сіе время.

г) Можетъ быть о подобныхъ же рѣзахъ говоритъ въ своихъ запискахъ и другой Арабъ—Ибнъ-Фадланъ—оставившій намъ, какъ очевидецъ, подробное описаніе похоронъ богатаго Русскаго язычника умершаго на чужбинѣ въ гор. Булгарѣ (по мнѣнію нѣкоторыхъ въ г. Итилѣ) на Волгѣ въ 921—922-мъ году. По словамъ Ибнъ-Фадлана, Руссы послѣ сожженія трупа насыпали на мѣстѣ сожженія

„что то подобное круглому холму, вставили въ середину большое дерево (или столбъ) и написали на немъ имя умершаго человѣка и имя Русскаго царя".

Изъ этихъ четырехъ источниковъ — первый остается совершенно не выясненнымъ. Второй — извѣстіе монаха Храбра—имѣетъ, правда, подтвержденіе въ сообщеніяхъ средневѣковыхъ западно-Европейскихъ хроникеровъ утверждающихъ, что на идолахъ Славянъ Прибалтійскихъ существовали какія то древнія, непонятныя надписи—но все таки, тѣмъ не менѣе, перваго источника не выясняетъ, такъ какъ предположить, что древнимъ руническимъ письмомъ, были написаны въ Корсунѣ цѣлыя книги и притомъ—переводныя съ Греческаго, Христіанскія—положительно не возможно. Вообще по сіе время ни одного памятника Славянской или Русской древне-рунической письменности не найдено и не объяснено и вопросъ о ея бывшемъ существованіи остается совершенно открытымъ.

Слѣдующее сообщеніе Ибнъ-анъ-Надима также является источникомъ довольно смутнымъ. По отзывамъ спеціалистовъ письменные знаки приводимые авторомъ для разныхъ языковъ, а въ томъ числѣ и для Русскаго, всѣ сходны между собою, вслѣдствіи чего ихъ слѣдуетъ

считать или вымышленными, или-же до крайности искаженными, а потому они могутъ относиться, судя по времени, точно также и къ древней рунической азбукѣ, какъ и къ позднѣйшей - Кирилловской.

Такой-же характеръ неопредѣленности носитъ извѣстіе Ибнъ-Фадлана. Если допустить, что онъ сообщаетъ истину, т. е. что Руссы дѣйствительно написали на столбѣ извѣстную надпись, то спрашивается — какимъ письмомъ? Древне-руническимъ или же новымъ Кирилловскимъ? Въ пользу перваго предположенія говоритъ то, что данные Руссы были язычники, а потому врядъ-ли могли усвоить себѣ спустя лишь всего 60—70 лѣтъ послѣ ея изобрѣтенія новую азбуку спеціально предназначенную для пропаганды религіозной, проповѣдованія новой вѣры имъ язычникамъ чуждой. Но въ такомъ случаѣ надо допустить, что древне-руническая письменность была, повидимому, въ тѣ времена сравнительно распространена и что даже существовалъ обычай писать имена лицъ умершихъ и правящихъ князей на надгробныхъ столбахъ—значитъ письменные мѣстные памятники для первыхъ собирателей отечественныхъ историческихъ свѣдѣній могли служить матеріаломъ.

Къ такому-же, повидимому, выводу приводитъ насъ и другое предположеніе,—что письмена въ надписяхъ о коихъ сообщаетъ Ибнъ-Фадланъ, были уже новыя, Кирилловскія. Тогда, значитъ, извѣстная грамотность существовала не только между приверженцами новой религіи, но и между язычниками,—слѣдовательно память о событіяхъ, или по крайней мѣрѣ о правителяхъ и дѣятеляхъ древнихъ, выражавшаяся въ памятникахъ письменныхъ—сохранялась и тѣми и другими. Подтвержденіе этого второго предположенія,

мы отчасти видимъ какъ въ наличности самихъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ языческой Руси— договорахъ Олега и Игоря съ Греками (написанныхъ по мнѣнію нашихъ ученыхъ на языкѣ Славянскомъ, азбукою Кирилловскою)—такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самихъ этихъ договоровъ намекающихъ на существованіе и другихъ письменныхъ документовъ у языческой Руси. Такъ напр. мы читаемъ въ договорѣ Олега:

„Аще же створить обряженье, таковый возметь уряженое его кому будеть *писалъ* наслѣдити имѣнье“

И въ договорѣ Игоря:

„Иже посылаемы бываютъ отъ нихъ (отъ Руссовъ) послы и гостье, да приносятъ *грамоту* пишюче сице“.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключить, что грамотность существовала и между язычниками Руссами по крайней мѣрѣ съ начала X-го столѣтія, т. е. слѣдовательно, почти за цѣлый вѣкъ до офиціальнаго принятія христіанства при Владимирѣ и за два вѣка до начала труда составленія „Повѣсти“.

Ниже, при подробномъ разсмотрѣніи степени важности различныхъ первоначальныхъ источниковъ „Повѣсти“, для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса, мы еще разъ будемъ имѣть случай остановиться на значеніи древнѣйшихъ отечественныхъ документовъ письменныхъ, теперь же перейдемъ къ слѣдующимъ источникамъ „Повѣсти“.

II) Второю группою источниковъ „Повѣсти“ являются *источники устные*, которые также могутъ быть подраздѣлены на а) *иностранные* и б) *отечественные*.

а) Наличность первыхъ изъ нихъ логически весьма возможна. Это могли быть разсказы иностранцевъ прибывающихъ въ наше отечество: духовныхъ лицъ, купцовъ, дружинниковъ и т. п., отъ которыхъ лѣтописецъ

могъ почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о странахъ и людяхъ отдаленныхъ. Ясныхъ слѣдовъ, однако, въ „Повѣсти“ эти источники не оставили. Кромѣ того, эти источники до интересующаго насъ древнѣйшаго періода нашей исторіи врядъ-ли могли и касаться—иначе, конечно, мы бы неминуемо замѣтили извѣстное соотношеніе въ сообщеніяхъ при сличеніи „Повѣсти“ съ дошедшими до насъ письменными источниками иностранными—а потому распространяться объ этихъ источникахъ мы и не будемъ.

б) Гораздо для насъ важнѣе источники второй группы—*устные отечественные*, слѣдовъ которыхъ въ „Повѣсти“ разсыпано множество. Таковыми источниками являлись прежде всего разсказы бывалыхъ людей: торговцевъ и путешественниковъ—о народахъ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ, и преимущественно—стариковъ, современниковъ лѣтописца—о временахъ предшествовавшихъ. Разсказы эти доставили лѣтописцу матеріала не мало и притомъ матеріала часто весьма цѣннаго, но опять таки всѣ эти разсказы до разсматриваемаго нами древнѣйшаго періода почти не касались. Событія IX-го вѣка и начала X-го всетаки ускользали изъ воспоминаній даже самыхъ древнихъ старцевъ и въ этихъ случаяхъ, очевидно, составителю приходилось обращаться къ источникамъ уже гораздо менѣе надежнымъ, а именно къ народнымъ преданіямъ, сказаніямъ и къ тѣсно связаннымъ съ ними, произведеніямъ народной поэзіи: пѣснямъ, былинамъ и т. п. Хотя авторъ нигдѣ о подобнаго рода заимствованіяхъ въ частности и не упоминаетъ, но слѣды ихъ замѣтны въ „Повѣсти“ во многихъ мѣстахъ и, въ силу самой сути дѣла, естественно, что чѣмъ древнѣе описываемая эпоха, тѣмъ слѣды эти явственнѣе, осязательнѣе и рельефнѣе.

III) Третья группа источниковъ „Повѣсти“—*личныя наблюденія* автора имѣютъ конечно значеніе только для описанія событій происшедшихъ при его жизни, слѣдовательно, для разсматриваемаго нами вопроса представляютъ интересъ второстепенный. Они намъ важны лишь при описаніи тѣхъ предметовъ, которые во времена автора носили на себѣ слѣды болѣе или менѣе глубокой древности—и только. Къ такимъ предметамъ относится напр. описанія нравовъ и обычаевъ языческихъ сохранившихся до временъ лѣтописца лишь у нѣсколькихъ племенъ, но до принятія христіанства имѣвшихъ, конечно, распространеніе самое широкое. Эти описанія проникнутыя личными, субъективными возрѣніями автора, служителя Христіанской церкви, ненавистника всего поганаго, языческаго, хотя и являются неполными и до нѣкоторой степени извращенными, но тѣмъ не менѣе имѣютъ значеніе немаловажное. Очевидно, что авторъ, описывая нравы и обычаи древнихъ Славянъ язычниковъ, руководился не одними о нихъ преданіями, но могъ сличать ихъ съ обычаями сохранявшимися до его времени у нѣкоторыхъ племенъ въ дѣйствительности, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ имѣлъ полную возможность оставить свѣдѣнія весьма сходныя съ истиной.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ источники изъ которыхъ составитель „Повѣсти“ могъ почерпывать свои свѣдѣнія, мы логически приходимъ къ заключенію, что при описаніи эпохи касающейся интересующаго насъ вопроса—онъ могъ пользоваться только двумя ихъ видами—*отечественными* источниками *письменными* и—*устными*.

О силѣ вліянія первыхъ изъ нихъ, хотя вопросъ и представляется крайне гадательнымъ, но многія соображенія заставляютъ предположить, что роль они играли въ данномъ случаѣ весьма незначительную. Если мы представимъ себѣ, что съ древнѣйшихъ временъ существовала у насъ письменность руническая, то во всякомъ случаѣ, надо полагать, что она была достояніемъ лицъ немногихъ и что развитіе ея было крайне ничтожно. Во времена жизни лѣтописца или его ближайшихъ предшественниковъ можетъ быть и сохранялись нѣкоторые слѣды ея выражавшіеся въ надгробныхъ или иныхъ надписяхъ на предметахъ, но едва-ли можно предположить, чтобы лѣтописецъ этими источниками когда либо могъ и пользоваться.

Изъ приведеннаго разсказа Ибнъ-Фадлана мы усматриваемъ, что Руссы написали имя умершаго и князя на столбѣ или на деревѣ. Обычай надписей на надгробныхъ памятникахъ, какъ фактъ весьма обыкновенный и широко распространенный у всѣхъ народовъ древности, особыхъ сомнѣній не возбуждаетъ. Выборъ матеріала для надписи, также весьма правдоподобенъ и находитъ себѣ подтвержденіе и въ нашей лѣтописи и въ другихъ источникахъ историческихъ а также и въ общихъ соображеніяхъ основанныхъ на изученіи условій мѣстной природы. Мы имѣемъ напр. описаніе лѣтописцемъ обычаевъ современныхъ ему язычниковъ Вятичей, которые ставили послѣ сожженія труповъ умершихъ, также столбы и на нихъ сосуды съ пепломъ получившимся отъ сожженаго трупа. Кромѣ того мы знаемъ, что большинство (вѣроятно даже всѣ) изъ идоловъ языческихъ божествъ, на которыхъ можно предполагать существованія надписей, были также деревянныя. Объясняется это конечно физическими свой-

ствами самой страны обитаемой Руссами—богатой лѣсомъ и сравнительно бѣдной камнемъ, по неволѣ выработавшими въ нихъ привычку обращаться со строительнымъ матеріаломъ, именно этимъ, а не инымъ Этотъ самый легко подвергающійся порчѣ матеріалъ избиравшійся для надписей—если таковые даже и существовали—конечно, долженъ былъ оказывать вліяніе и на ихъ долговѣчность. Памятники эти должны были вообще подвергаться уничтоженію весьма быстро, а во время распространенія Христіанства, вѣроятно и—преднамѣренному истребленію. въ числѣ мѣръ употребляемыхъ первыми миссіонерами для уничтоженія слѣдовъ ненавистнаго имъ языческаго культа. Всѣ эти соображенія заставляютъ предпологать, что особенно древнихъ изъ такого рода памятниковъ до временъ лѣтописца дойти не могло.

Кромѣ того надгробныя руническія надписи являются вообще среди различныхъ видовъ искусства письма—наиболѣе примитивнымъ. Можетъ быть эти надписи были еще и символическія, доступныя пониманію не всего народа, а только извѣстнаго племени, даже рода, а въ такомъ слѣчаѣ ключъ для ихъ чтенія большинству лицъ даже грамотныхъ, умовъ пытливыхъ—могъ быть и недоступенъ. Вообще значеніе такой древней руническої письменности, если и допустить ея существованіе —для лѣтописца было, надо полагать, ничтожно, не болѣе значенія вообще памятниковъ вещественныхъ, которые при тогдашнемъ археологическомъ невѣжествѣ не только не дополняли и не разъясняли преданіе, но скорѣе его запутывали.

Почти тоже самое можно сказать и о письменныхъ источникахъ азбуки обще-Славянской, Кирилловской. Если мы допустимъ даже, что она распространилась въ Россіи, тотчасъ-же послѣ 867-го года, когда часть Руссовъ, по словамъ Фотія, приняла Христіанство, все

таки, надо полагать, въ первое время главныя усилія Греческихъ миссіонеровъ, насадителей Христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ и письменности, были направлены, вѣроятно, прежде всего на дѣло религіозной пропаганды т. е. слѣдовательно—на переводы различныхъ книгъ Священнаго писанія. Должно было пройти по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде чѣмъ грамотность стала достояніемъ кого либо изъ лицъ не духовныхъ или вообще послужила бы для цѣлей не исключительно религіозныхъ. Такимъ образомъ и эта новая письменность вначалѣ вопросовъ историческихъ, вѣроятно, не задѣвала и благіе результаты ея распространенія дали плоды годные для нашей исторіи во времена только сравнительно позднѣйшія.

Но допустивъ даже, что источники историческіе письменные могли получиться въ Кіевѣ со временъ Олега, всетаки, при описаніи эпохи касающейся интересующаго насъ вопроса они должны были играть роль второстепенную. Сообщаемый лѣтописцемъ фактъ призванія князей изъ племени Варяговъ-Руси и всѣ ближайшія его послѣдствія суть событія исторіи сѣверной—Новгородской и очевидно, что уже объ этомъ событіи письменныхъ источниковъ сохраниться не могло. Самая Кирилловская письменность вмѣстѣ съ Христіанствомъ распространялась съ юга на сѣверъ а не наоборотъ, слѣдовательно, лѣтописецъ, для описанія событій IX-го вѣка изъ исторіи Новгородской, долженъ былъ пользоваться исключительно источниками второго рода—отечественными устными.

Древнія народныя преданія о лицахъ и событіяхъ давно прошедшихъ, но сохранившихся въ народной памяти въ силу какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ, суть матерьялъ требующій научной критиче-

ской обработки самой строгой, тщательной и всесторонней. Такого рода работа является часто не подъ силу изслѣдователю выдающемуся и по уму, и по способностямъ, и по обширному научному образованію. Историческій фактъ служащій канвой для преданія— не говоря уже о пѣсняхъ, былинахъ и иныхъ формахъ народной поэзіи—часто настолько сплетается съ измышленіями народной фантазіи, настолько видоизмѣняется и преобразуется вслѣдствіи такого сплетенія, что возстановить его въ первобытной чистотѣ, не только вполнѣ, но и приблизительно, является дѣломъ почти невозможнымъ. Примѣровъ тому мы видимъ множество и при современномъ состояніи науки, а въ виду этого спрашивается: чего мы можемъ ожидать отъ трудовъ Русскаго монаха-книжника XI-го вѣка? Что онъ не записывалъ безъ разбора всякія дошедшія до него сказанія и преданія, что онъ старался по мѣрѣ силъ выбрать изъ нихъ наиболѣе, по его мнѣнію, подходящія и правдоподобныя, что онъ обработывалъ и отдѣлывалъ ихъ сообразно своему пониманію—слѣды подобнаго рода работы мы видимъ въ „Повѣсти“ ясно, но эта работа, конечно, только испортила дѣло. Не будь ее, допустимъ, что лѣтописецъ записывалъ-бы всѣ дошедшія до него извѣстія, хотя-бы и самыя нелѣпыя, дословно, можетъ быть, теперь при современномъ состояніи науки мы и смогли бы разобраться въ этомъ хаосѣ и вывести изъ него заключенія болѣе или менѣе подходящія къ истинѣ—но при настоящемъ положеніи дѣла трудъ этотъ является почти невозможнымъ. Слѣды народной фантазіи при изложеніи въ „Повѣсти“ событій первыхъ вѣковъ существованія государства видны на каждомъ шагу, но точная граница между былью и вымысломъ ясно опредѣлена быть не можетъ. Это то обстоятельство и служитъ главнымъ об-

разомъ тормазомъ для каждаго изслѣдованія о первыхъ вѣкахъ нашей исторіи.

Какъ-бы то нибыло, однако но и въ этомъ хаосѣ лѣтописныхъ извѣстій основанныхъ на древнихъ преданіяхъ, большею частью легендарныхъ —представителямъ направленія скептическаго надо было разобраться, чтобы создать какую бы то ни было новую теорію происхожденія Руси долженствующую замѣнить собою всѣ старыя основанныя на довѣріи къ первоначальнымъ извѣстіямъ лѣтописи и забракованныя скептиками какъ совершенно не правдоподобныя. Главною изъ таковыхъ теорій и наиболѣе обработанною является въ настоящее время теорія профессора Иловайскаго проводимая имъ въ многочисленныхъ его изслѣдованіяхъ а также и въ курсѣ его „Русской исторіи“ (періодъ Кіевскій). Остальные ученые представители того-же направленія работали надъ отдѣльными детальными вопросами и подготовили этой теоріи, такъ сказать, почву, а потому эта теорія является намъ вдвойнѣ интересной и какъ произведеніе ея автора и какъ выводы изъ трудовъ ученыхъ всей скептической группы въ общихъ чертахъ съ ней вполнѣ каждый въ отдѣльности согласныхъ и расходящихся лишь въ подробностяхъ сравнительно незначительныхъ. Теорія эта важна также и потому что въ настоящее время она проводится и въ популярныхъ учебникахъ того же автора принятыхъ за руководства въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, слѣдовательно, на ней жиздятся и тѣ первоначальныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, которыя заучиваются нашимъ молодымъ поколѣніемъ, проходятъ въ его сознаніе и служатъ ему основаніемъ для представленія себѣ картины нашего историческаго прошлаго. На этой теоріи мы теперь и остановимся.

X

Прежде всего главными, основными положеніями теоріи г. Иловайскаго являются слѣдующія:

1) Русью, Руссами или Россами назывался народъ обитавшій въ предѣлахъ Россіи со временъ самыхъ древнихъ, задолго до лѣтописнаго призванія князей.

Съ этимъ мнѣніемъ конечно нельзя не согласиться. Мы уже видѣли какая масса источниковъ убѣждаетъ насъ въ вѣрности этого положенія. Къ такому же выводу приводятъ насъ и общія положенія: логическія и историческія.

2) Русь было племя туземное и притомъ Славянское, а потому искать слѣдовъ его гдѣ-бы то ни было за границей—кромѣ Россіи—не слѣдуетъ.

И это положеніе также едвали оспоримо. Мы видѣли его подтвержденіе при разборѣ мнѣній представители школы анти-Германистовъ, мнѣній весьма убѣдительныхъ, основанныхъ на доводахъ весьма вѣсскихъ.

3) Все первоначальное извѣстіе лѣтописи о призваніи первыхъ князей и о заимствованіи имени есть басня, на которую не стоитъ обращать никакого внимания и даже упоминать объ ней въ исторіи. Руссы суть потомки древнихъ *Роксоланъ* или *Россоланъ*—народа извѣстнаго въ исторіи съ перваго вѣка до нашей Хри-

стіанской эры и обитавшаго въ предѣлахъ южной Россіи; самое имя ихъ звучитъ въ этомъ древнемъ племенномъ названіи совершенно ясно. Княжеской родъ ни откуда никогда не былъ призванъ, а есть туземный, Славянскій, изъ Кіева распространившій впослѣдствіи свою власть на всѣхъ Славянъ восточныхъ и объединившій ихъ въ одинъ народъ подъ именемъ Руси—Русскій—названія происшедшаго отъ имени первенствовавшаго и господствовавшаго племени, изъ котораго происходили и самыя князья.

Проводя эти мысли въ своей исторіи, автору, конечно, нужно было представить и нѣкоторыя соображенія для ихъ подкрѣпленія. Прежде всего является вопросъ слѣдующій: допустимъ, что дѣйствительно первоначальныя извѣстія лѣтописца есть басня вполнѣ неосновательная, но спрашивается: какой смыслъ былъ ему ее сочинять и именно въ такомъ видѣ, а не въ какомъ либо иномъ? По мнѣнію автора, составитель „Повѣсти“ —игуменъ Выдубецкаго монастыря Сильвестръ—былъ лицомъ стоящимъ съ Кіевскими князьями въ отношеніяхъ весьма близкихъ и пользовавшійся ихъ особымъ покровительствомъ. Ему извѣстно было какъ книжнику, хотя-бы поверхностно, громкое участіе Норманновъ въ исторіи образованія многихъ сильныхъ западныхъ государствъ, ихъ могущество на морѣ, ихъ удаль въ битвахъ. Узнавая этихъ Норманновъ въ древнихъ Варягахъ-дружинникахъ первыхъ князей Русскихъ и желая въ тоже время придать своимъ князьямъ могущественныхъ, доблестныхъ предковъ, онъ и сочинилъ всю басню о призваніи князей отъ владѣтельнаго княжескаго рода этихъ Варяговъ-Норманновъ, угождая этимъ князьямъ, да кстати и объясняя путемъ заимствованія происхожденіе непонятнаго ему народнаго имени, причемъ за исход-

ную точку начала своей исторіи взялъ изъ Византійскихъ источниковъ первое нашествіе Руссовъ на Константинополь и сообразовалъ выдуманный имъ фактъ призванія приблизительно съ той же хронологическвй датой, какъ и первое появленіе Руссовъ въ исторіи Византійской. Исходя изъ этого предположенія професс. Иловайскій проходитъ совершенно вскользъ и другой вопросъ столь интересовавшій историковъ прежнихъ— кто были лѣтописные Варяги? Онъ допускаетъ, что Варяги дружинники первыхъ князей были дѣйствительно Скандинавы и что самое ихъ имя могло быть заимствовано отъ имени тѣлохранителей Византійскихъ Императоровъ—Варанговъ. Всѣ эти вопросы въ силу главнаго предположенія являются совершенно второстепенными и дѣйствительно, если признать, что призваніе князей и заимствованіе имени—выдумки лѣтописца, то роль Варяговъ въ древнемъ образованіи нашего государства сводится совершенно на второй планъ и самое объясненіе ихъ названіе никакого первенствующаго значенія не имѣетъ.

Противъ этихъ послѣднихъ выводовъ почтеннаго профессора мы и находимъ сказать нѣсколько словъ.

Прежде всего являются довольно не правдоподобными тѣ мотивы, которыми, по мнѣнію г. Иловайскаго, долженъ былъ руководствоваться лѣтописецъ для сочиненія своей басни. Что вся „Повѣсть“ была написана не безъ вѣдома княжеской власти и что она носила даже нѣкоторый характеръ офиціальный—это дѣйствительно доказывается многими обстоятельствами и соображеніями достаточно ясно и убѣдительно, точно также какъ и близкія отношенія существовавшія между лѣтописцемъ и князьями, но тѣмъ не менѣе слѣдовъ явно лстиваго отношенія къ князьямъ, а въ особенности къ ихъ пред-

камъ, въ „Повѣсти“ положительно не замѣтно. Лѣтописецъ былъ прежде всего ревностный служитель церкви и дѣйствительно слѣды религіознаго пристрастія въ „Повѣсти“ мы замѣчаемъ, но слѣдовъ преклоненія передъ князьями въ ней почти нѣтъ, а въ особенности, не видно и тѣни желанія особенно прославлять ихъ воинскія доблести и успѣхи. Массу ихъ неудачъ на этомъ поприщѣ онъ нисколько не скрываетъ и не замалчиваетъ а повидимому, относится къ нимъ совершенно объективно. Типомъ образцоваго князя является у него прежде всего не храбрый воитель, гроза враговъ, а добрый и ревностный христіанинъ. Самый воинственный, отважный, непобѣдимый князь нашей древности—Олегъ и тотъ незаслуживаетъ со стороны лѣтописца особыхъ похвалъ; онъ даже не согласенъ съ эпитетомъ „вѣщій“ придаваемымъ ему народомъ и объясняетъ это прозвище народнымъ невѣжествомъ. Но наиболѣе разительный примѣръ безпристрастія лѣтописца въ этомъ смыслѣ мы видимъ, въ его описаніяхъ жизни Ярослава. Этотъ князь и ревностный христіанинъ, и мудрый законодатель, и строитель храмовъ, и книжникъ—любитель духовнаго просвѣщенія, и покровитель духовенства, и, наконецъ, ближайшій предокъ современныхъ лѣтописцу князей, казалось бы, долженъ былъ заслуживать сплошныхъ панегириковъ и явиться идеальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ „Повѣсти“ однако мы этого не видимъ. Военные неуспѣхи Ярослава описываются въ ней также повидимому безпристрастно какъ и другихъ князей и о двукратномъ пораженіи Ярослава-Болеславомъ Польскимъ и Мстиславомъ Тмутараканскимъ—упоминается вполнѣ ясно и опредѣленно, безъ всякихъ замалчиваній и смягченія неблагопріятныхъ красокъ. Видимо этимъ неудачамъ военнымъ лѣтописецъ не придавалъ особаго значенія и

не почиталъ ихъ для князя постыдными, хотя-бы даже онѣ и доказывали нѣкоторое отсутствіе въ немъ военныхъ талантовъ и геройскаго мужества — признакъ, что и самымъ этимъ качествамъ придавалось авторомъ значеніе второстепенное. Въ виду такого взгляда автора, достаточно рельефно выразившагося кромѣ этихъ примѣровъ и во многихъ иныхъ мѣстахъ „Повѣсти", предположеніе о желаніи придать князьямъ отважныхъ, прославленныхъ военными подвигами предковъ является весьма мало правдоподобнымъ.

Если мы допустимъ даже, что лѣтописецъ хорошо зналъ о славныхъ дѣлахъ Норманновъ въ исторіи западной Европы, то спрашивается всетаки: кѣмъ должны были являться эти Норманны въ его представленіи? Во первыхъ — они были иноземцы, люди чуждые ему по языку и по племени и во всякомъ случаѣ менѣе ему дорогія, чѣмъ родные Кіевскіе Поляне, къ которымъ видимое сочуствіе лѣтописца проскальзываетъ въ лѣтописи во многихъ мѣстахъ. Во вторыхъ—они были язычники — въ древности, или вѣры Римской, Латинской въ болѣе поздніе времена — т. е. опять таки для лѣтописца-монаха Православнаго люди не симпатичные. Неужели же можно предположить, чтобы лѣтописецъ поступился всѣми своими самыми дорогими сердцу возрѣніями и патріотическими, и даже религіозными во имя одной только идеи и то весьма отдаленной — военной славы? Если бы это было такъ, то уже, конечно, вся наша лѣтопись представляла бы изъ себя, какъ напр. у Скандинавовъ, лишь одинъ сплошной перечень всевозможныхъ геройскихъ подвиговъ и непрерывныхъ воинскихъ удачъ; на дѣлѣ-же, какъ извѣстно, характеръ „Повѣсти" совершенно иной.

Кромѣ того, предположеніе о сочиненіи явно не

основательной басни является неправдоподобнымъ и по другимъ соображеніямъ. Басней этой лѣтописецъ оказалъ-бы князьямъ услугу весьма плохую. Рядомъ съ составленной „Повѣстью“ въ народѣ, конечно, продолжали жить различныя преданія и легенды о временахъ стародавнихъ и преданія эти въ видѣ повѣствованій передаваемыхъ изъ рода въ родъ должны были при отсутствіи письменности задерживаться въ народной памяти весьма твердо и на продолжительное время. Такими же свойствами устойчивости и долговѣчности обладали и другіе памятники древности - произведенія народной поэзіи—пѣсни, былины и т. п. Если мы допустимъ, что авторъ сочинилъ басню совершенно неосновательную, то, очевидно, она, идя въ разрѣзъ со всѣми этими памятниками старины, врядъ-ли была бы долговѣчна и ужъ конечно не нашла бы себѣ списывателей и подражателей чуть ли не во всѣхъ концахъ Россіи. Какъ бы не былъ слабо развитъ критическій взглядъ у современной лѣтописцу интеллигенціи и у народа, но, очевидно, зачатки его должны были существовать и явное противорѣчіе всѣмъ преданіямъ старины врядъ-ли могло ужиться на долго, тѣмъ болѣе, что новая басня задѣвающая дорогія инстинкты патріотической и національной гордости должна была не особенно нравиться ни народу, ни даже и самимъ князьямъ. Для народа, какъ это совершенно понятно, было бы пріятнѣе вывести родъ своихъ властителей отъ князей туземныхъ, кровныхъ представителей власти, отъ предковъ славныхъ и дѣлами и древностью рода, хотя-бы отъ тѣхъ же сохранившихся въ народной памяти Кія, Щека и Хорива, чѣмъ отъ чужеземцевъ. Едва-ли даже было пріятно народу въ басни уже одно то обстоятельство, что князья его перешли къ нему изъ Новгорода. Кіевъ никогда себя ниже Новго-

рода не признавалъ, а, напротивъ, всегда своимъ главенствомъ передъ другими городами величался. Съ этой точки зрѣнія выдумка лѣтописца о приходѣ Олега изъ Новгорода и объ убійствѣ Аскольда и Дира является совершенно непонятной а для народнаго самолюбія даже обидной. Для удовлетворенія предполагаемаго самолюбія князей точно также не нужно было выдумывать басню столь сложную. Стоило лишь только храбрыхъ воиновъ, освободителей Полянъ отъ Хазарской дани—Аскольда и Дира, выведя ихъ происхожденіе отъ Норманнскаго княжескаго рода, сдѣлать родоначальниками князей, пропустивши конечно убійство ихъ Олегомъ. и—все дѣло объяснялось бы просто и для самолюбія князей столь же пріятно. Наконецъ, и самые предки властителей—Скандинавы врядъ-ли могли дѣйствительно удовлетворять самолюбію князей. Мы видимъ, напримѣръ, изъ той же „Повѣсти", что къ представителямъ этой народности проскальзываютъ со стороны князей выраженія отношеній не особенно дружелюбныхъ. Владиміръ Святой въ 980-мъ году, чтобы избавиться отъ Варяговъ, отправляетъ ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ къ Греческому Императору съ рекомендаціей не особенно лестной. Мстиславъ Тмутараканскій послѣ битвы съ Ярославомъ радуется, что въ числѣ убитыхъ много Варяговъ, и т. п. Гораздо болѣе, казалось бы, должно было удовлетворить самолюбіе князей родословная отъ Императоровъ Греческихъ или даже отъ Хазарскихъ Кагановъ, титулъ которыхъ, какъ видно изъ поученія Илларіона, придавался Кіевскимъ князьямъ до XI-го вѣка, очевидно, какъ болѣе почетный.

Итакъ предположеніе о мотивахъ вызвавшихъ со стороны лѣтописца сочиненіе завѣдомой басни, какъ мы видимъ, врядъ-ли выдерживаетъ критику. Лѣтописцу не было никакого смысла и основанія выдумывать басню

не угождающую ни его собственному религіозному чувству, ни князьямъ, ни народу, а потому остается предположить, что все его первоначальное извѣстіе не есть сплошная басня, а только лишь передача при извѣстномъ освѣщеніи дошедшихъ до него народныхъ преданій. Противорѣчитъ „Повѣсть", вѣроятно, истинѣ лишь въ подробностяхъ, а не по существу—слѣдовательно откидывать совсѣмъ ея извѣстія, какъ вымыселъ, нельзя, такъ какъ въ такомъ случаѣ у насъ получится представленіе о древнихъ судьбахъ нашего отечества весьма не полное. Варяги все таки, какъ надо полагать, какую то роль при образованіи различныхъ формъ государственнаго устройства и въ Новгородѣ, и въ Кіевѣ, и въ другихъ городахъ играли, а потому намъ весьма интересно узнать: кто именно были эти Варяги и откуда они на Руси появились? Вѣрить въ этомъ случаѣ на слово Германистамъ, – что это были Скандинавы—не слѣдуетъ. Ниже мы поговоримъ объ этомъ вопросѣ особо.

Слѣдующее предположеніе профессора Иловайскаго, что Русь или Россы являются потомками древнихъ Роксоланъ или Россоланъ и что самое ихъ имя происходитъ отъ этого этнографическаго названія народа извѣстнаго со временъ весьма древнихъ—само по себѣ чрезвычайно гадательно, такъ какъ доказывается, благодаря отсутствію точныхъ историческихъ данныхъ, довольно не убѣдительно.

Первымъ изъ писателей древности упоминаетъ о Роксоланахъ Греческій географъ Страбонъ (I-го вѣка) при перечисленіи извѣстныхъ ему народовъ обитавшихъ на территоріи Европейской Скиѳіи—нынѣшней южной

Россіи. Мѣстожительство Роксоланъ находилось, по его словамъ, между рѣками Днѣпромъ и Дономъ, на сѣверъ отъ Чернаго моря. Роксоланы были кочевники, жили въ войлочныхъ кибиткахъ на колесахъ, питались продуктами своихъ стадъ и слѣдовали за своими стадами, выбирая мѣстности съ хорошими пастбищами; оружіемъ имѣли копья, луки и мечи; носили шлемы и панцыри изъ воловьей кожи и сплетенные изъ прутьевъ щиты. Приблизительно за одинъ вѣкъ до Р. Х. имѣли враждебныя столкновенія съ войсками Митридата, царя Понтійскаго, кончившіяся для нихъ неудачно. Одинъ изъ полководцевъ Митридата — Діофантъ разбилъ войско Роксоланъ состоявшее изъ 50.000 человѣкъ подъ предводительствомъ вождя по имени Тасія. Другой Понтійскій полководецъ — Неоптолемъ въ теченіи одного года нанесъ Роксоланамъ пораженія дважды: одинъ разъ лѣтомъ въ морскомъ сраженіи происходившемъ въ водахъ Керченскаго пролива и другой разъ на томъ же мѣстѣ зимой на льду — въ сраженіи конномъ.

Далѣе о Роксоланахъ упоминаютъ другіе извѣстные писатели I-го и II-го вѣковъ — Плиній, Тацитъ и Птоломей. Мѣстожительство этого народа опредѣляется ими тамъ же, гдѣ и по Страбону. Плиній признаетъ ихъ, между прочимъ, за народъ родственный другому извѣстному народу древности — Аланамъ, занимавшимъ сосѣднюю съ Роксоланами территорію на востокъ отъ Дона и на сѣверъ отъ Кавказа. Тацитъ, причисляя Роксоланъ къ Сарматамъ — народу обобщающему въ его время своимъ именемъ всѣхъ кочевниковъ обитавшихъ въ нашихъ южныхъ степяхъ — упоминаетъ между прочимъ о нѣкоторыхъ ихъ походахъ во второй половинѣ I-го вѣка по Р. Х. на Придунайскія Римскія провинціи, причемъ,

описывая одно изъ ихъ неудачныхъ сраженій съ Гиметами, когда они явились въ Мизію въ составѣ 9.000 конницы—объясняетъ причины ихъ неуспѣха въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Стойкость ихъ въ конномъ строѣ превосходитъ всякое описаніе, но въ пѣшемъ строю они никуда негодны. Время было дождливое, лошади ихъ вязли, падали; копья и длинные мечи, которые они держали въ обѣихъ рукахъ не могли наносить вѣрныхъ ударовъ, такъ какъ лошади ихъ скользили, а тяжелые панцыри затрудняли движеніе всадниковъ. Панцыри ихъ сдѣланы изъ желѣзныхъ пластинокъ и изъ полосокъ твердой кожи; они защищаютъ отъ ударовъ, но затрудняютъ движеніе: разъ сброшенный съ лошади воинъ не можетъ встать“.

Послѣднимъ изъ авторовъ древности упоминаетъ о Роксоланахъ Готскій историкъ (VI-го вѣка) Іорнандъ при изложеніи историческихъ судебъ своего народа. Изъ его словъ можно заключить, что Роксоланы жившіе въ IV-мъ вѣкѣ въ тѣхъ же предѣлахъ отведенныхъ имъ еще Страбономъ, хотя и играли нѣкоторую роль въ столкновеніяхъ происшедшихъ въ это время между отдѣльными народностями обитавшими на югѣ Россіи вслѣдствіи давленія произведеннаго на нихъ новыми пришельцами съ востока—Гуннами, но тѣмъ не менѣе въ общемъ потокѣ этихъ народностей на западъ участія не приняли и послѣ прохода Готовъ, Гунновъ и др.—остались на своихъ старыхъ мѣстахъ.

Между прочимъ въ томъ же описаніи Іорнанда событій изъ Готской исторіи IV-го вѣка—появляются впервые въ исторіи болѣе подробныя свѣдѣнія о народѣ упоминаемомъ древнѣйшими историками только вскользъ, а именно о—Венедахъ. По словамъ Іорнанда

Венеды являются народамъ весьма многочисленнымъ, населяющимъ территорію громадную, и дѣлящимся на 3 главныя отрасли: Венедовъ, Склавовъ и Антовъ. Прежде (т. е. въ IV-мъ вѣкѣ), прибавляетъ авторъ, Венеды, подчинялись Готскому королю Ерманриху, а „теперь (т. е. въ VI-мъ вѣкѣ) за грѣхи наши всюду свирѣпствуютъ". Тѣ же самые свѣдѣнія о Венедахъ и объ ихъ трехъ главныхъ отрасляхъ, даже съ нѣкоторыми подробностями, находимъ мы и у другаго писателя VI-го вѣка—Византійца Прокопія и съ этихъ поръ извѣстія объ этомъ народѣ начинаютъ появляться во всеобщей исторіи все чаще и чаще и, наконецъ, сливаются вполнѣ съ общей исторіей всего народа Славянскаго, ясно доказывая, что подъ именемъ Венедовъ древности и ихъ трехъ группъ разумѣлись никто иныя, какъ различныя племена Славянскія. Между прочимъ одно изъ этихъ трехъ развѣтвленій Венедовъ—а именно Анты являются по отводимой имъ историками территоріи соприкасающимися съ землями древнихъ Роксоланъ и какъ разъ съ этого времени имя Роксоланъ совершенно изъ исторіи исчезаетъ, тогда какъ имя Антовъ въ перемѣшку съ именемъ Венедовъ, а въ особенности съ преобладающимъ впослѣдствіи и мало по малу переходящимъ въ обобщающее именемъ Склавовъ, Склавиновъ, Славянъ—пріобрѣтаетъ въ исторіи все болѣе и болѣе право гражданства, причемъ подъ именемъ Антовъ всегда разумѣются Славяне обитающіе на юго-западѣ Россіи.

Дальнѣйшія упоминанія о Роксоланахъ мы встрѣчаемъ только въ источникахъ IX-го вѣка, по которымъ этотъ народъ оказывается уже живущимъ гораздо сѣвернѣе, а именно гдѣ то близъ р. Вислы. Въ слѣдующихъ источникахъ средневѣковыхъ—хроникахъ Прус-

скихъ, это свѣдѣніе повидимому нѣсколько подтверждается, такъ какъ именемъ Роксоланъ тутъ называются часто сосѣди Пруссовъ—Руссы обитавшіе близъ Нѣмана. Въ обоихъ этихъ случаяхъ сквозитъ достаточно ясно путаница народныхъ именъ и столь обычное въ древнихъ и средневѣковыхъ источникахъ явленіе—перенесеніе на народъ новый—единственно въ силу созвучія—имени другаго извѣстнаго народа классической древности. Изъ разсмотрѣнія еще болѣе позднѣйшихъ источниковъ очевидно, что это легчайшее производство народнаго имени облегчающее и объясненіе самаго народнаго происхожденія пріобрѣтаетъ между западными историками все болѣе и болѣе сторонниковъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ о ходячей гипотезѣ производства Руси отъ Роксоланъ упоминаетъ между прочимъ и Герберштейнъ, а также проводятъ эту гипотезу въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи западные писатели Фаберъ, Мѣховій и др.—никакими, однако, вѣсскими историческими доказательствами ее не подкрѣпляя. Съ тѣхъ поръ эта гипотеза продолжаетъ свое существованіе и до нашихъ дней, находя, какъ мы видимъ, своихъ защитниковъ среди нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ отечественныхъ ученыхъ направленія скептическаго.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, гипотеза эта дѣйствительно, повидимому, имѣетъ извѣстную долю правдоподобія. Прежде всего весьма вѣроятно, что древніе Роксоланы были дѣйствительно народомъ Славянскимъ или по крайней мѣрѣ, если не чисто Славянскимъ, то смѣшаннымъ, но съ преобладаніемъ элемента Славянскаго. Хотя древніе писатели и причисляютъ ихъ, какъ извѣстно, къ общему типу народовъ Сарматскихъ, т. е. къ кочевникамъ, но врядъ-ли такое опредѣленіе ихъ быта вполнѣ справедливо; напротивъ, гораздо болѣе вѣ-

роятно, что они были народомъ осѣдлымъ въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) Мѣстожительство Роксоланъ въ теченіи пяти слишкомъ вѣковъ указывается исторіей во всѣ времена на одномъ и томъ же мѣстѣ. Мало того при томъ почти общемъ, массовомъ движеніи степныхъ народовъ на западъ, которое вызвано было появленіемъ Гунновъ, когда самые могущественные изъ этихъ народовъ какъ напр. Аланы, Остроготы и Визиготы - были сдвинуты со своихъ насиженныхъ мѣстъ—Роксоланы всетаки за общимъ движеніемъ не послѣдовали. Объ этомъ фактѣ можно заключить и изъ свѣдѣній доставляемыхъ Іорнандомъ а также и изъ того, что въ числѣ различныхъ народовъ входившихъ въ составъ Гуннскихъ полчищъ слѣдующаго столѣтія упоминаются названія народовъ весьма многихъ изъ тѣхъ, которые обитали прежде также на территоріи Россіи, напр. Аланы, Готы, Гепиды, Герулы, Бастарны и др.—имя-же Роксоланъ совершенно отсутствуетъ. Это видимое пристрастіе къ своей территоріи всегда является однимъ изъ характерныхъ признаковъ народа осѣдлаго, приложившаго много труда къ обработкѣ своей земли и вслѣдствіи этого развившаго въ себѣ въ теченіи времени особую привязанность къ этой землѣ гораздо болѣе замѣтную, чѣмъ у народовъ кочевыхъ. Предположеніе о полномъ, поголовномъ истребленіи Роксоланъ врагами весьма мало вѣроятно. Гораздо правдоподобнѣе допустить, что они лишь утратили въ послѣдующей исторіи придаваемое имъ чужестранцами извѣстное имя, а такъ какъ на территоріи, ими когда-то занимаемой, въ болѣе поздніе вѣка мы встрѣчаемъ племена Славянскія то есть много основаній предположить, что и сами древніе Роксоланы принадлежали по происхожденію къ народу Славянскому.

2) Предположеніе о томъ, что Роксоланы были народъ не кочевой, а осѣдлый, подкрѣпляется также свидѣтельствомъ Страбона, о морской битвѣ происшедшей въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х., между ними и полководцемъ Митридата въ водахъ Керченскаго пролива. Ни одинъ изъ кочевыхъ народовъ занимавшихъ когда бы то ни было территорію южной Россіи, какъ видно изъ исторіи, начиная съ южныхъ Скиѳовъ и кончая Монголами — никогда флота на морѣ не имѣлъ и ни въ одномъ морскомъ сраженіи не участвовалъ. На оборотъ, племена осѣдлыя, Славянскія, во всей своей исторіи являются всегда моряками весьма опытными и отважными. Такъ напр., мы знаемъ о древнемъ морскомъ могуществѣ Славянъ на Адріатическомъ морѣ, о силѣ ихъ въ водахъ моря Балтійскаго—носившаго въ самыя древнія времена, даже названіе „залива Венедскаго", т. е. Славянскаго—о древнихъ морскихъ походахъ южныхъ Славянъ на острова Греческаго Архипелага. Знаемъ также объ участіи Славянъ въ качествѣ моряковъ въ осадѣ Константинополя предпринятой въ 625-мъ году Аварскимъ Каганомъ. Рѣчныя лодочныя флотиліи Славянъ извѣстны также со временъ весьма древнихъ. Аттила пользовался постоянно этими флотиліями при переправахъ своего войска черезъ большія рѣки и такъ продолжается въ исторіи при всѣхъ случаяхъ преобладанія кочевниковъ надъ отдѣльными Славянскими племенами вплоть до владычества Монголовъ въ Россіи, когда точно также вся обязанность устройства переправы Монгольскихъ отрядовъ черезъ Русскія рѣки лежала въ видѣ особой повинности на прибрежныхъ жителяхъ Русскихъ—обстоятельство очевидно вызванное необходимостью въ виду полнаго незнакомства кочевниковъ со способами пере-

движенія на водѣ, стихіи имъ совершенно не привычной.

3) Третьимъ подтвержденіемъ мысли о древней осѣдлости Роксоланъ служитъ описаніе ихъ вооруженія въ особенности то, которое мы находимъ у Тацита. Поэтому описанію войско Роксоланъ является великолѣпнымъ въ конномъ строю, но носить вооруженіе весьма тяжелое, а это обстоятельство—признакъ весьма характерный, для опредѣленія типа народа, къ которому войско принадлежитъ. Слѣдя за исторіей народовъ древности осѣдлыхъ и кочевыхъ, мы усматриваемъ въ различныхъ способахъ веденія ими войнъ, а также въ ихъ боевомъ вооруженіи, рѣзкое различіе основанное, конечно, не на случаѣ, а на тѣхъ мотивахъ, которые тѣхъ и другихъ къ веденію войнъ побуждали. Главною задачей народа осѣдлаго, земледѣльческаго, является, конечно, прежде всего желаніе удержать за собою насиженную землю, на обработку которой онъ положилъ много труда и произведеніями которой онъ главнымъ образомъ питается. Задача кочевника, на оборотъ,—желаніе захватить новую землю, на которой онъ могъ-бы найти свѣжій, даровой кормъ для своихъ стадъ, когда на прежнемъ участкѣ весь кормъ уже выѣденъ или же, когда время года дѣлаетъ этотъ участокъ безплоднымъ или вообще неудобообитаемымъ. Отъ этихъ главныхъ задачъ вытекаютъ и два различныхъ принципа выработавшихъ два главныхъ вида борьбы: со стороны кочевниковъ преимущественно—наступательный и со стороны осѣдлыхъ земледѣльцевъ преимущественно – оборонительный *).

---

*) У Славянскихъ народовъ весьма характерное свидѣтельство о ихъ стародавней осѣдлости сохранилось въ самомъ ихъ языкѣ.

Для наступательной формы борьбы, въ особенности, для того типа кочевниковъ, который мы встрѣчаемъ въ историческихъ источникахъ касающихся народностей древней южной Россіи —кочевниковъ конныхъ— имъ важно было прежде всего, конечно, воспользоваться съ наибольшею для себя выгодою какъ природными свойствами мѣстности—гладкой степной, такъ и того домашняго животнаго, котораго они приспособили для своихъ боевыхъ цѣлей, а именно—коня—т. е. выработать въ своемъ боевомъ составѣ, какъ главное свое преимущество надъ осѣдлыми врагами—быстроту и подвижность. Еще за 5 вѣковъ до Р. Х., кочевые Скиѳы въ борьбѣ своей съ Даріемъ Гистапсомъ выказали вполнѣ ясно свою военную тактику основанную главнымъ образомъ на преимуществѣ ихъ кавалеріи—подвижной, быстрой и легко вооруженной. Кавалерія тяжело вооруженная являлась для кочевниковъ совершенно не выгодной и не нужной. Во первыхъ: тяжелое вооруженіе отягощало лошадь и дѣлало ее менѣе способной пробѣгать большія пространства т. е. лишало свойства необходимаго для частыхъ кочевокъ и передвиженій. Во-вторыхъ:— оно затрудняло движеніе всадника и отнимало у него восможность въ случаѣ неудачи быстро скрыться отъ преслѣдованія. Въ третьихъ:

Древне-Славянскій терминъ, для обозначенія битвы, сраженія, войны былъ:—*брань*. *боронь* т. е. оборона—слово происшедшее, конечно, отъ понятія первобытной системы этой обороны—*бороноться* т. е. окружать себя *боромъ*, скрываться *съ бору*, въ лѣсу. Выраженіе это, какъ мы видимъ, сохранило и по сіе время опредѣленный, понятный смыслъ и наличность его доказываетъ лучше всякихъ другихъ историческихъ памятниковъ древнюю склонность Славянъ къ жизни земледѣльческой, осѣдлой выработавшуюся, конечно, съ продолженія многихъ и многихъ вѣковъ.

оно являлось и не необходимымъ, такъ какъ тяжелое вооруженіе важно главнымъ образомъ для наибольшей устойчивости при желаніи сохранить за собою разъ занятое мѣсто, кочевники же за неимѣніемъ достаточно побудительныхъ мотивовъ заставляющихъ осособенно дорожить опредѣленнымъ участкомъ земли, легко могли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ него отказаться, такъ какъ довольствовались лишь даровыми, природными свойствами почвы, а не ея искусственной культурой.

Тяжело вооруженная кавалерія повсюду появилась уже какъ противовѣсъ первобытной кавалеріи легкой и есть плодъ измышленія преимущественно народовъ осѣдлыхъ. Проистекает это опять таки изъ самой сути положенія дѣлъ. Ознакомившись на практикѣ со свойствами лошади, какъ боеваго матеріала дающаго великое преимущество коннику передъ пѣхотинцемъ по самой силѣ удара— естественно, что осѣдлые земледѣльцы постарались сами воспользоваться этимъ преимуществомъ, но, благодаря особенностяхъ ихъ быта, лошадь пріобрѣла у нихъ какъ боевой матеріалъ значеніе нѣсколько иное. Во-первыхъ: всадникъ совершенно не нуждался у нихъ въ возможности быстро скрываться отъ врага—такъ какъ удаленіе его отъ опасности равносильно было потерѣ дорогой для народа земли. Во-вторыхъ: сравнительно не большая территорія, которою владѣли племена осѣдлыхъ земледѣльцевъ гораздо менѣе требовала отъ конницы способности быстраго пробѣганія значительныхъ пространствъ. Наконецъ, въ третьихъ: главная задача конника осѣдлаго заключалась въ томъ, чтобы противупоставить коннику кочевому свою стойкость, крѣпость и непоколебимость Вотъ эти то обстоятельства и выработали типъ конницы тяжело-вооруженной долго и

упорно державшейся въ военной исторіи всѣхъ народовъ осѣдлыхъ, особенно преобладавшей до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія въ исторіи народовъ средне-вѣковой Европы и дошедшей на западѣ до своего апогея въ формѣ броненоснаго рыцарства.

Основываясь на этихъ общихъ соображеніяхъ опирающихся на факты историческіе, мы вправѣ заключить по описанію Тацита, что тѣ 9.000 Роксоланъ, о пораженіи которыхъ онъ упоминаетъ, были конники народа осѣдлаго. Самыя частности этого описанія; напр. неспособность сшибленныхъ всадниковъ вслѣдствіи тяжести вооруженія подняться съ земли, ихъ двуручные мечи - какъ будто-бы воспроизводятъ намъ эпизоды изъ послѣдующей исторіи средне-вѣковаго рыцарства.

Хотя, конечно, всѣ приведенные нами выводы еще не вполнѣ достовѣрно доказываютъ, что Роксоланы были осѣдлые земледѣльцы и принадлежали къ племени Славянскому, но все таки это предположеніе гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ мнѣніе ученыхъ Германистовъ причисляющихъ ихъ къ степнымъ кочевникамъ Сарматскимъ. Весьма вѣроятно, что этотъ народъ былъ и не чисто Славянскій, но смѣшанный, а еще вѣроятнѣе, что онъ былъ, хотя и Славянскій, но пріобрѣтшій вслѣдствіи близкаго сосѣдства, нѣкоторые черты культуры инородной, кочевнической — какъ напр. мы видимъ и въ нашей средневѣковой исторіи въ типичныхъ особенностяхъ жизни казачьей, выработавшихся у представителей нашей родной народности вслѣдствіи многихъ причинъ историческихъ и географическихъ.

Но не смотря на вѣроятность такого предположенія о Славянскомъ происхожденіи Роксоланъ, гипотеза скептиковъ о тожествѣ ихъ съ позднѣйшими Рос-

сами является всетаки весьма мало вѣроятной. Спрашивается: куда-же дѣвались эти Роксоланы въ теченіи вѣковъ послѣдующихъ, когда Славяне и отдѣльная отрасль ихъ Анты уже не сходятъ со страницъ исторіи и упоминаются все чаще и чаще?

Скептики, для пополненія этого пробѣла между временемъ исчезновенія въ исторіи Роксоланъ и появленіемъ Россовъ, допускаютъ слѣдующее предположеніе: Роксоланы, удалившись въ IV-мъ или въ V-мъ вѣкѣ на сѣверъ, исподволь, мало по малу, распространяли свое преобладаніе надъ родственными имъ сосѣдними племенами Славянскими и, наконецъ, твердо укрѣпившись въ основанномъ ими городѣ Кіевѣ на Днѣпрѣ, слились съ этими племенами подъ однимъ общимъ именемъ народа—Руси или Россовъ — названія происшедшаго отъ ихъ сокращеннаго древняго имени, какъ племени преобладавшаго и господствовавшаго. Въ такомъ видѣ, т. е. уже въ видѣ народа объединеннаго, многочисленнаго и достаточно могучаго, и появляются они съ IX-го вѣка снова на страницахъ исторіи сосѣднихъ съ ними народовъ.

Такое, однако, предположеніе, какъ основанное лишь на догадкахъ никакими историческими фактами не подтвержденныхъ, кромѣ развѣ того, что въ IX-мъ вѣкѣ названіе Роксоланъ появляется снова для опредѣленія народа живущаго близь Вислы —возбуждаетъ много возраженій весьма существенныхъ. Первое и самое главное изъ нихъ, конечно, слѣдующее: если мы допустимъ, что Роксоланы мало по малу распространяли свою власть и господство на сосѣднія племена Славянскія и даже заставляли эти племена покидать свои собственныя имена и принимать имя чуждое - какъ сообразовать это съ тѣмъ, что намъ сообщаетъ исторія, по которой имя Роксоланъ совершенно пропадаетъ, а

имена племенъ Славянскихъ выступаютъ все болѣе и болѣе? На основаніи этихъ историческихъ извѣстій, напротивъ, можно предположить явленіе совершенно обратное: ужъ не Славяне ли подчинили себѣ этихъ Роксоланъ, заставили ихъ слиться съ собою и утерять свое древнее имя?

XI.

Кромѣ, однако, этого слишкомъ трехвѣковаго пробѣла въ исторіи—необъяснимаго при допущеніи предположенія о происхожденіи позднѣйшихъ Россовъ отъ древнихъ Роксоланъ—въ теоріи нѣкоторыхъ скептиковъ. а въ числѣ ихъ и проф. Иловайскаго, замѣтна еще одна ошибка встрѣчающаяся впрочемъ не у нихъ однихъ, а и у многихъ другихъ ученыхъ иныхъ школъ и направленій Ошибка эта заключается въ допущеніи мысли, что названіе Русь, Россы—есть имя собственное или прозвище одного какого либо господствовавшаго племени распространившееся на другія племена и объединившее эти племена въ одинъ народъ въ силу первоначальнаго своего политическаго преобладанія. И Rods'ы—Шведскіе гребцы, и Славяне Rugii—Руяне (обитатели острова Рюгена) и Россы—Россаланы—всѣ въ отдѣльности предполагаются какимъ то самостоятельнымъ сообществомъ, племенемъ или народомъ, который, подчинивъ себѣ окрестныя племена Славянскія, или получивъ надъ этими племенами политическое преобладаніе—заставилъ будто-бы ихъ мало по малу покинуть собственныя, древнія имена племенныя и усвоить себя имя чуждое—господствующихъ пришельцевъ. Вотъ это предположеніе главнымъ образомъ и является не правдоподобнымъ.

Изъ исторіи мы видимъ, что политическое преобладаніе одного народа надъ другими, доходящее до объединенія народовъ подвластныхъ подъ однимъ общимъ именемъ народа господствующаго, требуетъ всегда двухъ необходимыхъ элементовъ: сильной, централизованной власти и продолжительнаго періода времени ея проявленія. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ значеніе каждаго изъ этихъ двухъ элементовъ въ частности, конечно, можетъ нѣсколько видоизмѣняться, причемъ можно вывести слѣдующее общее правило: при ослабленіи проявленія одного изъ нихъ, для достиженія тѣхъ-же результатовъ, необходимо усиленіе проявленія другаго; такъ напр. при наличности сравнительно слабой власти, для объединенія народовъ, требуется періодъ времени ея проявленія болѣе продолжительный и наоборотъ.

Одинъ изъ рельефныхъ примѣровъ подобнаго объединенія народовъ властью одного племени имѣемъ мы въ исторіи древняго Рима. Римъ въ продолженіи тысячи слишкомъ лѣтъ, постоянно развивая свое политическое преобладаніе надъ народами окрестными, сперва материка Италіи, а затѣмъ и другихъ странъ, и все время централизуя всю власть въ своихъ рукахъ, дѣйствительно дошелъ до того, что мало по малу собственное имя Римлянъ перешло и на нѣкоторые другіе подвластные народы; но тѣмъ не менѣе, что-же мы видимъ впослѣдствіи? Палъ Римъ, какъ центръ политическій и разные народы, гордившіеся раньше именованіемъ себя Римлянами—выступаютъ подъ своими собственными названіями и имя Римлянъ, постепенно утрачивая свое значеніе, мало по малу снова переходитъ въ наименованіе лишь обитателей города—каковымъ мы его и застаемъ въ исторіи современной.

Тѣ-же элементы играютъ такую-же важную роль

и въ другихъ историческихъ примѣрахъ. Названіе Французовъ. (Франковъ) Англичанъ (Англовъ) Поляковъ (Полянъ-Ляховъ) точно также переходили съ господствовавшаго племени на подвластныя весьма постепенно и въ силу ясно опредѣленнаго и постояннаго давленія извѣстной власти выражавшейся главнымъ образомъ вначалѣ въ видѣ насильственнаго захвата территоріи племени болѣе слабаго и порабощенія его самого открытой силой—войною. Вспомнимъ какъ долго имя Франковъ было еще чисто племеннымъ, а не общенароднымъ, даже послѣ дѣятельности такого энергичнаго и могучаго объединителя, какъ Карлъ Великій. И Французы, и Англичане, и Поляки только тогда заставляли подвластныя племена терять свои древнія имена, когда окончательно овладѣвали ихъ территоріей и совершенно лишали ихъ всякой политической самостоятельности путемъ рѣзкаго насилія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда племена подчиненныя, хотя и признавали власть главнаго, но сохраняли свои земли и хотя-бы проблескъ извѣстной самостоятельности—они никогда чуждое имя на себя не принимали, а всегда сохраняли свое собственное, народное. Итакъ продолжалось обыкновенно до тѣхъ поръ, пока въ силу многовѣковой привычки, при вызванной продолжительнымъ сліяніемъ солидарности интересовъ и при постоянномъ заключеніи между-племенныхъ родственныхъ союзовъ, они окончательно съ главнымъ племенемъ не сливались въ одно цѣлое. Тогда только воспринимали они и его имя.

Совершенно иное положеніе дѣлъ мы видимъ въ древней исторіи Русской. Начнемъ хотя-бы съ того періода, который считается уже достовѣрно-историческимъ даже и скептиками—со временъ Святослава. Если мы допустимъ даже, что этотъ князь и централизовалъ из-

вѣстную власть въ своихъ рукахъ, то послѣ произведеннаго имъ раздѣла земли между тремя сыновьями—власть эта уже, очевидно, распадается и силу свою теряетъ. Далѣе, Владимиръ на время опять было укрѣпляетъ ее въ своихъ рукахъ, но затѣмъ, при его сыновьяхъ, она снова раздробляется на мелкія части и на этотъ разъ вплоть до самаго возникновенія царства Московскаго, т. е. на нѣсколько столѣтій. Понятно, что подобнаго рода положеніе дѣлъ, когда отдѣльныя части народа постоянно враждуютъ между собою и ослабляютъ другъ друга въ безпрерывныхъ междуусобицахъ, не только не могло способствовать единенію всего народа въ одно цѣлое, но, напротивъ, должно было способствовать обособленности каждой отдѣльной части—что мы дѣйствительно въ исторіи и видимъ: преслѣдованіе собственныхъ интересовъ отдѣльными князьями доводитъ ихъ до полнаго забвенія интересовъ всего народа; случается, что князья въ борьбѣ со своими единоплеменниками и даже родственниками не гнушаются прибѣгать къ помощи общихъ враговъ народа—кочевниковъ южныхъ—Половцевъ и позднѣе даже—Татаръ. Очевидно, что въ этотъ періодъ, начиная съ княженія Святослава, въ виду слабаго проявленія обоихъ элементовъ: и самой власти, и малопродолжительности ея при единодержавныхъ Святославѣ и Владимирѣ—объединеніе всего народа съ предполагаемымъ племенемъ господствующимъ, доходящее до высшаго своего предѣла—воспринятія чуждаго имени—произойти не могло.

Мы могли-бы, конечно, допустить, что раньше, до Святослава, при его предшественникахъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ, власть господствующаго племени была настолько сильна, что уже твердо установила такое

единеніе, на которое не могли повліять послѣдующія распри, но и это предположеніе, по ближайшему разсмотрѣнію, критики не выдерживаетъ. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, подчиненіе отдѣльныхъ племенъ Славянскихъ первымъ князьямъ Кіевскимъ было весьма слабое и власть этихъ князей выражалась главнымъ образомъ лишь въ правѣ взиманія дани. Большинство изъ этихъ племенъ, какъ напр. Древляне, имѣли даже самостоятельныхъ князей и признавали ихъ по достоинству не ниже князей Кіевскихъ, Русскихъ *). Мы вправѣ, конечно, сомнѣваться въ подробностяхъ передаваемыхъ лѣтописцемъ отдѣльныхъ событій, но, въ общемъ, его сообщенія о положеніи у насъ дѣлъ въ X-мъ и даже въ IX-мъ вѣкѣ, врядъ-ли могутъ возбуждать недовѣріе, такъ какъ они основывались, очевидно, на народныхъ преданіяхъ—а въ данномъ случаѣ, для опредѣленія степени подчиненности одного племени другому, народное преданіе, даже если признать въ немъ присутствіе нѣкоторыхъ слѣдовъ народной фантазіи —всетаки является матеріаломъ весьма надежнымъ, какъ мѣрило народнаго самосознанія достаточно вѣрное.

Кромѣ того, если мы допустимъ наличность такого твердаго древняго единенія до Святослава, то казалось-бы, что имя господствовавшихъ Руссовъ должно было-бы замѣнить отдѣльныя племенныя названія со

*) Это видно напр. изъ предложенія сдѣланнаго Древлянами Ольгѣ, вдовѣ убитаго Игоря, выйти замужъ за ихъ князя Мала. Какъ можно судить по лѣтописи предложеніе это было сдѣлано вполнѣ чистосердечно, безо всякой задней мысли и, очевидно, было основано на сознаніи Древлянъ, что они не оскорбятъ этимъ Ольгу, такъ какъ предлагаютъ ей выйти за ровню. т. е. за человѣка по достоинству своему не ниже ея покойнаго мужа.

временъ самыхъ древнихъ, а между тѣмъ они продолжаютъ существовать и жить въ народномъ сознаніи вплоть до XII-го, включительно, вѣка и это подтверждается уже источниками неоспоримыми и отечественными, и иностранными. Такимъ образомъ выходитъ, что до Святослава власть господствующаго племени еще никого не объединяла или объединяла весьма слабо, послѣ-же Святослава и Владимира — и объединять не могла, такъ какъ неудачная политика позднѣйшихъ князей, напротивъ, способствовала полному разъединенію. Невольно рождается вопросъ: отчего-же всетаки имя Руссовъ восторжествовало и заставило въ концѣ концовъ имена племенныя изгладиться изъ народной памяти и пропасть безслѣдно? Ясно, что въ данномъ случаѣ тутъ кроется какое-то недоразумѣніе.

Далѣе, мы можемъ допустить и еще одно предположеніе: быть можетъ главной причиной единенія былъ общій родъ князей происходившихъ отъ древняго господствовавшаго племени Россовъ, въ силу чего и вся земля, гдѣ этотъ родъ господствовалъ, могла называться землею Россовъ, Русью и самые обитатели ея, какъ подданные этихъ князей, могли заимствовать мало по малу ихъ имя. И это, однако, предположеніе также вѣроятія представляетъ весьма мало. Между подданными князей Русскихъ были не только Славяне, но и много инородцевъ, напр. разныя племена Финновъ, Литвы, южные Ясы, Косоги и др., причемъ нѣкоторыя изъ нихъ подпали подъ власть Русскихъ князей во времена весьма древнія—и однако, ни одно изъ этихъ инородческихъ племенъ, какъ видно опять таки изъ достовѣрныхъ источниковъ, имени Руссовъ себѣ не присвоило, а восприняли это имя лишь племена Славянскія. Затѣмъ, въ послѣдующей исторіи

мы видимъ много Славянскихъ, Русскихъ племенъ признававшихъ надъ собою власть князей инородныхъ—Литовскихъ и всетаки эти племена продолжали себя называть не Литовцами (по князьямъ) и даже не просто Славянами (по племени) а именно Русскими. Опять таки видимое противорѣчіе.

Наконецъ, приведемъ и еще нѣсколько примѣровъ изъ нашей исторіи также весьма характерныхъ. Мы видѣли уже, что имя Римлянъ стало забываться тотчасъ послѣ паденія центра власти—Рима, имя же Руссовъ вопреки всѣмъ политическимъ невзгодамъ оказалось весьма живучимъ. Нѣкоторыя части народа Русскаго были отторгнуты отъ своего цѣлаго во времена столь древнія, что о нихъ не упоминается даже и въ исторіи, напр. Руссины Карпатскіе; нѣкоторыя—тотчасъ послѣ нашествія Монголовъ, т. е. въ XIII-мъ вѣкѣ. Многія изъ нихъ подпали подъ власть иноземцевъ, напр. Литвы, Польши. Иныя и во все время своей исторіи и по настоящій день уже со своимъ цѣлымъ не соединялись, какъ напр. Галиція (Червенная Русь—кстати сказать, и отторгнутая отъ Ляховъ только при Владимирѣ), а между тѣмъ никогда ни одно изъ этихъ племенъ своего имени Руссовъ, Руссиновъ, Русскихъ не покидало, оставалось ему вѣрнымъ и остается таковымъ и по сіе время, не рѣдко выдерживая за это массу обидъ и притѣсненій. Спрашивается: неужели эту приверженность къ имени можно объяснить лишь сравнительно кратковременнымъ единеніемъ въ эпоху Кіевскаго періода нашей исторіи—и еще при отсутствіи въ тѣ времена твердой централизованной власти? Будь это такъ, мы навѣрно нашли-бы въ исторіи нашего народа слѣды какого либо особаго пристрастія къ сохраненію именъ преимущественно происхожденія политическаго—

на дѣлѣ же мы видимъ въ исторіи явленіе совершенно обратное, Возьмемъ для примѣра періодъ Московскій, когда, при постепенно возрастающей въ теченіи 3-хъ слишкомъ вѣковъ силѣ политическаго центра—Москвы, при послѣдовательной объединяющей политикѣ могущественныхъ Московскихъ царей, и сами эти цари называли себя въ титулѣ царями Московскими, и иностранцы, и даже западные единоплеменники называли насъ Московитами, Москалями—народъ нашъ всетаки никогда на себя кличку Москвитянъ или Москвичей не воспринялъ, а продолжалъ признавать себя народомъ Русскимъ.

Много такихъ противорѣчій можно было-бы привести и еще, но и этихъ достаточно, чтобы вывести заключеніе, что предположеніе о воспринятіи нашимъ народомъ своего имени отъ названія племени господствовавшаго безусловно неправдоподобно, такъ какъ ни одного изъ этихъ противорѣчій достаточно не выясняетъ. Въ силу этого соображенія мы невольно останавливаемся на мысли, что древнѣйшій, главный стимулъ единенія отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ жившихъ на территоріи нашего отечества, а также и происхожденіе народнаго названія слѣдуетъ искать не на почвѣ предполагаемаго политическаго преобладанія отдѣльнаго племени, а на какой либо иной. Остается лишь найти: - на какой именно?

При попыткѣ отысканія этой иной почвы мы останавливаемся прежде всего на фактахъ той-же нашей отечественной исторіи и въ нихъ замѣчаемъ слѣдующее характерное явленіе: всюду гдѣ Русскіе сохра-

няли свое древнее народное имя, они сохраняли также и единство своей *религіи* и эта то религія и служила главною поддержкою для сохраненія ихъ народности. Особенно это рельефно замѣтно въ исторіи провинцій Русскихъ подчиненныхъ нѣкогда Польшѣ. Стоило лишь отдѣльному лицу изъ Русскихъ подданныхъ Польши перемѣнить вѣру Православную на католическую и—его самаго и его потомковъ католиковъ—народъ за Русскихъ не считалъ; ихъ древнее происхожденіе мало по малу забывалось и они становились въ глазахъ народа—Поляками. Подобныхъ примѣровъ въ исторіи мы находимъ довольно много, въ особенности среди лицъ сословій высшихъ, бывшихъ, по происхожденію Русскихъ, но съ теченіемъ времени, благодаря перемѣны вѣры, потерявшихъ всякую связь со своимъ народомъ и вполнѣ ополячившихся. Хотя такое отношеніе народа къ ренегатамъ и ихъ потомкамъ появлялось не въ видѣ какой либо кары или даже открытаго порицанія, а скорѣе какъ-бы безсознательно, но тѣмъ не менѣе оно весьма наглядно доказываетъ, что въ сознаніи Русскаго народа, одною изъ главнѣйшихъ причинъ служащихъ побужденіемъ для единенія людей между собою признается принципъ религіозный. Вообще и по сіе время мы замѣчаемъ, что *Русскимъ* человѣкомъ народъ нашъ признаетъ только Православнаго. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, чтобы всѣ вообще Православные признавались имъ за Русскихъ: онъ знаетъ и другіе Православные народы, напр. Грековъ, Болгаръ, Грузинъ, но уже разъ человѣкъ называется *Русскимъ*—онъ долженъ быть Православнымъ, иначе народъ его за вполнѣ *Русскаго* не признаетъ. Самый религіозный эпитетъ „Православный“ замѣняется у насъ въ народной жизни во многихъ случаяхъ даже народное имя или служитъ ему необхо-

димымъ дополненіемъ. „Я Православный“ отвѣтитъ въ большинствѣ случаевъ нашъ простолюдинъ на обыкновенный вопросъ встрѣчнаго, не знакомаго человѣка— „кто ты такой?“ опредѣляя, конечно, въ этомъ отвѣтѣ степень важности придаваемой имъ именно этой особенности, а не какой либо иной. „Православные!“ обращается Русскій человѣкъ къ своимъ соплеменникамъ, очевидно признавая главною причиною своею съ ними и ихъ взаимнаго между собою единенія именно это сродство на почвѣ религіозной, даже когда предметъ его рѣчи никакого отношенія до религіи не имѣетъ. „Православный царь“, „Православный народъ“, „Православная Русь“ (или Русская земля)—суть необходимые эпитеты объединяющіе и власть, и народъ, и территорію.

Такого рода представленіе о главной связи между людьми появилось, конечно, въ народѣ не случайно и невольно наводитъ на мысль, что взглядъ этотъ выработался въ силу древнѣйшихъ условій историческихъ. Наблюдая за его проявленіями и въ современной жизни, и въ исторіи—мы видимъ, что онъ присущъ всему нашему народу, распространенъ повсемѣстно и держится въ народномъ сознаніи твердо и устойчиво, а для таковаго его положенія необходимо допустить, что вырабатывался онъ въ теченіи времени весьма продолжительнаго и что начало его восходитъ ко временамъ до историческимъ. Отсюда мы приходимъ къ заключенію, что и древнѣйшій стимулъ единенія между нѣкоторыми отдѣльными племенами Славянскими могъ быть именно основанъ *на почвѣ религіозной* а слѣдовательно и самое происхожденіе названія Руси, Россовъ можетъ быть разъяснено именно на этой почвѣ.

Но, конечно, таковой нашъ выводъ нуждается въ

подтвержденіяхъ еще болѣе осязательныхъ. Постараемся дать таковыя подтвержденія въ нѣкоторыхъ, основанныхъ на толкованіи различныхъ историческихъ фактовъ и источниковъ—разсужденіяхъ, которыя могутъ послужить доказательствами, что наше предположеніе весьма и весьма праздоподобно. Начнемъ съ разсужденія перваго.

XII

Разсужденіе I-ое.

Въ древнѣйшемъ спискѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“—Лаврентьевскомъ есть такое мѣсто:

„Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане зане сѣдоша по Бугу, послѣ-же Велыняне. А се суть иніи языци иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь“.

Въ этомъ извѣсіи, какъ мы видимъ, авторъ вначалѣ перечисляетъ нѣкоторыя отдѣльныя племена народа (языка) Славянскаго, затѣмъ Финскаго (Чудь) и наконецъ Литовскаго, причемъ за входящихъ въ составъ Руси признаетъ только Славянскія (токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси)—всѣ-же остальныя къ Руси не относитъ, ибо они только „дань дають Руси“. Прямой выводъ отсюда,—что во времена жизни составителя „Повѣсти“ или того первоначальнаго собирателя свѣдѣній о народѣ, отъ котораго лѣтописецъ это извѣстіе заимствовалъ – названіе Руси усвоили себѣ только извѣстныя племена Славянскія, а не Финскія и не Литовскія. Иначе понять это мѣсто нельзя. Если мы допустимъ напр. что Меря и Весь, участвовавшія по сло-

вамъ той-же „Повѣсти“ въ призваніи князей, также усвоили себѣ имя Руси, что казалось бы они и должны были сдѣлать — то тогда, очевидно, цитируемое нами мѣсто являлось бы совершенною безсмыслицею, такъ какъ племена эти конечно, также очутились-бы „въ Руси“ а не въ числѣ „платящихъ дань Руси“. Вотъ уже первое обстоятельство вытекающее изъ логическаго толкованія этого лѣтописнаго извѣстія, которое сильно подрываетъ довѣріе къ допускаемому предположенію о перенесеніи имени чужеземнаго (а по теоріи Германистовъ и иноплеменнаго) съ пришельцевъ на племена туземныя. Спрашивается: отчего-же имя призванныхъ Руссовъ распространилось только на Славянъ, а не на Финновъ тѣмъ болѣе, что два племени изъ нихъ также этихъ Руссовъ призывали или этимъ Руссамъ подчинялись?

Разсматривая это извѣстіе далѣе, мы видимъ кромѣ того, что повидимому это имя распространялось и на Славянъ восточныхъ далеко не на всѣхъ. Въ числѣ племенъ перечисленныхъ въ этомъ извѣстіи лѣтописцемъ пропущены очень многія и притомъ такія, которыя по его-же словамъ весьма рано подпали подъ власть призванныхъ князей и даже одно изъ нихъ—Кривичи, само участвовало въ призваніи князей. Противорѣчіе это невольно наводитъ на размышленія. Допустить, что Славянскіе племена перечислены здѣсь для примѣра — трудно, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ концѣ перечисленія должно было-бы стоять что нибудь вродѣ „и пр.“ „и другіе“—чего мы ни въ данномъ спискѣ „Повѣсти“, ни въ другихъ не усматриваемъ. Остается предположить, что пропускъ былъ допущенъ преднамѣренный.

Разсмотримъ, какія-же именно племена пропущены. Таковыми являются: Кривичи, Вятичи, Радимичи, Хор-

ваты, Дулѣбы, Улучи и Тиверцы. О причинахъ пропуска четырехъ послѣднихъ мы еще можемъ допустить объясненіе довольно правдоподобное. Во время жизни автора извѣстія эти племена, вѣроятно, уже успѣли потерять свою древнюю связь съ Русью, будучи отчасти оттѣснены, отчасти истреблены или покорены инородными кочевниками—Уграми, Печенѣгами, Половцами и т. п. Но отчего же пропущены первыя три племени? Отвѣтъ единственный, логичный и вытекающій изъ правильнаго толкованія извѣстія получается слѣдующій:—оттого, что они въ составъ Руси не входили, Руссами себя не называли и за Русь ни кѣмъ не почитались. Названіе Русь такимъ образомъ, какъ можно заключить изъ этого мѣста „Повѣсти", во времена жизни составителя объединяло племена *исключительно* происхожденія *Славянскаго*, но притомъ не всѣ, а только *нѣкоторыя*.

Спрашивается; отчего же это имя не распространилось именно на Кривичей, Радимичей и Вятичей? Отвѣтъ по нашему мнѣнію лежитъ въ правильномъ истолкованіи происхожденія этихъ племенныхъ прозвищъ. Къ попыткѣ таковаго истолкованія мы и перейдемъ.

Прежде всего разсмотримъ названіе *Кривичей*.

О происхожденіи этого племеннаго имени въ нашей исторической литературѣ существуетъ нѣсколько мнѣній. Прежде всего это названіе обратило на себя вниманіе историковъ близкимъ сходствомъ съ названіемъ сана верховнаго языческаго жреца племенъ Литовскихъ—Криве-Кривейте существовавшаго въ предѣлахъ земель Литовскихъ съ самаго перваго появленія этого народа на страницахъ историческихъ хроникъ. На созвучіе этихъ двухъ названій обратилъ вниманіе еще въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ изъ первыхъ ученыхъ занимавшихся разработкой нашей исторіи - академикъ Миллеръ и

тогда же высказалъ предположеніе о происхожденіи племеннаго названія Кривичей отъ сана этого языческаго первосвященника, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ источникахъ находятся указанія на возможность существованія тѣсныхъ международныхъ сношеній между Кривичами и Литовцами со временъ стародавнихъ. Извѣстный Шлецеръ отвергъ, однако, это мнѣніе и объявилъ, что созвучіе именъ въ данномъ случаѣ надо признать за чистую случайность. Какъ не великъ былъ авторитетъ Шлецера—Карамзинъ рѣшился, однако, съ нимъ не согласиться и занесъ мнѣніе о заимствованіи племеннаго названія отъ сана жреца—на страницы своей исторіи. Онъ пишетъ: „Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и Самогитію, для поклоненія кумирамъ, слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ Латышами, ежели не всѣ, то хотя нѣкоторые изъ Славянскихъ племенъ, вѣроятно Кривичи, ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ *кажется*, что они признавали Латышскаго первосвященника Криве—главою вѣры своей“.

Еще раньше Карамзина—Татищевъ производилъ названіе Кривичей отъ какого-то Сарматскаго слова „креве“ означающаго будто-бы „верховье рѣки“. Послѣдующіе изслѣдователи также представили нѣсколько догадокъ происхожденія этого имени. Такъ напр. Надеждинъ, основываясь на томъ, что Греки называли сѣверныхъ жителей Гиперборeями (сѣверянами), Нѣмцы въ средніе вѣка—Норманнами (также сѣверянами) полагалъ, что названіе „Кривичи“ имѣло у Славянъ тоже значеніе, такъ какъ по сіе время у Балканскихъ Славянъ, у Румыновъ и у Мадьяръ—„Криваномъ“ называется сѣверный или вѣрнѣе сѣверо-восточный вѣтеръ. Микуцкій, а за нимъ и Соловьевъ ищутъ

корня этого названія въ Литовскомъ словѣ Kirba, что значитъ въ переводѣ—топь, трясина, болото, вслѣдствіи чего названіе „Кривичи“ – означаетъ „обитатели болотъ“. Наконецъ, историки Кеппенъ и Лелевель производятъ это имя отъ древняго Ѳракійскаго народа Кробизовъ или Кровызовъ и считаютъ Кривичей ихъ потомками.

Послѣднее мнѣніе, какъ мы видимъ, признавая названіе племени древнимъ, этнографическимъ, совсѣмъ его не объясняетъ, всѣ-же другія, кромѣ перваго, врядъ-ли выдерживаютъ критику. Мнѣніе Татищева давно уже утратило всякое значеніе, какъ основанное на какомъ-то никому не извѣстномъ Сарматскомъ языкѣ, самое существованіе котораго считается нынѣ вполнѣ опровергнутымъ, такъ какъ подъ общимъ древнимъ именемъ Сарматъ скрывалась не одна, а много народностей говорящихъ различными языками. Мнѣніе Надеждина основанное на предполагаемомъ значеніи Славянскаго корня *крив* въ смыслѣ сѣвера, также требуетъ доказательствъ болѣе вѣсскихъ. Новгородскіе Славяне жили еще сѣвернѣе Кривичей—а вмѣстѣ съ тѣмъ съ ними по имени никогда не смѣшивались. Происхожденіе названія вѣтра – Криванъ—можетъ быть надо искать не въ сѣверномъ его направленіи, а именно въ томъ, что онъ нѣсколько отклоняется отъ этого направленія—*кривитъ*, дуетъ не прямо съ сѣвера, а съ сѣверо-востока. Болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія мнѣніе Микуцкаго и Соловьева, но и оно не можетъ почесться безупречнымъ. Слово Kirba—Литовское и означаетъ въ переводѣ —топь, трясину. Въ западной Россіи для опредѣленія того-же понятія существуетъ другое мѣстное слово — *дрегва, дрягва*. Отъ этого послѣдняго слова получило, какъ основательно думаютъ многіе, свое названіе другое Славянское племя—Дреговичи. Спрашивается: отчего

же одно Славянское племя произвело свое названіе отъ слова Литовскаго, тогда какъ другое, сосѣднее, для обозначенія того-же понятія обошлось выраженіемъ мѣстнымъ, Славянскимъ? Уже и это одно обстоятельство само по себѣ весьма трудно объяснимо, но затѣмъ замѣтимъ еще и слѣдующее. Если Славяне—Кривичи заимствовали свое имя и стали подъ этимъ именемъ извѣстны сосѣдямъ—отъ Литовскаго слова Kirba—то весьма естественно предположить, что впервые это названіе должно было сложиться у Литовцевъ – на языкѣ которыхъ оно и имѣло извѣстный,опредѣленный смыслъ – а затѣмъ уже перейти къ племенамъ Славянскимъ съ передѣлкой въ произношеніи—„Кривичи“ вмѣсто „Кирбичи“. Но тогда, конечно, у Литовцевъ должно было-бы сохраниться въ имени сосѣдей этотъ неиспорченный корень „Kirba“—а этого то мы и не видимъ. У Литовцевъ отъ имени ихъ сосѣдей Кривичей—вся земля Русская называлась Krewen-Zemla, а не Kirben Zemla—какъ слѣдовало-бы ожидать, если предположить, что корнемъ названія послужило ихъ родное слово съ опредѣленнымъ и подходящимъ значеніемъ.

Итакъ, изъ разсмотренныхъ нами мнѣній—предположеніе Карамзина основанное на догадкѣ Миллера остается всетаки самымъ правдоподобнымъ. Правда, знаменитый историкъ высказываетъ его крайне осторожно, оговариваясь словомъ „кажется“, но послѣдующія изслѣдованія достаточно его подтверждаютъ.

Кромѣ приведеннаго Карамзинымъ свидѣтельства документальнаго--Адама Бременскаго (писателя второй половины XI-го вѣка) существуетъ и еще одно подобное, а именно: въ древней компиляціи церковной исторіи (которою пользовался Норбутъ для своей „Литовской миѳологіи“) находится слѣдующее мѣсто:

„Послѣ того процвѣтало язычество только въ княжествѣ Самогитскомъ, даже до послѣдняго времени обращенія т. е. до 1414 го года Іюля 28-го дня когда умеръ въ деревнѣ Онкаимъ послѣдній Криве-Кривейте по имени Гинтовтъ LXXIV первосвященникъ; съ нимъ палъ санъ, нѣкогда очень важный въ дѣлахъ священныхъ и судебныхъ по всей землѣ Литовской, Прусіи, Литвѣ, Самогитіи, Куроніи, Семгалліи, Ливоніи, Летгалліи и даже въ землѣ *Кривскихъ* Руссовъ: здѣсь началъ этотъ санъ упадать постепенно въ исходѣ XI-го вѣка".

Сверхъ этихъ доказательствъ приведемъ и еще два также для выясненія вопроса имѣющихъ значеніе не маловажное:

1) Подъ годомъ 6600-мъ (1092) въ нашей „Повѣсти временныхъ лѣтъ" записано извѣстіе о какихъ то привиденіяхъ или мертвецахъ скачущихъ по улицамъ Полоцка на коняхъ и поражающихъ жителей этого города смертью. Далѣе лѣтописецъ прибавляетъ: „тѣмъ и человѣци глаголаху: яко *навье* бьютъ Полочаны". Слово *навье*, вѣроятно заимствованное лѣтописцемъ изъ нарѣчія мѣстнаго, объясняется корнемъ происхожденія Литовскаго. Nahwe по Литовски значитъ *смерть*. Какъ заимствованіе самаго слова, такъ и самое суевѣрное извѣстіе служитъ также серьезнымъ доказательствомъ о близкомъ сходствѣ религіозныхъ языческихъ культовъ Полочанъ (родственныхъ Кривичамъ) съ Литовцами.

2) Въ Бѣлоруссіи – землѣ бывшихъ Кривичей— похороны и по сіе время называются *хаутурами*. У Литовцевъ „chauturas" назывался религіозный обрядъ поминовенія родныхъ и предковъ справлявшійся въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Обстоятельство опять таки наводящее на мысль о бывшемъ сродствѣ древнихъ религіозныхъ культовъ.

Кромѣ того, если мы подробно разсмотримъ тѣ первоначальныя извѣстія о Кривичахъ, которыя сообщаетъ намъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, то убѣдимся, что въ извѣстіяхъ этихъ существуетъ какая-то путаница. Выяснить ее достаточно ясно, по нашему мнѣнію, можно лишь при томъ предположеніи, что названіе „Кривичи“ было никакъ не племенное, а придавалось извѣстнымъ людямъ хотя и соединеннымъ опредѣленной связью, но связью не племенной, а основанной на какомъ либо иномъ принципѣ.

Въ первоначальномъ извѣстіи „Повѣсти“ о переселеніи Славянскихъ племенъ съ Дуная и о разселеніи ихъ по территоріи Россіи лѣтописецъ говоритъ:

„Тако-же и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася *Поляне*, а друзіи *Древляне*, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася *Дреговичи*; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарѣкошася *Полочане* рѣчьки ради яже втечеть въ Двину имянемъ Полота отъ сея прозвашася Полочане. *Словѣни*-же сѣдоша около езера Илмеря прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ и нарекошася *Сѣверъ*“.

Въ этомъ извѣстіи, какъ мы видимъ, о Кривичахъ не упоминается ни слова. Обратимъ также вниманіе, что Полочане являются повидимому племенемъ совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, какъ и всѣ другія.

Далѣе лѣтописецъ говоритъ о княженіяхъ у различныхъ племенъ:

„И по сихъ братьи (Кій, Щекъ и Хоривъ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣ-

городѣ а другое на Полотѣ, иже *Полочане* отъ нихъже. *Кривичи* же сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи" *).

Тутъ впервые упоминаются Кривичи—неизвѣстно откуда появившіеся. Полочане признаются за единоплеменныхъ со Славянами Новгородскими.

Далѣе, тотчасъ послѣ разсказа о призваніи князей изъ Варягъ лѣтописецъ говоритъ:

„И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, *Полотьски Кривичи*, въ Ростовѣ Меря" и т. д.

Тутъ уже оказывается, что первоначальные жители Полопка были Кривичи.

Всѣ эти противорѣчивыя извѣстія объясняются достаточно ясно при предположеніи, что лѣтописецъ пользовался для нихъ нѣсколькими народными преданіями совершенно другъ отъ друга самостоятельными. Первое преданіе сохранило память о племенахъ переселившихся въ древности съ Дуная; среди этихъ племенъ названія Кривичей нѣтъ: оно пропускается и лѣтописцемъ. Объяснить пропускъ иначе—ошибкой или недосмотромъ, врядъ ли будетъ правдоподобно: небрежность

---

*) Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ спискахъ «Повѣсти» мѣсто это читается нѣсколько иначе: «... а *Словене* въ Новѣгородѣ свое, а другое на Полотѣ еже есть *Полочане*: отнихже *Кривичи*, иже седятъ вверхъ по Волзе ...» и т. д. Въ этой редакціи получившейся, вѣроятно, вслѣдствіи ошибки кого нибудь изъ позднѣйшихъ переписчиковъ лѣтописи, Кривичи являются происшедшими отъ Полочанъ или же отъ Славянъ Новгородскихъ. Если даже допустить это происхожденіе, то всетаки общая путаница лѣтописныхъ извѣстій совершенно, какъ мы видимъ, не выясняется.

была бы черезчуръ груба и совершенно не соотвѣтствовала бы задачамъ добросовѣстнаго лѣтописца предпринявшаго трудъ столь не легкій, а при офиціальномъ его характерѣ - и отвѣтственный.

Далѣе, названіе Кривичей попадается лѣтописцу въ другихъ преданіяхъ менѣе древнихъ, причемъ выясняются и границы ихъ бывшей территоріи и онъ добросовѣстно помѣщаетъ ихъ во второмъ своемъ извѣстіи среди другихъ племенъ, умалчивая лишь объ ихъ происхожденіи и о значеніи ихъ имени. Какія причины побудили его скрывать и то и другое—незнаніе, или-же сознательное нежеланіе распространяться объ этихъ предметахъ—вопросъ гадательный. Въ тѣхъ-же преданіяхъ выясняется племенная связь между Славянами-Новгородцами и Полочанами и лѣтописецъ упоминаетъ и объ этомъ. Наконецъ, въ преданіяхъ еще болѣе позднѣйшихъ, о временахъ послѣдующихъ, выясняется, что и Полоцкъ, во время жизни лѣтописца уже входившій въ составъ „Руси", принадлежалъ нѣкогда Кривичамъ, и вотъ получается извѣстіе третье, сообщающее и объ этомъ обстоятельствѣ, повидимому идущемъ въ разрѣзъ съ предъидущими, но тѣмъ не менѣе, вѣроятно, истинномъ, а не вымышленномъ лѣтописцемъ, такъ какъ всякій вымыселъ навѣрно носилъ-бы слѣды отдѣлки болѣе тщательной и характеръ описанія болѣе правдоподобный

Если мы допустимъ, что наше предположеніе вѣрно, т. е., что „Кривичи" было названіе обязанное своимъ происхожденіемъ языческому культу и что подъ этимъ названіемъ разумѣлись люди объединенные ни чѣмъ инымъ, какъ именно этимъ культомъ, то всѣ противорѣчія въ „Повѣсти" выясняются достаточно ясно. Пришедшіе съ Дуная Славяне, послѣ основанія Новгорода и Полоцка, распространяясь на западъ, во-

шли въ соприкосновеніе съ сосѣднею Литвою и тутъ западныя ихъ отрасли заимствовали отъ этого народа нѣкоторыя черты религіознаго культа, вѣроятно, внеся въ этотъ культъ извѣстную долю и своихъ древне-Славянскихъ языческихъ обрядовъ и вѣрованій. Подчиненность общему первосвященнику Криве обособила ихъ въ глазахъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей и породила у этихъ послѣднихъ прозвище „Кривичи", придаваемое извѣстной группѣ единоплеменниковъ—сторонникамъ или поклонникамъ Криве. Далѣе, вѣроятно, это религіозное отчужденіе, а также и географическое положеніе этихъ раскольниковъ завладѣвшихъ при истокахъ трехъ большихъ рѣкъ самостоятельными торговыми путями, заставили ихъ мало по малу расторгнуть свои политическія связи съ главнымъ племенемъ и отдѣлиться отъ него *) и вотъ въ такомъ видѣ застаетъ ихъ преданіе послужившее темой для втораго извѣстія лѣтописца, въ которомъ Кривичи являются уже, повидимому, самостоятельнымъ народомъ живущимъ на опредѣленной территоріи, въ верховьяхъ рѣкъ: Волги, Днѣпра и Двины. Еще позднѣе, наконецъ, и Полоцкъ подпадаетъ подъ вліяніе Кривичей; народная память сохраняетъ намъ и это событіе передаваемое лѣтописцемъ въ его извѣстіи третьемъ. Что это вліяніе Кривичей на Полоцкъ выражалось не въ завоеваніи, и не въ какомъ либо вообще преобладаніи политическомъ, а скорѣе въ религіозномъ, мы можемъ заключить отчасти уже изъ раньше цитированнаго нами лѣтописнаго извѣстія о Полоцкихъ мертвецахъ — навье — свидѣтельствующаго,

---

*) Примѣры подобнаго отдѣленія колоній отъ метрополій, мы встрѣчаемъ весьма часто и въ позднѣйшей исторіи Новгорода— при борьбѣ его съ пригородами.

что религіозный культъ древнихъ язычниковъ Полочанъ былъ, повидимому, близокъ къ культу Литовскому, а слѣдовательно и къ культу Кривичей. Кромѣ того, предположеніе о распространеніи политическаго преобладанія Кривичей мы могли-бы допустить лишь при наличности свидѣтельствъ объ ихъ твердой политической организаціи, а изъ „Повѣсти“ мы, наоборотъ, получаемъ лишь свѣдѣнія указывающія о существованіи среди ихъ скорѣе полной политической розни. Такъ напр. лѣтописецъ сообщаетъ намъ о Кривичахъ въ числѣ племенъ призвавшихъ князей и между городами подчинившимися этимъ князьямъ, упоминаетъ и Полоцкъ. Казалось-бы, что, будь Кривичи отдѣльное племя, объединенное, какъ и другія племена, извѣстною политическою властью (княженіемъ—какъ напр. у Полянъ, Древлянъ и др.)—они всѣ-бы должны были признать власть призванныхъ ими князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ этого то мы и не видимъ. Другіе центры Кривичей, болѣе южные, города Смоленскъ и Любечъ, покоряются княжеской власти только черезъ 20 лѣтъ послѣ призванія Рюрика - преемнику его Олегу—и оба—не добровольно, а, какъ можно заключить по извѣстію лѣтописи, взяты этимъ княземъ съ боя.

Итакъ, признаніе названія Кривичей за имя чисто племенное не выдерживаетъ критики, такъ какъ при этомъ предположеніи въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ получается совершенно непонятныя противорѣчія и путаница. Кромѣ того, этому предположенію противорѣчитъ и видимая, судя по лѣтописи, политическая разрозненность Кривичей, не замѣчаемая у другихъ отдѣльныхъ племенъ, а также и характеръ ихъ вліянія на сосѣдей совершенно ясно объясняющійся не политическимъ преобладаніемъ, а предположеніемъ о пропагандѣ религіозной. Всѣ эти соображенія заставляютъ допустить ту мысль,

что подъ названіемъ Кривичей скрываются люди, хотя происхожденія Славянскаго (а можетъ быть и смѣшаннаго съ Литовскимъ, но при преобладаніи элемента Славянскаго, иначе лѣтописецъ отвелъ-бы имъ мѣсто среди племенъ Литовскихъ) но не самостоятельнаго племени а различныхъ политическихъ центровъ, т. е. слѣдовательно, объединенные не племеннымъ сродствомъ и не единой властью, а лишь своимъ приверженствомъ опредѣленному языческому культу, внѣшній признакъ котораго и заключался въ религіозномъ подчиненіи Литовскому Криве-Кривейте. Предположеніе это нисколько не противорѣчитъ и вообще типу прозвищъ изобрѣтавшихся въ древности Русскимъ народомъ. Такъ напр. въ старинныхъ источникахъ мы находимъ названіе религіи Католической—*Папежская* вѣра (отъ сана первосвященника Римскаго Папы), священника этой вѣры —*Папежскій* попъ.

Остановившись на этомъ предположеніи, какъ на весьма вѣроятномъ и правдоподобномъ, перейдемъ затѣмъ къ разсмотрѣнію названій другихъ пропущенныхъ лѣтописцемъ при опредѣленіи состава Руси Славянскихъ племенъ: *Радимичей* и *Вятичей*.

Авторъ „Повѣсти“ объясняетъ происхожденіе этихъ названій повидимому весьма просто и ясно: по его словамъ явились когда-то въ древности изъ Ляховъ два брата: Радимъ и Вятко и поселились: первый на р. Сожѣ, а второй на Окѣ; отъ нихъ то и пошли оба племени удержавшія въ своихъ названіяхъ имена этихъ двухъ родоначальниковъ.

Не смотря, однако, на видимую свою ясность, извѣстіе это, по ближайшему разсмотрѣнію, имѣетъ характеръ совершенно баснословный. Мы уже имѣли случай говорить вообще о теоріи производства племенныхъ и народныхъ названій отъ собственныхъ именъ родона-

чальниковъ, какъ о крайне не правдоподобной. Таже неправдоподобность сквозитъ и въ данномъ извѣстіи. Упоминаемые лѣтописцемъ Ляхи: Радимъ и Вятко. должны были придти никакъ не ранѣе, какъ лѣтъ за 400—500 до жизни лѣтописца: онъ упоминаетъ уже о цѣлыхъ племенахъ—ихъ потомкахъ еще въ IX-мъ вѣкѣ, въ числѣ другихъ племенъ населяющихъ нашу страну, изъ чего слѣдуетъ заключить, что родоначальники явились по крайней мѣрѣ за 2—3 вѣка ранѣе, такъ какъ нуженъ достаточный періодъ времени, чтобы изъ семейства одного лица выросло цѣлое племя, способное занять такую обширную территорію, какъ система р. Сожи, или еще большую—р. Оки. При такой отдаленности эпохи переселенія братьевъ—ясно, что лѣтописецъ никакихъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи имѣть не могъ. Далѣе, самое разселеніе братьевъ съ семействами на такомъ сравнительно дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, совершенно неестественно и сказочно. Они, напротивъ, должны были-бы поселиться поближе другъ къ другу, чтобы имѣть возможность взаимно другъ друга поддерживать при столкновеніяхъ съ чуждыми имъ племенами туземными. Получить свѣдѣнія о происхожденіи Радимичей и Вятичей лѣтописецъ, очевидно, могъ только изъ народныхъ преданій—у насъ-же нигдѣ въ народѣ не существуетъ и слѣда преданія о какомъ-бы то ни было племенномъ или народномъ родоначальникѣ - ни въ былинахъ, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ. Остается предположить, что лѣтописецъ или самъ сочинилъ это извѣстіе или-же заимствовалъ его изъ источника подвергнувшагося до него вліянію книжности и принялъ его на вѣру безъ всякихъ основаній. Если мы прибавимъ ко всему сказанному еще то соображеніе, что первые наши книжники были лица духовные и, что названія Ра-

димичей и Вятичей могли носить въ себѣ слѣды древняго языческаго, богопротивнаго, по ихъ понятіямъ, бѣсовскаго культа—то подобное затѣмненіе истины путемъ книжнаго вымысла является намъ еще болѣе понятнымъ и даже, наоборотъ, служитъ нѣкоторымъ косвеннымъ доказательствомъ того, что эти оба названія носили именно этотъ языческій смыслъ, а не какой либо иной. Къ отысканію этого древняго смысла названій мы и перейдемъ.

Предположить, что у всѣхъ Славянскихъ племенъ языческіе религіозные культы и обряды были повсемѣстно одинаковы—положительно нельзя: это противорѣчило-бы и логикѣ и исторіи. Мы можемъ допустить, что первоначальный источникъ—та религія, которую перенесла съ собою въ Европу за 2—3 тысячи лѣтъ до Р. Хр.—Славянская вѣтвь Арійскаго племени—былъ общій для всѣхъ, но что этотъ источникъ—при размноженіи и разселеніи отдѣльныхъ племенъ по различнымъ странамъ, въ различныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ—долженъ былъ породить нѣсколько развѣтвленій—это неоспоримо. Климатъ, орографія и топографія мѣстности, свойства и отношенія сосѣдей, способы борьбы за существованіе—всѣ эти обстоятельства, конечно, должны были накладывать свой отпечатокъ на міровозрѣніе отдѣльныхъ племенъ, а слѣдовательно—и на ихъ религію. Подтвержденіе этого положенія мы ясно видимъ и въ исторіи Славянъ. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай еще разъ вернуться къ этому важному предмету, теперь-же ограничимся лишь нѣсколькими наиболѣе рельефными историческими примѣрами подходящими къ разсматриваемому нами вопросу.

Западные хроникеры среднихъ вѣковъ, описывая намъ бытъ Прибалтійскихъ языческихъ Славянъ упо-

минаютъ о нѣсколькихъ главныхъ ихъ божествахъ, причемъ эти божества являются не всенародными, а, такъ сказать, племенными, или даже, вѣрнѣе, не племенными, а мѣстными—имѣющими каждое своихъ поклонниковъ въ различныхъ районахъ заселенныхъ Славянами земель—въ большинствѣ, конечно, совпадающихъ съ территоріей заселенной людьми одного и того-же племени, но не всегда. Такими божествами являются напр. въ городѣ Арконѣ на островѣ Рюгенѣ (по Славянски Рана или Руяна) *Святовитъ* и въ городѣ Ретрѣ въ землѣ Редарянъ, изъ союза Лютичей (Вильцевъ)—*Радегастъ*. Тѣ-же хроникеры упоминаютъ о религіозномъ антогонизмѣ, переходящемъ иногда въ открытыя междуусобія, между отдѣльными племенами во имя правъ преобладанія того или другаго изъ этихъ двухъ почитаемыхъ ими божествъ. Хотя эти свѣдѣнія мы имѣемъ отъ писателей жившихъ не ранѣе XI го вѣка, но надо полагать, что оба упомянутыя божества были извѣстны и почитаемы со временъ гораздо древнѣйшихъ. Результатами этихъ религіозныхъ войнъ часто являлось насильственное подчиненіе того или другаго племени культу божества племени враждебнаго *)—обстоятельство свидѣ-

*) Такъ напр. въ половинѣ XI-го столѣтія произошла кровопролитная война между Хижанами и Черезпѣнянами съ одной стороны—не захотѣвшими признавать Радегаста и предпочитавшими ему Святовита и—Редарянами и Долинцами съ другой—выступившими противъ отступниковъ въ защиту правъ своего бога. Въ концѣ концовъ Хижане и Черезпѣняне были побѣждены; много изъ нихъ было убито, много взято въ плѣнъ, а оставшіеся въ живыхъ должны были купить миръ за 15.000 марокъ (Ад. Бремен. III. 39. Гельмольдъ I. 21) Самое имя племени которому принадлежалъ гор. Ретра—Редаряне (въ хроникахъ по латыни Rederi, Rjaduri) едва-ли не одного корня съ названіемъ Радегастъ (по латыни Redigast, Ridegast) и даже вѣроятно отъ этого названія и происходитъ.

тельствующее о томъ важномъ значеніи, которое придавалось язычниками своимъ отдѣльнымъ религіознымъ толкамъ.

Характера того и другаго божества хроникеры намъ точно не опредѣляютъ, но для того, чтобы составить объ немъ понятіе, намъ надо обратить вниманіе на самыя ихъ имена. Оба имени, очевидно, сложныя и разлагаются на *Свѣто-витъ* и *Раде-гастъ*. Въ первомъ имени мы замѣчаемъ прилагательное—*свѣтлый* или *святой* (оба одного корня) и *витъ*—побѣдитель (санскр. Vidjaya—побѣда; тотъ-же корень слышится въ Русскомъ словѣ *вит*-язь). Второе имя состоитъ изъ отглагольнаго *Раде* и *гастъ* или *гость*, на современномъ языкѣ—купецъ, торговецъ.

Ключъ для разъясненія происхожденія этихъ именъ мы можемъ найти въ исторіи Славянъ Прибалтійскихъ. Жители острова Раны или Руяны были отрасль племени нѣкогда по преданію весьма могущественнаго, но впослѣдствіи уже, въ VIII-мъ столѣтіи, ослабшаго и вступившаго въ составъ союза Бодричей (Оботридовъ) а именно—Вагровъ. Племя это очутилось съ глубокой древности на передовомъ посту своего народа: Къ сѣверу и къ западу отъ него жили уже племена инородческія и враждебныя—племена Германскія. Вагры должны были вести съ ними постоянныя и ожесточенныя войны и, вѣроятно, самое завладѣніе островомъ обошлось не безъ упорной борьбы. Потомъ, правда, укрѣпившись на территоріи своего острова и пользуясь естественными выгодами положенія они до нѣкоторой степени измѣнили свой бытъ—стали заниматься торговлей, но первоначальныя формы ихъ борьбы за существованіе, ихъ передовое положеніе лицомъ къ лицу съ врагомъ, на котораго они должны были постоян-

но напирать—и въ теченіи, вѣроятно, многихъ вѣковъ—повинуясь въ свою очередь напору своихъ сородичей южныхъ и восточныхъ,—все это неминуемо должно было отразиться на ихъ бытѣ и на ихъ міровозрѣніи. Божество ихъ должно было пріобрѣсти характеръ воинственный и имя „*Свѣтлый побѣдитель*“ увѣковѣчило это главное его свойство.

Положеніе поклонниковъ Радегаста было совершенно иное. Ихъ земли въ древности нигдѣ не граничили съ враждебными Нѣмцами; они были поставлены судьбою въ положеніе второй боевой линіи повсюду окруженные и невольно защищаемые своими единоплеменниками. Кромѣ того, имѣя въ своемъ распоряженіи берегъ моря съ устьями многихъ большихъ рѣкъ—они со временъ самыхъ отдаленныхъ обратили свою энергію на торговлю и на мореплаваніе и эта форма борьбы за существованіе, точно также не могла не повліять на ихъ міровозрѣніе и на ихъ религію а вслѣдствіи этого и на характеръ ихъ главнаго божества. Главное проявленіе силы и могущества ихъ бога должно было выразиться, конечно, въ покровительствѣ ихъ главному занятію—торговлѣ и появляется божество—Раде-гастъ, (по Славянски—Радегощъ) покровитель торговли и купцовъ, „*Радѣтель о гостьбѣ*“ (торговлѣ).

Итакъ, главными божествами у Славянъ Прибалтійскихъ являлись *Рад*—радѣтель и *Вит*—побѣдитель. Если мы сравнимъ эти корни прозвищъ съ корнями племенныхъ названій *Рад*—имичи и *Вит* (или Вят)—ичи—сходство получается поразительное. Совпаденіе это, конечно, можно объяснить и случайностью, но врядъ-ли это будетъ справедливо. Постараемся привести къ тому доказательства:

а) Во-первыхъ: предположеніе наше о заимствова-

ніи этихъ названій отъ именъ Прибалтійскихъ языческихъ божествъ — подтверждается отчасти самимъ лѣтописцемъ сообщающимъ о пришествіи этихъ племенъ съ запада отъ Ляховъ, Ляхами-же называетъ лѣтописецъ всѣхъ извѣстныхъ ему Прибалтійскихъ Славянъ. напр. Лютичей, Поморянъ и др. Извѣстіе это, вѣроятно, лѣтописцемъ не выдумано—для этого у него не было никакой цѣли, а взято изъ древняго народнаго преданія.

б) Во-вторыхъ: одно изъ этихъ племенъ—Радимичи оставили на территоріи ими занимаемой много слѣдовъ своего существованія въ названіяхъ различныхъ мѣстностей, городовъ, селеній, рѣкъ и др. урочищъ. Такъ, въ окрестностяхъ р. Сожи, или не подалеку отъ нее, мы встрѣчаемъ названія: сел *Радимли* на р. Пронѣ *Радчина, Радинское, Радовище*; рѣчки: *Радица, Радовища*, и многія другія, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ имя древняго божества гораздо болѣе чѣмъ самое названіе племени. Напр. на рѣкѣ Нерусѣ *) сел. *Радогощъ*, ниже гор. Дмитровска; другое сел. *Радогощъ* на юго-западъ отъ Дмитровска; *Радегощъ* въ области р. Сейма; *Радогощъ* въ области р. Десны и наконецъ *Радугощъ* на правомъ берегу Оки, къ сѣверовостоку отъ г. Одоева **). Въ этихъ послѣднихъ названіяхъ урочищъ, какъ мы видимъ, имя божества звучитъ почти полностью и, конечно, легче предположить, что самыя эти названія произошли отъ этого имени чѣмъ отъ этнографическаго, племеннаго—Радимичи—въ

*) Обратимъ вниманіе на эту интересную подробность: рѣка древнихъ Радимичей названа *Не—русь*!

**) Барсовъ: Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873 стр. 134.

особенности, если допустить, что эти послѣдніе сами произвели свое имя отъ Радима.

На земляхъ занятыхъ въ древности Вятичами или Витичами—географическихъ названій съ этимъ яснымъ корнемъ не сохранилось. Произошло-ли это случайно или-же вслѣдствіи вліянія какой либо сознательной силы—вопросъ темный. Намъ извѣстно, что Вятичи были между нашими Славянами одни изъ послѣднихъ упорныхъ язычниковъ и что христіанство начало проникать къ нимъ едва лишь только съ XII-го вѣка. Наши Православные миссіонеры къ этому времени уже достаточно окрѣпшіе на родной почвѣ и поддерживаемые княжеской властью, проповѣдуя новую религію, неминуемо должны были заботиться объ искорененіи слѣдовъ вѣры старой и конечно, могли повліять на уничтоженіе древнихъ языческихъ, богопротивныхъ названій, въ особенности-же если эти названія имѣли темой имя языческаго бога. Предположеніе это однако—гадательное и основывать на немъ какіе-бы то ни было заключенія опасно. Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи урочищъ съ корнемъ *вит* попадается нѣсколько. Напр. древній городъ *Витичевъ*, рѣка *Витба*, городъ на ней *Витбескъ* (Витебскъ) и др. Признать, что корнемъ для нихъ служило имя божества—также гадательно: можетъ быть это слѣдъ общаго корня *вит* служившаго для опредѣленія вообще извѣстнаго свойства имѣвшаго соотношеніе къ понятію побѣды.

Итакъ, принимая во вниманіе все изложенное въ данномъ разсужденіи мы приходимъ вкратцѣ къ слѣдующимъ выводамъ:

Лѣтописецъ, перечисляя Славянскія племена входившія въ составъ Руси, пропускаетъ семь племенъ жившихъ на территоріи Россіи и ранѣе имъ упомянутыхъ. Пропускъ четырехъ изъ нихъ легко объясняется тѣмъ, что ко времени жизни лѣтописца эти племена были уже отторгнуты отъ Руси, оттѣснены, отброшены, истреблены или покорены иноземцами—пропускъ-же трехъ племенъ: Кривичей, Радимичей и Вятичей—непонятенъ. Объяснить этотъ пропускъ можно только тѣмъ, что эти три племени названія Руси себѣ не усвоили—явленіе совершенно логически несообразное, если предположить, что названіе „Русь" получилось отъ имени господствовавшаго народа или княжескаго рода, такъ какъ по свидѣтельству того-же автора эти три племени вошли въ составъ Русскаго государства съ самыхъ первыхъ временъ его существованія. Логическій выводъ отсюда, что имя „Русь" не есть чисто этнографическій терминъ, а названіе имѣвшее общепонятный нарицательный смыслъ. Какой-же оно могло имѣть смыслъ, чтобы, объединивъ одни племена, оставаться чуждымъ другимъ? При попыткѣ разоблаченія этого древняго нарицательнаго смысла, мы прежде всего сопоставляемъ имя „Руси" съ племенными названіями трехъ пропущенныхъ племенъ и приходимъ къ заключенію, что самыя эти три племени носили прозвища основанныя на характерныхъ признакахъ ихъ древняго языческаго культа. Это обстоятельство даетъ намъ право предположить, что и древнѣйшей причиной неединенія ихъ съ „Русью" была рознь языческихъ вѣрованій или обрядовъ признаваемыхъ тѣми и другими, а отсюда является вѣроятность, что и самое названіе „Русь" также заключало въ себѣ какой нибудь смыслъ языческо-религіозный. Это предположеніе основанное на логическихъ

и историческихъ данныхъ, достаточно объясняетъ темное извѣстіе лѣтописца о древнемъ составѣ „Руси“, а также проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на смыслѣ самаго нашего народнаго имени. Чтобы еще болѣе укрѣпить его правдоподобность и вѣроятность, перейдемъ къ разсужденіямъ слѣдующимъ.

XIII.

Разсужденіе II-ое.

Второе разсужденіе начнемъ выписками и сличеніемъ текстовъ изъ двухъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ нашей исторіи — договоровъ Олега и Игоря съ Греками:

Въ договорѣ Олега 912-го года	*Въ договорѣ Игоря 945-го года*
ЧИТАЕМЪ:	
„Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь бывшюю межю *Христіяны* и Русью“ и пр.	„И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхій миръ не навидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ и утвердити любовь межю *Греки* и Русью“ и пр.
„Аще украдеть Русинъ, что любо у *Крестьянина*“ и пр.	„Аще ли ключится украсти Русину отъ *Грекъ*“ и пр.

„Аще кто убіеть *Крестьяна* Русинъ или *Хрестьянъ* Русина“ и пр.

„Аще убьеть *Хрестеянинъ* Русина или Русинъ *Хрестеянина*“ и пр.

„О Руси о полоненьи многажды отъ коея убо страны пришедшимъ въ Русь и продаемомъ въ *Крестьяны* еще же и отъ *Христіанъ* полонныхъ многажды отъ коея любо страны приходящимъ въ Русь“ и пр.

„Аще ли обрящются Русь работающе у *Грекъ* аще ли суть плѣньици да искупаютъ е Русь по 10 златникъ — аще ли купилъ буде *Гръчинъ* подъ хрестомъ достоить ему“ и пр.

Ограничимся пока лишь только этими выписками. Разсматривая ихъ, мы видимъ прежде всего, что въ договорѣ Олега названію Руси, Русина противополагается почти всюду не *Грекъ*, а *Христіанинъ* или Крестьянинъ. Спрашивается: отчего это названіе религіозное замѣняетъ названіе этнографическое? Предположить, что это послѣднее названіе не было въ то время Руси извѣстно—нельзя, такъ какъ въ томъ-же договорѣ это названіе встрѣчается, хотя всего только въ двухъ-трехъ мѣстахъ. Остается логически допустить: или 1) что Византійскій Императоръ, заключая мирный договоръ съ Русью имѣлъ намѣреніе оградить интересы лишь своихъ подданныхъ—Христіанъ, или-же 2) что названіе *Христіанинъ* поставлено въ договорѣ какъ противоположность названію „Русь“, въ томъ смыслѣ, что и это послѣднее носило характеръ главнымъ образомъ религіозный; тогда, конечно, сопоставленіе этихъ двухъ терминовъ естественно и понятно.

Первое предположеніе врядъ-ли является правдо-

подобнымъ. Изъ исторіи Византійской мы знаемъ, что въ X-мъ вѣкѣ и на службѣ у Императоровъ, и въ качествѣ мирныхъ гражданъ—купцовъ, ремесленниковъ и т. п. въ Византійской Имперіи было не мало людей вѣроисповѣданія не Христіанскаго. Таковыми были и Евреи, и іудействующіе Хазары, и мусульмане, и даже язычники изъ племенъ Славянскихъ и Германскихъ. Таже исторія намъ сообщаетъ, что Императоры, хотя и покровительствовали лицамъ принимавшимъ Христіанство - давали имъ подарки, награды, но, тѣмъ не менѣе, силою къ тому никого не принуждали и правъ и преимуществъ служебныхъ и общественныхъ не лишали. Было-бы болѣе чѣмъ странно предположить, что по договору съ Олегомъ всѣ иновѣрцы были поставлены внѣ защиты Греческихъ властей и закона. Прибавимъ къ тому еще и слѣдующее соображеніе: Византійскіе Императоры хотя и признавали въ своемъ государствѣ Христіанскую вѣру господствующей--но именно только одну, основанную на извѣстныхъ догматахъ—Православную, остальные-же Христіане, иныхъ толковъ, далеко уже не пользовались тѣми-же покровительствомъ закона, церкви и правительственной власти, а многіе, напр. послѣдователи ереси Аріанской, даже ими преслѣдовались едва-ли не усерднѣе чѣмъ иновѣрцы—не Христіане. Въ силу этого, предположеніе, что по смыслу договора съ Олегомъ, Христіане-еретики пользовались его выгодами, а другіе иновѣрцы—не пользовались—является еще болѣе неправдоподобнымъ.

Въ виду этого неправдоподобія гораздо вѣроятнѣе допустить, что слово „Христіанинъ“ употреблено въ договорѣ Олега не въ смыслѣ тѣсно-религіозномъ, а въ значеніи общаго имени, объединяющаго всѣхъ подданныхъ Императоровъ—по выраженію того-же договора—

„Христіянскаго царя“ — обитателей „Христіянскаго царства“ *) т. е. въ смыслѣ названія замѣнявшаго этнографическое.

Но отчего же, однако, эти подданные Императора, этотъ весь народъ Византійской Имперіи называется въ большинствѣ параграфовъ договора не своимъ этнографическимъ именемъ — „Греками“, а именно „Христіянами“? Правильное выясненіе этого вопроса, по нашему мнѣнію, слѣдующее: въ древней Руси религіозные обряды и вѣрованія имѣли гораздо болѣе объединяющее въ глазахъ народа значеніе, чѣмъ всякіе другіе элементы побуждающіе и способствующіе сліянію разныхъ племенъ въ одно цѣлое—напр. племенное сродство, единая правительственная власть и т. п. Въ древней Руси при Олегѣ, конечно, были люди хорошо знавшіе, что вся сосѣдняя Имперія (или царство) называлась „Греческою“, что жители ея звались „Греками“ — но это непонятное, иностранное, этнографическое имя сознанію Русскаго народа ничего не говорило. Русь невольно искала причину единенія у сосѣдей въ элементахъ доступныхъ ея собственному пониманію, вкоренившихся въ ней самой въ силу давней, многолѣтней привычки, и нашла эту причину — въ господствовавшей религіи. Если мы допустимъ подобное предположеніе, какъ вѣроятное, то, конечно, въ силу таковаго важнаго значенія придаваемаго единенію на почвѣ религіозной и самое названіе „Русь“ противопоставленное термину „Христіянинъ“ является, по всѣмъ вѣроятіямъ, также названіемъ происхожденія религіознаго.

Постараемся подкрѣпить нашу мысль еще нѣкото-

*) Смотр. въ договорѣ Олега: «О работающихъ въ Грѣцѣхъ Руси у *Хрестьянскаго* царя» и пр.; далѣе: «Аще злодѣй возвратиятс въ Русь, да жалують Русь *Хрестьянскому царству*» и пр.

рыми разсужденіями. Допустимъ, что названіе „Русь“ было имя преобладавшаго племени или господствовавшаго рода князей. Въ такомъ случаѣ въ народѣ конечно, жило бы весьма ясное представленіе о возможности полнаго единенія путемъ политическаго преобладанія, правительственной власти и тогда появленіе въ договорѣ термина „Христіянинъ“ является совершенно излишнимъ, безсмысленнымъ и необъяснимымъ. Тамъ появились-бы названія „Грековъ“, „Греческой земли“, „Греческаго царя“ или наконецъ—„Царьградской земли“, „Царьградскаго царя“, а никакъ не—„Христіянскихъ“. Допустимъ, наоборотъ, что имя „Русь“ есть также терминъ религіозный и все становится яснымъ. „Христіянскій царь“, „Христіянская земля“ и „Христіянскій законъ“, именно должны были быть противопоставлены „Русскому князю“, „Русской землѣ“ и „Русскому закону“*) Названія „Грековъ“ и „Греціи“ могли появиться лишь случайно, какъ продуктъ извѣстной образованности, пріобрѣтенной путемъ возникшихъ болѣе тѣсныхъ международныхъ сношеній, когда этнографическое названіе

*) Обратимъ также вниманіе на самое слово «законъ». Въ древности оно имѣло смыслъ нѣсколько отличный отъ общепринятаго современнаго и соотвѣтствовало вполнѣ позднѣйшимъ выраженіямъ: *вѣра*, *религія*. Въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ слово «законъ» въ смыслѣ современномъ—для обозначенія установленной юридической нормы—нигдѣ не употребляется. Въ договорѣ Олега, какъ и всюду въ «Повѣсти», это слово употреблено также въ смыслѣ религіи: обѣ стороны клялись по *закону* Русскому или Христіянскому т. е. по обрядамъ своихъ религій. Въ современномъ языкѣ у насъ остались нѣкоторые слѣды этого древняго значенія слова. Въ простонародныхъ выраженіяхъ обозначающихъ принадлежность извѣстныхъ лицъ къ разнымъ религіямъ народъ нашъ по сіе время употребляетъ это слово; такъ напр. онъ говоритъ: такой то—«Мухамеданскаго *закона*» вмѣсто—«Магометанской *религіи*».

сосѣдей стало извѣстно на Руси (вѣроятно однако, лишь немногимъ людямъ бывалымъ, а отнюдь не большинству народа). Поэтому то коллизія между этими двумя названіями въ договорѣ Олега и замѣчается, но при этомъ въ общемъ числѣ параграфовъ его—названіе „Христіянинъ" надъ названіемъ „Грекъ" значительно преобладаетъ.

Въ договорѣ Игоря замѣчается явленіе совершенно обратное: слово „Христіанинъ" исчезаетъ почти всюду и замѣняется названіемъ „Грекъ". Обстоятельство это въ связи съ другими передаваемыми намъ историческими источниками фактами подтверждаетъ правдоподобность нашего предположенія еще болѣе. Непрерывныя и оживленныя сношенія Руси съ Греками въ періодъ времени отдѣляющій первый договоръ отъ втораго неминуемо должны были оказать свое вліяніе на степень ознакомленія обоихъ народовъ между собою. Многіе изъ Руссовъ за это время ближе узнали народную жизнь и государственное устройство у сосѣдей, а кромѣ того многіе изъ нихъ, въ особенности состоявшіе на Византійской службѣ, сами стали переходить поощряемые Императорами мало по малу въ Христіанство и, конечно, древнее названіе служащее для наименованія сосѣдей—„Христіане" должно было постепенно уступить мѣсто другому—„Греки", т. е. названію этнографическому, такъ какъ это послѣднее при измѣнившихся обстоятельствахъ гораздо болѣе стало отвѣчать той цѣли, для которой оно предназначалось—а именно—служитъ опредѣленной кличкой для извѣстнаго сосѣдняго народа. Хотя въ договорѣ Игоря древнее религіозное названіе и встрѣчается, но очень рѣдко, всего лишь два три раза, и конечно, въ этомъ видна лишь уступка древней укоренившейся привычкѣ – не болѣе.

Вмѣстѣ съ этими вновь возникшими болѣе тѣсными международными сношеніями и даже, вѣроятно, благодаря этимъ сношеніямъ и имя „Русь“ свое чисторелигіозное значеніе постепенно утрачиваетъ и пріобрѣтаетъ мало по малу смыслъ названія также этнографическаго, обобщая собою тѣ отдѣльныя сѣверо-восточныя Славянскія племена, съ которыми Грекамъ приходилось имѣть, какъ съ объединеннымъ извѣстною властью народомъ, сношенія. Слѣды этого измѣненія характера названія ясно замѣтны во вновь появляющемся въ договорѣ Игоря выраженіи „Хрестьянская Русь“ звучащемъ повидимому совершенно безсмысленно, но тѣмъ не менѣе весьма естественномъ и понятномъ, если мы его сличимъ съ явленіемъ, замѣчаемымъ въ послѣдующей нашей исторіи — совершенно съ нимъ аналогичнымъ. Нашъ народъ въ силу исторической привычки не только удержалъ въ своемъ названіи совершенно безсознательно терминъ языческо-религіозный, но кромѣ того въ своей послѣдующей исторіи, уже при господствѣ религіи новой, ясно выразилъ свое сильно укоренившееся въ немъ пристрастіе къ прозвищамъ именно религіознымъ. Познакомившись съ ученіемъ Православной церкви, а главнымъ образомъ съ ея обрядами, народъ нашъ усвоилъ себѣ и воспринялъ на себя прежде всего и новый религіозный терминъ „Крестьянинъ“ производя его не отъ имени главы религіи Іисуса Христа, а отъ главнаго священнаго атрибута вещественнаго, предмета почитанія необходимаго для ношенія всякому адепту новой религіи—*креста*. Это послѣднее слово по своему случайному созвучію въ языкѣ нашемъ съ собственнымъ именемъ Христа, вѣроятно, совершенно удовлетворило въ производномъ отъ него названіи всѣ религіозныя требованія новыхъ народныхъ

пастырей и никакихъ недоразумѣній не вызвало, и народъ нашъ твердо принялъ новое названіе *Крестьянъ* вмѣсто *Христіанъ* и сохранилъ его за собою и по сіе время *). Крестъ всегда игралъ и по сіе время играетъ въ народной религіозной жизни, роль весьма значительную, даже исключительную. Весьма важно его значеніе и какъ символическаго жеста—напр. при осѣненіи крестомъ—и какъ предмета вещественнаго—носимаго на шеѣ въ качествѣ высшаго священнаго талисмана, ограждающаго человѣка отъ всевозможныхъ напастей, болѣзней, вліянія духа зла, и т. п. Обмѣнъ крестами—крестовое братство—по понятію народа есть высшая степень связи между отдѣльными лицами превосходящая всѣ другіе принципы взаимнаго между людьми единенія: родства дружбы и т. п. Въ дальнѣйшей исторической жизни народа новый религіозный терминъ „Крестьянинъ“ по значенію своему подвергся точно также значительному измѣненію. Объединяя въ началѣ всѣхъ адептовъ новой вѣры, поклонниковъ и носителей креста—онъ со временемъ, какъ и слѣдовало ожидать, удержался какъ кличка, лишь въ томъ классѣ людей, который по своему незнакомству съ грамотою и съ образованіемъ книжнымъ, но, благодаря именно этому, твердо храня свои вѣковыя преданія, обычаи и привычки, единственный сохранилъ за собою этотъ терминъ

---

*) Слѣды смѣшенія этихъ двухъ терминовъ «*Крестьянина*» и «*Христіанина*» мы замѣчаемъ еще въ договорѣ Олега, гдѣ оба слова встрѣчаются какъ вполнѣ однозначущія. Объяснить въ данномъ случаѣ появленіе одного изъ нихъ ошибкой писца, врядъ-ли возможно, такъ какъ ошибка была-бы черезъ чуръ груба и очевидна. Вѣрнѣе, что оба термина существовали уже и тогда параллельно и что литературный, книжный изъ нихъ былъ «Христіанинъ», а—«Крестьянинъ»—разговорный, народный.

пріобрѣтшій вслѣдствіи этого, уже значеніе не общенародное, а только сословное. Рядомъ съ этимъ новымъ прозвищемъ древній терминъ—„Руси“ утратилъ мало по мало въ представленіи народа всякій нарицательный смыслъ, а потому и пріобрѣлъ значеніе чисто-этнографическое, объединяющее уже весь народъ—единственно въ силу своей древности и вкоренившейся въ народѣ безсознательной къ нему привычки. Съ полною вѣроятностью можно утверждать, что, не получи мы вмѣстѣ съ новой религіей грамотности и книжности—названіе „Крестьянинъ“ получило-бы у насъ характеръ общенароднаго имени—какимъ оно и звучитъ въ договорѣ Олега, по отношенію къ народу Греческому. Смысль этотъ удержался бы при этомъ твердо, долговѣчно и дошелъ-бы и до нашего времени, даже въ томъ случаѣ, если мы допустимъ невѣроятное предположеніе, что народъ нашъ еще разъ перемѣнилъ-бы свою вѣру. Названіе потеряло бы окончательно, въ такомъ случаѣ, только свой религіозный смыслъ, но какъ народное имя сохранилось-бы твердо и непоколебимо. Слѣды подобной утраты первоначальнаго смысла, мы видимъ, впрочемъ, ясно и въ настоящее время—когда терминъ „Крестьянинъ“ принялъ значеніе почти исключительно сословное. И въ народномъ языкѣ и въ литературѣ мы встрѣчаемъ сплошь и рядомъ выраженія вродѣ: крестьяне изъ мусульманъ, крестьяне изъ татаръ и т. п.—въ которыхъ древній терминъ, очевидно, уже потерялъ всякое религіозное значеніе. Совершенно аналогичнымъ выраженіемъ является и „Хрестьянская Русь“. въ договорѣ Игоря. Съ перваго взгляда оно кажется совершенно безсмысленнымъ, но весьма легко объяснимо при предположеніи, что религіозный терминъ „Русь“ въ тѣ времена сталъ утрачивать свое первоначальное значеніе и превращаться

мало по малу въ названіе чисто-этнографическое, народное.

Подводя итогъ всему вышесказанному во второмъ разсужденіи, мы приходимъ вкратцѣ къ слѣдующимъ заключеніямъ: изъ сопоставленія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей договоровъ Олега и Игоря съ Греками, мы усматриваемъ, что въ первомъ изъ нихъ нашему народному названію „Руси", „Руссовъ" противопоставляется въ большинствѣ случаевъ не этнографическое названіе сосѣдей „Греки" (какъ это и слѣдовало бы ожидать), а религіозный терминъ „Христіане" или „Крестьяне". Для выясненія этого обстоятельства болѣе всего является правдоподобнымъ предположеніе, что и самое наше народное имя есть названіе древне-религіозное, а не этнографическое. Подтверждается это предположеніе также и нѣкоторыми явленіями замѣчаемыми въ послѣдующей исторіи нашего народа; такъ напр. позднѣйшее религіозное прозвище „Крестьянинъ" также перемѣнило въ народномъ лексиконѣ свой первоначальный смыслъ, а именно—утратило значеніе религіозное и превратилось въ терминъ сословный. Изъ всего этого можно заключить, что народъ нашъ издавна особенно важнымъ признавалъ всегда единеніе на почвѣ религіозной и имѣлъ пристрастіе къ прозвищамъ и наименованіямъ народовъ носящимъ характеръ именно этотъ. Извѣстную степень извращенія первоначальнаго смысла въ названіи „Руси" и перехода его значенія изъ религіознаго въ названіе этнографическое, мы замѣчаемъ уже въ договорѣ Игоря. Переходъ этотъ является совершенно естественнымъ и понятнымъ и наличность его еще болѣе подкрѣпляетъ правдоподобность нашего предположенія.

Перейдемъ затѣмъ къ разсужденію третьему.

Разсужденіе III-ье.

Тоже предположеніе о древнемъ религіозно-языческомъ значеніи нашего народнаго имени находитъ подтвержденіе еще и въ слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Изъ многихъ историческихъ памятниковъ древности мы узнаемъ, что со временъ самыхъ стародавнихъ у нашего народа существовалъ какой то обрядъ носившій названіе весьма сходное по корню съ народнымъ именемъ, а именно „*Русалье*". Сходство это едва-ли можно признать случайнымъ и даже въ томъ случаѣ, если предположить что оба названія другъ отъ друга не зависимы, всетаки корень ихъ долженъ быть, по всѣмъ вѣроятіямъ, одинъ и тотъ-же. Отысканіе этого корня является такимъ образомъ, для разрѣшенія разсматриваемаго нами вопроса, весьма важнымъ и существеннымъ.

При попыткахъ въ этомъ направленіи прежде всего, конечно, важно опредѣлить по возможности точно, что такое именно подразумѣвалось въ древности подъ именемъ *Русалья*? Для этого приведемъ главнѣйшіе тексты изъ источниковъ, въ которыхъ это названіе упоминается:

1) Прежде всего оно встрѣчается въ „Повѣсти

временныхъ лѣтъ“ подъ годомъ 6576-мъ. Лѣтописецъ, сообщая подъ этимъ годомъ о раззореніи Русской земли Половцами, приписываетъ это народное бѣдствіе винѣ самого Русскаго народа, который заслужилъ, по его мнѣнію, Божью кару за свои пороки и грѣховныя отступленія отъ праведной Христіанской жизни. Перечисляя богопротивные обычаи народа, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ:

„Но сими дьяволъ лстить и другыми нравы всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохы, гусльми и *русальи*“ (т. е. всяческими утѣхами отманивая насъ отъ Бога: трубами, скоморохами, гуслями и русальями) (Лаврент. списокъ г. 6576—1068-й).

2) Далѣе мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Русальяхъ* въ источникахъ XII-го и XIII-го вѣковъ—иностранныхъ, а именно у Патріарха Антіохійскаго Ѳедора Вальсамона и Митрополита Болгарскаго Дмитрія Хоматина въ толкованіяхъ ихъ Греческой кормчей книги. Оба эти духовные писателя удостовѣряютъ, что

„*Русальи* (ῥουσαλια) совершались послѣ Пасхи по нѣкоторому древнему обычаю въ иныхъ чужихъ странахъ“.

По сличенію этихъ извѣстій съ другими источниками явствуетъ, что подъ выраженіемъ „въ иныхъ чужихъ странахъ“ слѣдуетъ разумѣть,—въ странахъ лежащихъ на сѣверъ отъ Греціи.

3) Еще позднѣе мы находимъ тоже названіе въ „Прологѣ житія Св. Преподобнаго Нифонта“ (рукописи 1432-го года хранящейся въ Императорской публичной библіотекѣ за № 6940) въ которомъ сказано:

„Ови (бѣсы) бьяху, въ бубны, другіе-же въ козлици и сопѣли сопяху, иніи-же возложиша на лица свои скураты (маски) и идяху на глумленіе человѣкомъ

и мнози оставивше церковь течаху на позоры и нарекоша игру ту *русалья*".

4) Наконецъ, еще позднѣе, въ XVI-мъ вѣкѣ, въ правилахъ, такъ называемаго „Стоглава"—Московскаго собора 1551-го года, въ вопросѣ 14-мъ читаемъ:

„*Русаліи* о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія, сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзскія дѣла и, бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвицамъ растлѣніе, и егда нощь мимоходитъ, тогда отходятъ къ рѣци съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни умываются водой, и, егда начнутъ къ заутрени звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвы отъ великаго клопотанія".

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ предлагается на соборѣ по царскому веленію положить черезъ духовенство на эти народныя игры запрещеніе, чтобы „таковыхъ бо древнихъ бѣсованій Эллинскихъ не творити". Выраженіе „Эллинскія бѣсованія" равносильно— „языческіе обряды".

Изъ всѣхъ этихъ приведенныхъ нами текстовъ усматривается такимъ образомъ слѣдующее:

а) *Русальи* были какіе то древніе народные обряды или игры.

б) Признавались они пастырями Христіанскими за остатки древняго религіознаго культа языческаго.

в) Были повидимому распространены у насъ повсемѣстно, такъ какъ о нихъ упоминается и въ древнихъ текстахъ юго-западныхъ—Кіевскаго періода и въ новѣйшихъ, сѣверо-восточныхъ— періода Московскаго.

и г) Противъ нихъ постоянно и усердно боролась наша духовная власть въ продолженіи многихъ вѣковъ, а это доказываетъ, что *Русаліи* удерживались въ народной жизни крѣпко и устойчиво.

Въ послѣдующіе вѣка мы никакихъ новыхъ письменныхъ свѣдѣній о *Русальяхъ* не встрѣчаемъ, но обращаясь затѣмъ къ современному народному быту, мы замѣчаемъ, что слово весьма на это древнее названіе похожее существуетъ и по сіе время въ народномъ лексиконѣ и, по значенію своему, также подходитъ подъ опредѣленіе извѣстныхъ народныхъ, праздничныхъ игръ или обрядностей. Такъ напр. народъ нашъ называетъ седьмую недѣлю послѣ Пасхи (недѣлю Св. Троицы) Семикомъ или „недѣлей *Русальною*"; Четвергъ на этой недѣлѣ называется въ Малороссіи „*Русалі*"; особыя обрядныя пѣсни поющіяся на этой недѣлѣ зовутся народомъ „пѣснями *Русальными*"; Воскресенье слѣдующее послѣ Св. Троицы называется во многихъ мѣстахъ „*Русальнымъ* заговѣньемъ" и т. п.

Если мы допустимъ, что эти современныя народныя *Русальныя* обрядности суть слѣды остатковъ *Русалій* древнихъ, отъ нихъ происходятъ и имѣютъ съ ними непосредственную связь, то опредѣленіе ихъ значенія древняго, судя по современному, является, повидимому, дѣломъ достаточно простымъ и яснымъ.

Народъ нашъ по сіе время сохранилъ, какъ остатокъ языческой древности, вѣру въ существованіе многихъ сверхъестественныхъ существъ населяющихъ окружающую человѣка природу. Въ числѣ этихъ существъ фигурируютъ и извѣстныя водяныя нимфы, обитательницы источниковъ, преимущественно рѣкъ – *Русалки*. Названіе этихъ нимфъ распространенное среди Славянъ восточныхъ т. е. Русскихъ повсемѣстно прежде всего почти тожественно съ названіемъ *Русальныхъ* обрядностей по звуку, а кромѣ того подходитъ къ нему отчасти и по значенію въ силу того смысла, который придаетъ въ настоящее время этимъ обрядностямъ и

самъ народъ. Такъ напр.: во многихъ мѣстахъ народъ называетъ самую „Русальную“ недѣлю „праздникомъ Русалокъ“, которыя будто-бы именно въ это время и являются особенно опасными для парней и дѣвокъ, тогда какъ послѣ „Русальнаго заговѣнья“ онѣ уже теряютъ свою силу. Далѣе, во многихъ мѣстахъ Россіи въ слѣдующій послѣ „Русальнаго заговѣнья“ Понедѣльникъ существуетъ обрядъ или игра называемая „проводы Русалокъ“. Наконецъ и во многихъ такъ называемыхъ „Русальныхъ пѣсняхъ“ упоминается о Русалкахъ.

Какъ-бы то ни было, однако, не смотря на видимое правдоподобіе вывода, что всѣ современныя Русальныя обрядности имѣютъ явное отношеніе къ народному вѣрованью въ Русалокъ и что самое названіе этихъ обрядностей происходитъ, вѣроятно, отъ того-же названія рѣчныхъ нимфъ—признать какую-бы то ни было тѣсную связь между культомъ этихъ нимфъ и древними *Русальями* представляется тѣмъ не менѣе рѣшительно невозможнымъ *). Напротивъ есть много основаній для того, чтобы почти безошибочно допустить, что древнія *Русальи* никакого отношенія до Русалокъ не имѣли и даже, что новѣйшіе Русальные обряды имѣютъ съ этими нимфами связь только кажущуюся, а въ дѣй-

*) Подобное мнѣніе высказывалось и извѣстнымъ нашимъ этнографомъ И. Снегиревымъ, который говоритъ по поводу даннаго вопроса слѣдующее: «Какъ чужеземные и отечественные наши писатели *Русаліями* называютъ скоморошескія, языческія игры, то едва-ли можно производить оныя отъ земноводныхъ Русалокъ—рѣчныхъ богинь. По одновременности *Русалій* съ земнымъ странствованіемъ Русалокъ въ продолженіи Русальной недѣли, какъ въ другихъ мѣстахъ полагаютъ отъ Семика до Петрова дня, и по созвучію обоихъ словъ смѣшивали однѣхъ съ другими и первыхъ производили отъ послѣднихъ». (И. Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники. Москва 1839 выпускъ IV. стр. 17).

ствительности эти обряды скорѣе могутъ почесться за остатки древнихъ *Русалій*, причемъ рѣчныя нимфы-Русалки приплетены къ нимъ народомъ лишь въ силу совпаденія двухъ различныхъ наименованій древности по созвучію.

Древнія *Русальи*, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ текстовъ, имѣли характеръ какихъ то языческихъ обрядовъ или игръ. Если мы предположимъ, что это былъ праздникъ въ честь миѳологическихъ рѣчныхъ богинь-Русалокъ и что самое названіе этого праздника получилось отъ имени тѣхъ-же богинь, то это предположеніе является крайне невѣроятнымъ въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) Хотя мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что древніе Славяне почитали въ числѣ другихъ божествъ и рѣчныхъ нимфъ—какъ свидѣтельствуетъ напр. Прокопій, Византійскій писатель VI-го вѣка—и хотя эти свѣдѣнія совпадаютъ и съ этнографическими данными наблюдаемыми у различныхъ Славянскихъ народностей, тѣмъ не менѣе, изъ того-же историческаго и этнографическаго матеріала усматривается, что ни у одного изъ современныхъ Славянскихъ народовъ, кромѣ народа Русскаго ни въ памятникахъ исторіи, ни въ этнографіи никакихъ намековъ на существованіе какихъ-бы то ни было празднествъ въ честь этихъ рѣчныхъ нимфъ не сохранилось, слѣдовательно если предположить, что *Русальи* были праздники въ честь Русалокъ, то эти празднества практиковались, значитъ, только у Славянъ Русскихъ, а это весьма мало вѣроятно.

2) Невѣроятно также и то, чтобы воспоминанія о древнихъ нимфахъ сохранялись-бы у насъ такъ устойчиво и долговѣчно въ видѣ празднества самостоятельнаго. Это было-бы еще понятно, если-бы самыя боже-

ства имѣли въ глазахъ народа значеніе первенствующее, но на дѣлѣ это не такъ. Вѣра въ Русалокъ въ нашемъ народѣ хотя дѣйствительно и живетъ еще и по сіе время, но она, однако, далеко не такъ рельефна и сильна, какъ вѣра во многія другія существа сверхъестественныя. Большинство нашего простонародья вѣрящее еще напр. достаточно твердо въ Домоваго—уже къ Русалкамъ относится гораздо болѣе скептически и это является совершенно понятнымъ, такъ какъ и роль Русалокъ сидящихъ въ водѣ и на весьма короткое время въ году имѣющихъ возможность выходить на берегъ, является по отношенію къ народной жизни гораздо менѣе значительною, чѣмъ роль существъ обитающихъ въ домахъ т. е. постоянныхъ сожителей человѣка. Почему цѣлая недѣля со своимъ отдѣльнымъ ритуаломъ игръ и пѣсенъ оказывается и по сіе время посвѣщенной исключительно Русалкамъ—является въ силу этого соображенія обстоятельствомъ совершенно непонятнымъ, указывающимъ лишь на то, что тутъ кроется какое-то недоразумѣніе.

3) Разбирая текстъ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ „Русальныхъ" пѣсенъ поющихся нашимъ народомъ и по нынѣ въ Семикъ или „Русальную недѣлю", мы видимъ, что большинство изъ нихъ никакого отношенія до Русалокъ не имѣетъ и объ нихъ не упоминаетъ*). Въ другихъ точно также большая часть текста до Русалокъ не касается, а упоминается объ нихъ лишь въ припѣвахъ никакого отношенія къ тексту не имѣющихъ и но-

*) См. напр. въ «Трудахъ Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край» (Спб. 1872 г.) томъ III. стр. 187—192—Тексты пѣсней №№ 1, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15.

сящихъ, кромѣ того, характеръ вставокъ позднѣйшихъ*). Это обстоятельство также подтверждаетъ ту мысль, что современные Русальные обряды происхожденіемъ своимъ обязаны *Русальямъ* древнимъ, а съ Русалками имѣютъ связь только внѣшнюю — по созвучію двухъ названій, а не по существу.

4) Изъ цитированныхъ нами выше текстовъ о древнихъ *Русальяхъ* мы видимъ, что ни въ одномъ изъ нихъ никакого намека на Русалокъ не имѣется. Кромѣ того и въ другихъ историческихъ памятникахъ сообщающихъ намъ о главныхъ божествахъ древняго Русскаго языческаго міра—нигдѣ въ числѣ этихъ главныхъ божествъ—Русалки не упоминаются. И то и другое обстоятельство врядъ ли можно объяснить одною случайностью. Если бы Русалки играли въ древней народной жизни настолько важную роль, что имъ посвящался особый продолжительный праздникъ съ отдѣльнымъ ритуаломъ игръ и пѣсенъ, то, вѣроятно, ихъ названіе дошло-бы до насъ въ какомъ нибудь изъ древнихъ памятниковъ наравнѣ съ именами Перуна, Волоса, Стрибога, Дажбога и др. главныхъ языческихъ боговъ, а между тѣмъ—этого нѣтъ. Это соображеніе также до нѣкоторой степени расшатываетъ довѣріе къ древнему первенствующему значенію Русалокъ и заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы древнія *Русальи* обязаны были своимъ именемъ и происхожденіемъ именно имъ.

Итакъ, въ виду этихъ соображеній, какъ мы видимъ, вѣроятность предположенія о происхожденіи древнихъ *Русалій* отъ названіе рѣчныхъ нимфъ—является крайне слабой. Весьма мало правдоподобно также то,

---

*) См. тамъ-же тексты пѣсней №№ 3, 5. 6.

чтобы и всѣ современныя Русальныя обрядности вели свое происхожденіе отъ древняго культа Русалокъ. Напротивъ, живучесть этихъ обрядностей, разнообразіе ихъ и рельефность настойчивой борьбы противу нихъ со стороны духовенства въ теченіи всей нашей исторіи— заставляютъ предполагать, что этотъ древній языческій обрядъ, послужившій основаніемъ и для новѣйшихъ— заключалъ въ себѣ элементы касающіеся нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни гораздо болѣе существенныхъ, чѣмъ празднованіе въ честь второстепенныхъ божествъ —Русалокъ, и что онъ служилъ выраженіемъ какихъ-то первостепенныхъ основъ языческаго міровозрѣнія, отъ которыхъ народъ отказывался съ величайшимъ трудомъ и неохотой и даже не отказался вполнѣ и по сіе время, хотя, очевидно, уже единственно въ силу привычки, такъ какъ точный смыслъ обряда въ народномъ сознаніи, видимо, совершенно утраченъ *). Намъ остается теперь попытаться отыскать по возможности вѣроятное объясненіе истиннаго значенія древнихъ *Русалій* и современныхъ *Русальныхъ* обрядовъ, дабы, ру-

*) Подобный-же примѣръ утраты народомъ истиннаго смысла названія одного изъ своихъ древнихъ языческихъ празднествъ мы видимъ и въ другомъ случаѣ—совершенно аналогичномъ— а именно, въ истолкованіи названія *Ивана Купала*. Празднество Ивана Купала нынѣ принаровленное къ празднованію Св. Іоанна Крестителя ведетъ свое начало также со временъ до-Христіанскихъ причемъ народъ, сохранивъ древнее языческое названіе Купала, смыслъ его совершенно утратилъ, такъ что самъ уже теперь производитъ его отъ разныхъ словъ совершенно различнаго смысла: и отъ глагола *купать* и отъ—*купить*. То или другое производство усматривается совершенно ясно въ различныхъ «купальскихъ» народныхъ пѣсняхъ, а въ одной изъ нихъ (помѣщенной у Снигирева въ «Русскихъ простонародныхъ праздникахъ» выпускъ IV— №1)—допускаются даже оба производства рядомъ.

ководствуясь этимъ значеніемъ, имѣть возможность доискаться и до происхожденія самаго ихъ названія.

Изъ указанія Стоглава мы видимъ, что однимъ изъ атрибутовъ Русалій было умовеніе водою въ рѣкѣ. Этотъ признакъ весьма характерный. Вода вообще имѣла въ древне-языческомъ культѣ Славянъ значеніе весьма важное и, если не у всѣхъ одинаковое, то по крайней мѣрѣ у Русскихъ—первостепенное. Такъ напр. мы знаемъ изъ письменныхъ памятниковъ, что вода играла у насъ важную роль при заключеніи браковъ. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ сообщается, что язычники-Древляне похищали своихъ женъ у *воды*. Въ посланіи Митрополита Іоанна II (конца XI-го вѣка) есть слѣдующее мѣсто, въ которомъ говорится о Русскихъ-Христіанахъ сохранившихъ еще языческіе обычаи: „*и еже жрутъ* (приносятъ жертву) *болотомъ и колодяземъ и иже поимаются безъ благословенія сочетаніе*“. Что въ данномъ случаѣ тутъ идетъ рѣчь о брачныхъ сношеніяхъ – это пояснено въ томъ-же посланіи въ концѣ: „*Яко же еси реклъ оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются просѣымъ-же людемъ якоже именемъ и плесканіемъ*“. Изъ сличенія этихъ двухъ мѣстъ посланія видно, что существовалъ какой-то обычай имѣвшій связь съ поклоненіемъ болотамъ и колодезямъ, касающійся заключенія браковъ и сопровождаемый—„*плесканіемъ*“. Позднѣе, въ XIII-мъ вѣкѣ, въ правилахъ Митрополита Кирилла читаемъ: „(мы) *слышали, что въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣстъ водятъ къ водѣ и нынѣ не велимъ тому быти*“. Даже и по сіе время вода по представленію народа извѣстное отношеніе до браковъ имѣетъ. Такъ напр.: существуетъ извѣстная народная примѣта, что если во время свадьбы идетъ дождь, то бракъ будетъ

счастливый (плодородный). Осыпаніе молодыхъ хлѣбными зернами—едва-ли также не аллегорическое дѣйствіе изображающее обрызгиваніе въ видѣ дождя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи существуетъ обычай при встрѣчѣ весны у холостыхъ парней и взрослыхъ дѣвицъ обливать себя водою на открытомъ воздухѣ при восходѣ солнца —что тоже, вѣроятно, имѣетъ нѣкоторую связь съ древними отношеніями брачными, и т. п.

При современномъ, однако, состояніи нашихъ этнографическихъ знаній, къ сожалѣнію, крайне поверхностныхъ, прослѣдить за тѣмъ—что именно въ народной жизни сохранило слѣды древнихъ языческихъ обычаевъ брачныхъ—весьма трудно—но, что вообще народъ нашъ признавалъ и признаетъ за водой извѣстную чудодѣйственную силу—это усматривается достаточно ясно. Замѣтна даже и та особая роль, которую играетъ въ народныхъ повѣрьяхъ не только вода вообще, но и особый видъ ея—а именно—вода атмосферныхъ осадковъ: дождя и росы и притомъ въ извѣстную часть года—весною и раннимъ лѣтомъ. Причины происхожденія подобныхъ вѣрованій нужно искать, конечно, прежде всего въ исторіи жизни нашего народа.

Русскіе Славяне во всѣ вѣка являются наиболѣе всѣхъ другихъ Славянъ народомъ чисто земледѣльческимъ. Слѣды древности такого быта ясно видны и въ языкѣ, и въ исторіи, и, конечно, должны были отразиться и въ миѳологіи. Ни у одного изъ Арійскихъ народовъ нѣтъ, напр. въ языкѣ такого обилія и разнообразія земледѣльческихъ терминовъ. Сохраненію чистоты быта земледѣльческаго способствовало, конечно, и самое географическое положеніе древнихъ обитателей Россіи, въ особенности полосы центральной и сѣверо-восточной. Тутъ они въ продолженіи многихъ вѣковъ едва-ли

когда либо были серьезно тревожимы врагами. Съ сѣвера и съ сѣверо-востока судьба ихъ оградила сосѣдями изъ народовъ племени Финскаго, низшими по цивилизаціи, а потому вынужденными, вѣроятно, безъ особаго серьезнаго сопротивленія и борьбы уступить мало по малу свои земли и тѣмъ дать возможность распространяться все болѣе и болѣе и наконецъ дойти до великихъ озеръ. Съ юга ограждала ихъ отъ Азіатскихъ степныхъ кочевниковъ, переходящихъ по степямъ изъ Азіи въ Европу, та лѣсная полоса, ясные слѣды которой сохранились и по сіе время и которая въ древности тянулась черезъ всю центральную Россію отъ Карпатъ до Урала и служила продолженіемъ классическаго великаго Герцинскаго лѣса. Степной югъ Россіи оказывался такимъ образомъ, какъ-бы отмежеваннымъ самой природой для многочисленныхъ племенъ кочевыхъ постоянно смѣтавшихъ съ него населеніе осѣдлое, но тотъ-же лѣсъ совершенно припятствовалъ кочевникамъ подвигаться на сѣверъ и волей не волей заставлялъ ихъ, въ случаѣ нужды, принимать направленіе на юго-западъ, къ долинамъ Дуная. Съ запада, точно также, положеніе Славянъ Русскихъ было вполнѣ обезпечено массой народовъ единоплеменныхъ поставленныхъ судьбою при борьбѣ съ сосѣдями западными иноплеменными въ первую боевую линію и по неволѣ служащими оплотомъ для племенъ Русскихъ. Самое важное для Славянъ движеніе одного изъ сильныхъ воинственныхъ народовъ древности — съ сѣвера, а именно Готовъ и то произошло по пути отъ устья рѣки Вислы до устья Днѣпра, слѣдовательно, на восточныхъ Славянъ центральной Россіи имѣло, вѣроятно, вліяніе самое ничтожное. Ясно, что при такомъ изолированномъ отъ внѣшнихъ, опасныхъ враговъ положеніи и боги этихъ восточныхъ Славянъ должны

были выработаться характера мирнаго—покровители и радѣтели ихъ главнаго занятія—землепашества. Кромѣ главнаго обще-Славянскаго бога *Сварога*, единаго создателя и зиждителя міра, о почитаніи котораго Славянами упоминаютъ единогласно лѣтописцы и западные, и южные —племеннымъ богомъ Русскихъ Славянъ является *Перунъ*—богъ грозы, молніи, грома, дождя—вообще явленій атмосферныхъ. Этотъ богъ, конечно, при случаѣ столкновенія съ элементомъ враждебнымъ всегда готовъ былъ обратиться въ бога грознаго—мечущаго перуны-молніи на своихъ ослушниковъ и на враговъ своихъ почитателей, но прежде всего, по самымъ своимъ свойствамъ, онъ является богомъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Сварожичъ—солнце грѣетъ землю и людей и способствуетъ произрастанію всякихъ растеній. Но солнце можетъ сжечь, засушить плоды земные и тѣмъ лишить людей пропитанія, а потому міроправитель посылаетъ людямъ благодѣтельный дождь и росу. Дождь, однако, бываетъ нѣсколькихъ видовъ: дождь для людей гибельный, ливень вымывающій посѣвы, препятствующій работамъ, размывающій постройки,—съ градомъ побивающимъ всходы,—съ грозой—при участіи разсердившагося Перуна могущаго убить и сжечь своею молніей,—съ вѣтромъ пригибающимъ колосья къ землѣ, развѣвающимъ скирды, снопы и стога. Совершенно иного характера дождь другаго вида: дождь напоминающій самое благое изъ атмосферныхъ явленій—*росу*, дождь моросящій—*росинецъ*, дождь мелкій. Этотъ дождь, а въ особенности роса должны были считаться особенно благодѣтельными для земледѣльцевъ и вызвать къ себѣ особое почитаніе. Роса и мелкій дождь въ мѣру орошаютъ землю, даютъ ей необходимую влагу, освѣжаютъ зной, способствуютъ обильному урожаю, т. е. слѣдова-

тельно даютъ средства къ жизни. Но откуда, міроправитель беретъ дождь и росу? Онъ беретъ ее посредствомъ радуги изъ различныхъ водяныхъ источниковъ: рѣкъ, колодезей, озеръ, болотъ. Отсюда прямой переходъ къ обоготворенію, или вѣрнѣе, почитанію и самыхъ водныхъ источниковъ. Слѣды такого почитанія ясно замѣтны у всѣхъ Славянскихъ народовъ древности, такъ какъ всѣ эти народы были земледѣльцы, но въ особенности они рельефны у земледѣльцевъ по преимуществу —у Славянъ Русскихъ. Даже черезъ два вѣка послѣ распространенія Христіанства, мы встрѣчаемъ напр. въ духовномъ поученіи Кирилла Туровскаго (конца XII-го вѣка) такое мѣсто: „*Овъ требы створи* (приноситъ жертвы) *на студеньсти* (колодцѣ) *дъжда искы отъ него забывъ яко Богъ съ небесе дъждь даетъ*“ и далѣе, у того-же писателя: „*Не нарицайте себѣ Бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ*“.

Поклоненіе источникамъ орошенія повлекло мало по малу за собою переходъ отъ понятія благодѣтельности вліянія воды на растенія—и на все живущее, но при этомъ, въ особенности, должна была играть первенствующую роль и самая форма орошенія водою - а именно особенно благодѣтельной являлась вода въ формѣ обрызгиванія, въ видѣ росы, мелкаго дождя. Естественно и логично, что если дождь, роса, обрызгиваніе являются вообще благодѣтельнымъ для всего растущаго и производящаго плоды—то народное представленіе могло перенести это-же свойство ихъ вліянія и на человѣка —отсюда извѣстныя наши повѣрья въ народѣ—что мелкій дождь (въ особенности весенній или лѣтній т. е. —послѣ посѣвовъ) падающій на обнаженные головы подростковъ—способствуетъ ихъ росту и что тотъ-же дождь во время свадьбы - способствуетъ плодородію брака.

Далѣе, частныя благія послѣдствія дождя мало по малу въ народномъ представленіи изглаживаются и дождь, роса или обрызгиваніе являются уже вообще благодѣтельной защитой отъ всякихъ невзгодъ и напастей касающихся человѣческой жизни. Это сознаніе сохранялось и сохраняется по нынѣ въ народномъ быту весьма рельефно. Въ поученіи Митрополита Петра (начала XIV-го вѣка) предписывается, напр. между прочимъ, священнослужителямъ слѣдующее: „*Крещеніе творити по преданію Св. Апостолъ, не обливайте водой, но погружайте въ воду трижды*“ изъ чего можно заключить, что обливаніе водой нѣкоторыми (вѣроятно родителями крещаемыхъ) предпочиталось погруженію въ воду—вѣроятно, какъ заслуживающее, въ силу древняго обычая, болѣе довѣрія въ свою благодѣтельную силу. Въ одной изъ статей Стоглава (XVI-го вѣка) читаемъ при описаніи народныхъ празднествъ въ честь Рождества Іоанна Предтечи (древняго Ивана Купалъ) что лица проводящіе въ празднованіи всю ночь „*отходятъ къ рощѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсы омываются росою*“. Въ Густинской лѣтописи при описаніи сохранившихся во времена Христіанства обычаевъ языческихъ упоминается, что въ нѣкоторыхъ странахъ въ день Воскресенія Христова молодежъ имѣетъ привычку толкать другъ друга въ воду; „*въ иныхъ-же странахъ*“ прибавляетъ лѣтописецъ, „*не вкидаютъ въ воду, но токмо водой обливаютъ*“. У Литовцо-Руссовъ Ивановъ день и по сіе время называется „праздникомъ росы“. Въ народной знахарской медицинѣ обрызгиваніе водой больного считается, какъ извѣстно, однимъ изъ радикальныхъ средствъ. Въ извѣстные дни года во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ народѣ принято обливать маленькихъ дѣтей водою изъ рѣшета и пр. и пр. Извѣстно намъ также какимъ по читаніемъ пользуется въ на

родѣ одинъ изъ обрядовъ нашей Христіанской—церкви —окропленіе Святой водой. Вѣра въ чудодѣйственную силу такого окропленія, производимаго именно въ формѣ обрызгиванія съ кисти, живетъ въ народѣ твердо и непоколебимо. Врядъ-ли такое особое почитаніе этого обряда можно объяснить только вліяніемъ исключительно Христіанской церкви; болѣе вѣроятно, что тутъ одно изъ тѣхъ совпаденій обрядовъ новаго со старымъ, когда основной обычай не встрѣчаетъ противорѣчія и въ нововведеніяхъ, а напротивъ только способствуетъ ихъ успѣшному воспринятію народными массами.

Сопоставивъ всѣ эти обстоятельства почерпнутыя изъ фактовъ историческихъ и изъ наблюденій народнаго быта, съ тѣмъ ясно доказаннымъ фактомъ, что языческая религія древнихъ Славянъ, не смотря на свой единый, первоначальный источникъ, была далеко не у всѣхъ племенъ одинакова, а подраздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ группъ или сектъ народившихся подъ вліяніемъ различныхъ условій географическихъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіи различія усвоенныхъ племенами способовъ борьбы за существованіе—мы вправѣ предположить логически, что между осѣдлыми племенами Славянскими занимавшими въ древности центральную и сѣверо восточную часть Россіи должна была преобладать религія выработавшаяся у народа мирнаго и чисто земледѣльческаго. Исходя изъ этой мысли, мы точно также вполнѣ логично переходимъ къ предположенію, что въ быту этихъ земледѣльцевъ формы умѣреннаго атмосфернаго орошенія земли въ видѣ *росы* или *росинца*—должны были играть, въ силу ихъ благодѣтельнаго на народную жизнь вліянія, роль первенствующую, а слѣдовательно, и породить особое почитаніе этихъ атмосферныхъ явленій въ видѣ опредѣленнаго

въ честь ихъ культа или религіознаго обряда. Предположеніе это вполнѣ подтверждается и тѣми слѣдами древнихъ религіозныхъ вѣрованій, которые мы наблюдаемъ въ современной народной жизни, въ особенности же совпаденіемъ времени года, въ которое и по сіе время народъ совершаетъ свои Русальные обряды, съ тѣмъже временемъ, когда онъ долженъ былъ и въ древности чествовать именно эти явленія атмосферныя. И роса и росинецъ являются особенно благодѣтельными для земледѣльцевъ средней полосы Россіи именно въ Маѣ или въ началѣ Іюня, когда земля послѣ стаянія послѣднихъ снѣговъ наиболѣе нуждается въ орошеніи, для обильнаго урожая—главнаго народнаго блага. Весьма вѣроятно также, что много способствовало укрѣпленію древняго культа весенняго празднованія росы и переносное значеніе ея благой силы на самую личность человѣка. Древніе браки язычниковъ Русскихъ по всѣмъ вѣроятіямъ совершались преимущественно (а въ началѣ, вѣроятно и исключительно) весною. Кромѣ того вліянія чисто физическаго, которое оказываетъ это время года на половые инстинкты человѣка—оно же являлось наиболѣе удобнымъ для заключенія брачныхъ союзовъ и въ силу самаго народнаго быта: естественный періодъ послѣднихъ мѣсяцевъ беременности совпадаетъ при этомъ съ временемъ зимнимъ, то есть съ такимъ, когда работница имѣетъ болѣе всего свободнаго времени, въ силу чего и неспособность ея къ работѣ является наименѣе для хозяйства ощутительною. Такимъ образомъ обрядъ *празднованія росы* совпадалъ и со свадьбами народа, при которыхъ роль росы, росинца и аллегорическаго обрызгиванія играли въ народномъ представленіи, для плодородія браковъ роль также весьма существенную.

Всѣ эти предположенія невольно наводятъ на мысль, что древнія *Русальи*, слѣды которыхъ сохранились и по нынѣ въ народныхъ обрядностяхъ *Русальныхъ* — были ничто иное какъ празднества въ честь какого нибудь божества (Сварога или Перуна) распоряжавшагося благодѣтельными явленіями атмосферными: *росою* и *росинцемъ* и что самые наружные обряды этихъ празднествъ (вѣроятно имѣвшіе также соотношеніе съ заключеніемъ союзовъ брачныхъ) имѣли непосредственную связь также съ росою или росинцемъ—вѣроятно, въ видѣ аллегорическаго изображенія этихъ явленій въ формѣ *росительства*—обрызгиванія, а потому есть много основаній предположить, что и самое названіе *Русалій* или *Росалій*, происходитъ отъ названій тѣхъ-же явленій атмосферныхъ.

Отсюда достаточно понятно объясняется и происхожденіе нашего народнаго имени. Если мы допустимъ, что между Славянскими языческими религіями существовала такая, которая, въ силу чисто земледѣльческаго быта своихъ послѣдователей, выработала особое почитаніе *росы*, *росинца* и аллегорическаго *росительства* — обрызгиванія и выражало его въ особыхъ весеннихъ обрядахъ называемыхъ *Росальями* или *Русальями*,— то, при наличности замѣчаемаго въ нашемъ народѣ пристрастія къ наименованіямъ именно обрядно-религіознымъ, весьма естественно, что всѣ послѣдователи этой языческой секты могли называться *Росичами* или *Русицами* (именемъ которымъ называются Русскіе въ „Словѣ о полку Игоря“) т. е. *росителями*, приверженцами и послѣдователями обрядовъ *Русалье* *) въ отличіе отъ со-

*) Пристрастіе къ приданію кличекъ или прозвищъ извѣстнымъ группамъ людей—по отличительнымъ, главнымъ и пре-

сѣдей своихъ—поклонниковъ Радегаста и Свѣтовита—*Радимичей* и *Витичей*, а также и отъ сторонниковъ Литовскаго жреца Криве—*Кривичей* или наконецъ отъ приверженцевъ Богмита (Магомета) *Богмичей*.

Если мы допустимъ такое толкованіе происхожденія нашего народнаго имени, то намъ становится совершенно понятнымъ и еще одно историческое свидѣтельство начала XVI-го вѣка—по сіе время остававшееся недостаточно выясненнымъ, а именно—свидѣтельство по поводу того же вопроса о происхожденіи названія Русскихъ извѣстнаго Герберштейна.

Герберштейнъ первый изъ Европейскихъ путешественниковъ обстоятельно познакомившійся съ Россіей въ началѣ XVI-го вѣка пишетъ о происхожденіи имени Руссовъ слѣдующее:

„Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, отъ чего Россія получила свое названіе. (1) Нѣкоторые думаютъ что она получила имя отъ Русса, брата или племянника Леха, князя Польскаго, который будто-бы былъ Русскимъ княземъ; (2) По другимъ отъ одного очень древняго города именемъ Русса не далеко отъ Великаго Новгорода; (3) По третьимъ отъ смуглаго цвѣта этого народа; (4) Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи черезъ перемѣну звуковъ“.

„Но Московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія какъ несогласныя съ истиной, подтверждая тѣмъ, что ихъ народъ (5) издревле названъ Россея т. е.

имущественно внѣшнимъ признакамъ ихъ религіозныхъ культовъ—замѣтна и по сіе время въ нашемъ народѣ, между прочимъ и въ названіяхъ придаваемыхъ народомъ различнымъ раскольничьимъ толкамъ; таковы напр. прозванія: *Молокане*—употребляющіе въ посты *молоко*, *Прыгуны*—*прыгающіе* при радѣніяхъ, *Субботники*—празднующіе *Субботу*, *Безпоповцы* и т. п.

народомъ разсѣяннымъ или разбросаннымъ, на что указываетъ самое имя, потому что Россея на языкѣ Руссовъ значитъ разсѣяніе. Справедливость этого ясно доказывается тѣмъ, что и теперь еще разные народы живутъ въ Россіи перемѣшанно другъ съ другомъ и что различныя области Россіи тамъ и сямъ смѣшаны и перерѣзываемы другими. Извѣстно также читающимъ Священное писаніе, что и пророки употребляютъ слово разсѣяніе, когда говорятъ о разсѣяніи народовъ. Многіе, однако, (6) ведутъ названіе Руссовъ отъ Греческаго и даже отъ Халдейскаго корня имѣющаго подобное-же значеніе, а именно отъ теченія которое у Грековъ называется ῥοῦς, или распрыскиванія по каплямъ, которое у Арамейцевъ называется „Resissaia“ или „Ressaia“*).

Разбирая это извѣстіе Герберштейна, мы видимъ въ немъ такимъ образомъ по вопросу о происхожденіи названія Россіи шесть отдѣльныхъ мнѣній. Первыя четыре изъ нихъ, какъ можно усмотрѣть, самимъ Русскимъ не принадлежали—это видно изъ фразы „Московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія“, слѣдовательно, это были догадки изслѣдователей иноземныхъ. Между прочимъ, эта-же фраза является также очень важною въ томъ смыслѣ, что она прямо указываетъ, что всѣ эти четыре мнѣнія были уже тогда въ Россіи извѣстны, но за истину ни одно изъ нихъ не признавалось, такъ какъ въ то-же время въ Россіи существовало по данному вопросу мнѣніе и свое собственное. Какое оно было—пятое или шестое, изъ текста Герберштейна ясно не видно, но что во всякомъ случаѣ и шестое мнѣніе признавалось Русскими за правдоподобное, это видно изъ самой редакціи текста. Если-бы это

*) Герберштейнъ. «Записки о Московіи» СПБ. 1866 г. стр. 7.

мнѣніе также не принималось Русскими въ разсчетъ, то авторъ, конечно, поставилъ-бы его на ряду съ первыми четырьмя и закончилъ-бы свое извѣстіе передаваемымъ имъ мнѣніемъ пятымъ. Впрочемъ, какъ пятое такъ и шестое мнѣніе, въ сущности, представляютъ изъ себя, вѣроятно, не болѣе какъ два варіанта одного и того-же. Постараемся это доказать.

Съ перваго взгляда, объясненіе производства имени *Россіи* отъ *разсѣянія* можетъ казаться весьма неудачнымъ каламбуромъ, которымъ авторъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ нибудь шутникомъ или мѣстнымъ совершенно невѣжественнымъ этимологомъ. Россія и раз-сѣяніе суть два слова, очевидно, совершенно разныхъ корней, причемъ во второмъ весьма ясно обозначаются и составныя его части: предлогъ *раз* – и отглагольное—*сѣяніе*. Въ сущности, однако, это не совсѣмъ такъ. Въ древне-Русскомъ языкѣ тоже дѣйствіе разсѣянія, разсыпанія передавалось глаголомъ по звуку, хотя и похожимъ, но все-же нѣсколько отличнымъ, а именно —*росути* встрѣчаемымъ между прочимъ и въ нашей древней „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ формѣ причастія *росулься*. Въ этой своей древней формѣ глаголъ *росути* съ нашимъ народнымъ именемъ имѣетъ уже по основнымъ звукамъ сходство дѣйствительно весьма разительное, а потому и предположеніе о производствѣ имени собственнаго, народнаго отъ этого глагола является вполнѣ понятнымъ и естественнымъ.

Наши этимологи признаютъ въ настоящее время этотъ древній глаголъ *росути* за слово сложное и разлагаютъ его на двѣ части: предлогъ *роз* (*раз*) и глаголъ *сути* – сыпать,—противуставляя ему другой древній глаголъ *съсути*—переводимый на современный языкъ глаголомъ—ссыпать. Мы охотно вѣримъ этому

объясненію, но тѣмъ не менѣе обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: рядомъ съ древнимъ глаголомъ *росути* существовалъ, конечно, и другой древній глаголъ весьма на него по звукамъ похожій—*росити*, т. е. росить, орошать По странному стеченію обстоятельствъ оба глагола были схожи между собой не только по звукамъ, но и по смыслу, съ тою только разницею, что одинъ означалъ извѣстное дѣйствіе касательно сыпучихъ тѣлъ, а другой тоже дѣйствіе касательно—жидкихъ. Разница въ звукахъ едва замѣтная въ письмѣ, очевидно, была еще незамѣтнѣе при передачѣ устной. Спрашивается: чѣмъ могли руководствоваться изслѣдователи для разъясненія происхожденія названій отъ того или отъ другаго глагола производныхъ? Очевидно, лишь отысканіемъ первоначальнаго смысла этихъ названій, а отсюда, понятно, что при малѣйшемъ признакѣ утраты этого смысла, путаница должна появиться неминуемая. Едва-ли не слѣды такой путаницы, мы замѣчаемъ при сравненій двухъ послѣднихъ Русскихъ мнѣній приводимыхъ Герберштейномъ—пятаго и шестаго. Въ первомъ изъ нихъ ясно выказывается производство отъ *росути*, тогда, какъ въ послѣднемъ, какъ видно изъ сравненія съ Греческимъ выраженіемъ—теченія и арамейскимъ—разбрызгиванія—первенствующее значеніе уже получаетъ глаголъ *росити*. Очевидно, что уже во времена Герберштейна точный смыслъ нарицательнаго значенія нашего народнаго имени былъ утраченъ, хотя въ Русскомъ обществѣ еще живо было сознаніе, что таковой нарицательный смыслъ когда-то имѣлся и что онъ имѣлъ отношеніе къ одному изъ глаголовъ: *росути* или *росити*. Этимъ объясняется и появленіе двухъ типовъ толкованія: одного въ смыслѣ народа *разсѣяннаго*, другое

въ смыслѣ пріурочиванія къ значеніямъ словъ иностранныхъ—теченія и *разбрызгиванія*.

Такимъ образомъ изъ разъясненія шестого мнѣнія приводимаго Герберштейномъ мы видимъ, что приверженцы истолкованія производства имени Россовъ отъ глагола *росити* существовали у насъ еще въ началѣ XVI-го вѣка. Мнѣніе это едва-ли не самое правдоподобное изъ всѣхъ другихъ, такъ какъ оно а) представляется мнѣніемъ чисто Русскимъ, туземнымъ, основаннымъ въ противоположность первымъ четыремъ мнѣніямъ иностраннымъ не исключительно на отвлеченныхъ догадкахъ и измышленіяхъ, а вѣроятно на кой-какихъ этнографическихъ или историческихъ свѣдѣніяхъ почерпнутыхъ изъ источниковъ народныхъ, и б), оно вѣроятнѣе мнѣнія пятаго, такъ какъ въ немъ предполагается происхожденіе народнаго имени отъ слова простого, а не сложнаго, кромѣ того имѣющаго и по значенію—если принять во вниманіе древніе языческіе обряды,—гораздо болѣе смысла и важности въ древнемъ народномъ сознаніи, чѣмъ фактъ разрозненнаго положенія народныхъ поселеній—признакъ чисто внѣшній. случайный, и, для созданія какого-бы то ни было общаго народнаго имени, совершенно не пригодный.

Въ этомъ-же извѣстіи Герберштейна есть и еще одна интересная для насъ сторона. Намъ весьма интересно было-бы знать. кому именно принадлежали эти два послѣднія мнѣнія о происхожденіи народнаго имени: были-ли они чисто народныя, или-же распространены между тогдашнимъ классомъ интеллегентнымъ? На это мы находимъ у того-же Герберштейна, отвѣтъ довольно опредѣленный, хотя и косвенный.

Говоря далѣе (стр. 11) о призваніи первыхъ князей, авторъ пишетъ:

„Руссы хвалятся, что эти три брата (Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ) вели свое происхожденіе отъ Римлянъ, отъ которыхъ производитъ свой родъ и нынѣшній Московскій Государь (Василій Іоанновичъ III)“.

Въ этомъ извѣстіи мы видимъ слѣды тѣхъ-же измышленій нашихъ отечественныхъ придворныхъ книжниковъ, которыя вошли и въ нашу Степенную книгу и во многія изъ новѣйшихъ лѣтописей. Въ основаніи этихъ измышленій всетаки лежитъ довѣріе къ извѣстію перваго лѣтописца о призваніи князей, а, слѣдовательно, и къ возможности заимствованія народнаго имени отъ собственнаго имени какого нибудь лица или племени изъ пришельцевъ. Въ то-же самое время, какъ мы знаемъ, духовенство наше продолжало въ общемъ переписывать древнюю „Повѣсть“, гдѣ о заимствованіи имени выражено также вéсьма ясно. Царю и высшему сословію, князьямъ и боярамъ, послѣдній варіантъ о Римскихъ предкахъ приходился, конечно, болѣе всего по вкусу и о нихъ то вѣроятно и говоритъ Герберштейнъ въ своей фразѣ „Руссы хвалятся, что три брата вели происхожденіе отъ Римлянъ“. Слѣды этой похвальбы замѣтны, впрочемъ, и по другимъ источникамъ того-же столѣтія. Іоаннъ Грозный, напр. при пререканіяхъ своихъ съ Шведскимъ королемъ гордо называлъ себя потомкомъ Императора Августа, а о королѣ отзывался какъ о „мужицкомъ сынѣ“. Извѣстный князь Андрей Курбскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ о происхожденіи многихъ Русскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ отъ древнихъ князей *Решскихъ* (т е. средневѣковыхъ Имперскихъ, Германскихъ). Лишь средній классъ и народъ относился къ знатности своего происхожденія гораздо болѣе безразлично, а слѣдовательно и имѣлъ возможность разобрать вопросъ болѣе безпристрастно, отъ

книжныхъ измышленій независимо, и руководствуясь исключительно лишь отголосками древнихъ преданій жившихъ въ народѣ и собственнымъ самосознаніемъ. Поэтому-то есть много основаній предполагать, что 5-ое и 6-ое мнѣнія передаваемыя Герберштейномъ заимствованы имъ не отъ духовенства и не отъ высшихъ сословій, а отъ самого народа или, по крайней мѣрѣ,—отъ лицъ стоявшихъ въ непосредственной связи съ народомъ и изъ наблюденій своихъ надъ его жизнью свои свѣдѣнія почерпнувшихъ. Это обстоятельство придаетъ этимъ мнѣніямъ значеніе еще большее:

Во 1-хъ—оно удостовѣряетъ намъ то, что еще въ началѣ XVI-го вѣка мнѣніе о происхожденіи нашего народнаго имени высказываемое офиціальными учеными книжниками народомъ не раздѣлялось и за непреложную истину не почиталось;

Во 2-хъ—что въ народѣ въ то-же время живо было представленіе о древнемъ нарицательномъ значеніи нашего народнаго имени;

Въ 3-хъ—что происхожденіе этого имени связывалось въ народномъ представленіи съ однимъ изъ весьма схожихъ между собою древне-Русскихъ глаголовъ *росути* или *росити*, причемъ сравнивая смыслъ того и другаго глагола, мы при сопоставленіи со многими другими обстоятельствами побочными невольно склоняемся къ мысли, что происхожденіе отъ послѣдняго изъ нихъ является болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ

Такимъ образомъ, если мы убѣждаемся въ томъ, что словопроизводство имени Россовъ отъ глагола *росити* допускалось у насъ въ Россіи еще во времена Герберштейна—это еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль объ отожествленіи имени древнихъ Россовъ по своему значенію съ современнымъ выраженіемъ—*росители* или

приверженцы обряда посвященнаго празднованію *росы*, *росинца*, *росительства* (разбрызгиванія, окропленія) т. е. слѣдовательно, о происхожденіи нашего народнаго имени *отъ религіознаго культа древне языческаго.*

Придя такимъ образомъ къ извѣстному заключенію по вопросу о древнемъ значеніи нашего народнаго имени, мы получаемъ въ итогѣ прямой отвѣтъ на первый изъ вопросовъ положенныхъ нами въ основаніе настоящаго изслѣдованія, а именно на вопросъ:—откуда появилось названіе „Русь" и что оно означало? Кромѣ того изъ разрѣшенія этого вопроса выясняется и путь, по которому надо слѣдовать для разрѣшенія вопросовъ послѣдующихъ. Такъ напр. дѣлается яснымъ, что первоначальной причиной объединенія отдѣльныхъ племенъ въ одинъ народъ „Русскій" служилъ главнымъ образомъ принципъ религіозный, вначалѣ обрядовой—языческій, а впослѣдствіи—унаслѣдовавшій силу его вліянія на народное міровозрѣніе— Православно-Христіанскій. Не менѣе яснымъ становится и вопросъ о первоначальномъ племенномъ составѣ, изъ котораго образовался народъ Русскій. Очевидно составъ этотъ былъ по преимуществу Славянскій, такъ какъ и самый религіозный принципъ непосредственно вытекаетъ изъ характера быта тѣхъ мирныхъ земледѣльцевъ средней полосы Россіи, которыми являются въ моментъ возникновенія его выражившагося въ появленіи новаго народнаго названія на страницахъ исторіи—никто иные, какъ племена восточно-Славянскія.

Не смотря, однако, на такую видимую легкость разрѣшенія послѣдующихъ вопросовъ на основаніи предъидущаго, отвѣты на нихъ будутъ, однако, въ дѣй-

ствительности, далеко не полны, если мы не разрѣшимъ и еще одного вопроса имѣющаго по отношенію къ древнимъ судьбамъ нашего народа значеніе весьма важное. Таковымъ вопросомъ является общій вопросъ „о Варягахъ“. Кто были эти таинственные пришельцы игравшіе повидимому въ древней Россіи роль весьма значительную? Откуда они появились и какъ велика была для нашего народа сфера ихъ вліянія? Что означало въ древности самое названіе „Варяги“; было-ли это имя собственное, этнографическое, или-же только прозвище имѣвшее значеніе нарицательное? Вотъ тѣ главные изъ частныхъ вопросовъ, которые возникаютъ при первомъ-же столкновеніи съ вопросомъ общимъ и разрѣшеніе ихъ является существенно необходимымъ, какъ такъ иначе наше представленіе, какъ о первоначальной причинѣ объединенія народа, такъ равно и о древнемъ племенномъ его составѣ будетъ далеко не полно и поверхностно.

Выясненіе данныхъ вопросовъ важно также и въ томъ смыслѣ, что на нихъ то главнымъ образомъ, благодаря довѣрію оказываемому многими учеными древней „Повѣсти“, и зиждятся всѣ недоразумѣнія по поводу разрѣшенія главнаго, общаго вопроса о происхожденіи Руси. Ограничиться простымъ отрицаніемъ важности роли Варяговъ въ нашей древности, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые представители группы скептиковъ — является положительно невозможнымъ. Мы уже старались доказать выше, что лѣтописцу не было никакого смысла и цѣли выдумывать явную, неправдоподобную басню, такъ какъ она не только противорѣчила бы народнымъ преданіямъ, но являлась-бы противной и княжескому самолюбію и народной гордости и даже Православно-Христіанскому чувству самаго автора.

Въ заключеніи послѣ выясненія существеннаго вопроса о Варягахъ мы будемъ имѣть возможность вновь и уже окончательно вернуться къ критической оцѣнкѣ всѣхъ тѣхъ источниковъ древности имѣющихъ отношеніе до разсматриваемаго нами вопроса, различныя толкованія которыхъ и порождаютъ между учеными главную массу недоразумѣній, споровъ и пререканій. Подобное разсмотрѣніе этихъ источниковъ намъ необходимо для еще большаго укрѣпленія правдоподобности высказываемыхъ нами положеній, причемъ, конечно, разсмотрѣніе главнаго источника—„Повѣсти" должно выяснить и тѣ мотивы, которыми руководствовался нашъ древній лѣтописецъ при составленіи своихъ ошибочныхъ извѣстій о древнѣйшихъ судьбахъ нашего народа.

Оба эти предмета: вопросъ о Варягахъ и окончательное критическое разсмотрѣніе источниковъ войдутъ во вторую часть настоящаго труда.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. . . . . 5— 10

Важность разрѣшенія вопроса о происхожденіи Руси. Подраздѣленіе главнаго, общаго вопроса на нѣсколько второстепенныхъ.

Глава II . . . . . 11— 19

Краткій историческій очеркъ положенія главнаго вопроса въ нашей наукѣ. Отдѣльныя школы и группы.

Глава III, ... 20— 28

Ученіе школы Германистовъ.

Глава IV . . . . . 29— 44

Опроверженіе этого ученія высказанныя различными противниками этой школы.

Глава V . . . . . 45— 50

Ученіе группы выводящей Русь изъ странъ Славянъ Прибалтійскихъ. Недостатки этого ученія.

Глава VI . . . . . 51— 56

Теорія о Литовскомъ происхожденіи Руси. Ея недостатки.

Глава VII . . . . . 57— 67

Попытки отысканія того первоначальнаго слова, отъ котораго произошло наше народное имя.

Глава VIII . . . . . 68— 83

Источники удостовѣряющіе о древности нашего народнаго имени въ предѣлахъ Россіи.

Стр.

Глава IX . . . . . 84—105

О главномъ отечественномъ источникѣ—«Повѣсти временныхѣ лѣтъ».

Глава X . . . . . 106—125

Теорія современныхъ представителей группы скептиковъ. Ея достоинства и недостатки.

Глава XI . . . . . 126—136

Неправдоподобность предположеній о заимствованіи народнаго названія племенами восточно-Славянскими отъ какого-бы то ни было народа господствовавшаго. Попытка отысканія происхожденія названія Россовъ на почвѣ языческо-религіозной.

Глава XII . . . . . 137—158

Разсужденіе 1-ое: О религіозномъ значеніи племенныхъ названія Кривичей, Радимичей и Вятичей.

Глава XIII. . . . . 159—168

Разсужденіе 2-ое: Сличеніе текстовъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Глава XIV. . . . . 169—196

Разсужденіе 3-ье: О древнихъ Русальяхъ, современныхъ Русальныхъ обрядностяхъ и Русалкахъ. Общій выводъ о происхожденіи народнаго имени.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
14	10	*что* были лѣтописные Варяги	*кто* были лѣтописные Варяги
45	12	скепическаго	скептическаго
47	12	букъ	буквъ
48	28	всетакн	всетаки
61	10	Византійскіхъ	Византійскихъ
65	1	ное имя	свое имя
71	30	націй	націи
73	4	миѣніе	мнѣніе
88	4 (прим.)	муозрѣніемъ	умозрѣніемъ
93	9 (прим.)	первоначальный	первоначальныхъ
101	33	деревянныя	деревянные
105	27	жиздятся	зиждятся
107	25	иа морѣ	на морѣ
121	23	восможность	возможность
122	20	особенностяхъ	особенностямъ
135	8	своею	своего
158	3	смыслѣ	смыслъ
164	28	служитъ	служить

72 C 55 I
88PB
791